

**ДНЕВНИК
АЛТАЙСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ
№ 35. Сентябрь 2019 г.**

**Современная Россия и мир:
альтернативы развития
(Политика памяти и формирование
международного имиджа страны)**

Сборник научных статей

Барнаул
Издательство
Алтайского государственного
университета
2019

ББК 66.3(2)я431+66.4(2)я431

Д 541

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук, профессор **Ю.Г. Чернышов** (отв. редактор), кандидат исторических наук, доцент **О.А. Аршинцева**, кандидат исторических наук, доцент **А.М. Бетмакаев**, **С.Н. Исакова** (отв. секретарь), кандидат исторических наук, доцент **В.Н. Козулин**, кандидат исторических наук, доцент **О.Ю. Курныкин**.

Д 541 **Дневник Алтайской школы политических исследований № 35. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Политика памяти и формирование международного имиджа страны): сборник научных статей / под ред. Ю.Г. Чернышова. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2019. — 227 с.**

Сборник содержит научные статьи исследователей из восьми российских городов (Барнаул, Владивостока, Екатеринбурга, Москвы, Новосибирска, Петрозаводска, Санкт-Петербурга и Томска) и трех зарубежных стран (Канады, Республики Казахстан и Республики Таджикистан). В статьях рассматриваются теоретические, исторические и прикладные аспекты темы влияния политики памяти на международный имидж страны.

Издание предназначено как для специалистов (историков, международных специалистов, регионоведов, политологов, социологов, культурологов, экономистов, юристов и др.), так и для всех, кто интересуется проблемами политики памяти и международного имиджа страны.

ББК 66.3(2)я431+66.4(2)я431

ISSN 2309-5431

© Алтайская школа политических исследований, 2019

© Оформление. Издательство Алтайского государственного университета, 2019

На обложке: ставший символом многолетних франко-германских противоречий «Компьенский вагон», в котором были подписаны первое (1918 г.) и второе (1940 г.) перемирия в Компьене (Франция).

БАРНАУЛ

**СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ И МИР:
АЛЬТЕРНАТИВЫ РАЗВИТИЯ**

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ И ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ИМИДЖА СТРАНЫ

Ю.Г. Чернышов
Политика памяти и международный опыт
ее использования

В данном выпуске «Дневника Алтайской школы политических исследований» публикуются статьи по теме, которая была обсуждена на двух конференциях АШПИ — интернет-конференции, проведенной 1 апреля — 30 июня 2019 г., и «очной» ежегодной конференции, прошедшей 26 — 27 сентября. В целом такие конференции проводятся ежегодно с 1996 года, и все материалы, опубликованные в 35-ти выпусках «Дневника», читатель может посмотреть на сайте АШПИ [1]. В данной вступительной статье хотелось бы, прежде всего, представить основные результаты прошедших в 2019 году обсуждений, чтобы читателю легче было ориентироваться в опубликованных здесь материалах.

В этом году организаторами конференций было принято решение рассмотреть тему «Политика памяти и формирование международного имиджа страны». Нужно отметить, что, помимо несомненной актуальности проблемы исторической памяти, на выбор темы повлияло и то, что на предыдущих обсуждениях эксперты АШПИ неоднократно рассматривали проблемы формирования международного имиджа страны с выходом и на исторические аспекты [2; 3; 4]. Поэтому изучение темы 2019 года позволило продвинуться вперед с использованием уже существующих наработок. В зарубежной и в отечественной литературе, как известно, создано уже немало серьезных исследований по теме «политики памяти». Среди новых отечественных работ можно отметить, например, исследования Г.А. Бордюгова, Д.В. Ефременко, Н.Е. Копосова, О.Ю. Малиновой, А.И. Миллера, В.В. Титова и др. [5; 6; 7; 8; 9]. Тем не менее, связь «политики памяти» с процессами формирования международного имиджа страны пока еще редко становилась предметом специального изучения. На заполнение данной лакуны и был направлен проект проведения конференций.

На интернет-конференции, прошедшей в апреле — июне 2019 года, доклады были распределены по трем основным секциям:

1. Политика памяти и ее влияние на взаимное восприятие стран и народов: теоретические аспекты.
2. Интерпретации истории и образы стран в периоды до 1991 г.

3. Использование политики памяти и имиджевая политика государств в современном мире.

На эту конференцию поступил 31 доклад. Среди авторов были не только российские, но и зарубежные ученые из Канады и Республики Казахстан. Российские города были представлены Барнаулом, Владивостоком, Екатеринбург, Москвой, Новосибирском, Петрозаводском, Санкт-Петербургом и Томском. Большинство докладов были посвящены изучению того, как в имиджевых целях используется политика памяти в современном мире. По ряду докладов поступили вопросы, шло их обсуждение в Интернете.

Затем 26-27 сентября 2019 г. в Алтайском государственном университете прошла XXIV ежегодная научно-практическая конференция АШПИ «Современная Россия и мир: альтернативы развития (Политика памяти и формирование международного имиджа страны)». Ее организаторами стали Алтайская школа политических исследований, Алтайский государственный университет (кафедра всеобщей истории и международных отношений), Конгресс интеллигенции Алтайского края, Российская ассоциация политической науки.

На «очной» конференции было продолжено обсуждение данной темы. С приветствиями к участникам конференции обратились Р.И. Райкин, проректор по развитию международной деятельности АлтГУ и Н.Ю. Колокольцева, заместитель декана исторического факультета. Директор АШПИ, заведующий кафедрой ВИМО, председатель Алтайского отделения РАПН Ю.Г. Чернышов подвел итоги интернет-конференции и призвал докладчиков обратить внимание на общие и особенные черты «политики памяти» в разных странах.

В первый день конференции состоялся вебинар, на котором участники обсудили on-line выступления ученых из других городов: Тони Рокки (Торонто, Канада), С.В. Голунова (Москва), В.Р. Филиппова (Москва), О.Г. Лекаренко (Томск), И.А. Вальдмана (Новосибирск) и С.И. Белова (Санкт-Петербург). В ходе обмена мнениями прозвучало немало интересных наблюдений и выводов.

Во второй день, кроме алтайских докладчиков (О.А. Аршинцева, А.М. Бетмакаев, Д.А. Глазунов, В.Е. Дергачева, В.Н. Козулин, О.Ю. Курныкин, Ю.А. Лысенко, Н.С. Малышева, А.М. Савоськин, Н.Ю. Самойлов, Э.Э. Ширинова, А.В. Щепеткова, П.В. Ульянов), на конференции выступили С.В. Козлов (Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ), Д.В. Березняков (Новосибирский государственный университет), а также молодые исследователи из Казахстана (А.Т. Желдыбаева) и Таджикистана (С.Ф. Назаршоева). Всего было заслушано 22 доклада, по ряду из них были оживленные дискус-

сии. Обсуждались вопросы о международном опыте проведения «политики памяти», об использовании исторических символов и памятников, об идеологизированных интерпретациях исторических событий и т.д.

Итоги прошедших дискуссий их участникам еще предстоит осмыслить в более полной мере. Здесь же хотелось бы привести некоторые замечания, связанные с необходимостью дальнейшего изучения темы международного опыта использования «политики памяти».

В качестве своеобразной эмблемы конференции 2019 года (см. обложку книги) нами было выбрано изображение «Компьенского вагона», «вагона Перемирия» («le wagon de l'Armistice») — вещественного символа, который попеременно использовался Францией и Германией для укрепления собственного имиджа «страны-победительницы». С 1918 года он напоминал о победе над Германией, с 1940 года — о том реванше, которого добилась нацистская Германия, разгромившая Францию, а в апреле 1945 года вагон был сожжен эсесовцами, чтобы не позволить снова использовать его как «позорный» для Германии символ [10]. Вся эта история очень хорошо демонстрирует то, как правительства разных стран используют события и символы прошлого в собственных интересах, для улучшения своего имиджа, для повышения легитимности, для выстраивания национальной идентичности и т.д. Разумеется, в разных странах эти процессы имеют свою специфику — многое зависит от традиций страны, от типа политической культуры, от характера политического режима, от степени развития светского образования, влияния «академической» науки и т.д. И в этой связи стоит учитывать, например, то, как различаются основные модели соотношения «политико-мифологизированных» интерпретаций истории с теми «научными» интерпретациями, которые пытаются давать в своих исследованиях профессиональные историки.

На наш взгляд, здесь можно выделить две основные модели, которые проявились в своих основных чертах еще в государствах древности. Первая из этих моделей характеризуется безусловным доминированием «политико-мифологизированных» интерпретаций над рационально-объективистскими подходами, направленными на восстановление «того, как все действительно было» (т.е. реальной истории). Уже в древних деспотиях история активно использовалась для возвеличивания монархов, возведения их происхождения к богам, для прославления побед над врагами и т.д. В определенной степени эта традиция была продолжена и в Римской империи. Поэт Вергилий, получивший

через Мецената заказ на «Энеиду», буквально «сочинил» эпическую историю о том, что римляне якобы происходят от троянцев, а император Август — от троянского царевича Энея, бежавшего около тысячи лет назад из Трои в Италию. Этот искусственно созданный миф призван был «освятить» имидж Рима как «Вечного города», призванного править всеми народами. Весьма характерно, что еще более чем через тысячу лет этот миф пытались использовать и средневековые монархи. Так, Иван Грозный утверждал, что его род происходит от самого императора Августа (через Рюрика) [11, с. 136]. Эта версия, призванная хоть как-то обеспечить легитимность царской власти в глазах европейцев, разумеется, не имела ничего общего с реальной историей, но участь тех подданных царя, которые посмели бы усомниться в ее подлинности, была бы незавидной.

Другая модель соотношения политико-мифологизированных интерпретаций истории с «протонаучными» и «научными» интерпретациями проявилась, например, еще у «отца истории» Геродота. Так, например, он достаточно реалистично и критично описал ход Греко-персидских войн, в том числе и эпизод про битву при Фермопилах, который со временем в наибольшей степени подвергся мифологизации и героизации. Тем не менее, мифологизированный образ «300 спартанцев», став символом героической борьбы за свободу против идущей с Востока угрозы рабства, все же не противоречил по своей сути реальной истории, т.е. «сакральная» история не подавляла и не искажала «реальную» историю, а лишь дополняла ее и сосуществовала с ней. В последующие века такая модель встречается преимущественно в демократических государствах, где существует реальный плюрализм мнений и где государственные или религиозные институты не навязывают обществу «единственно верную» (т.е., как правило, выгодную им в данный момент) трактовку исторических событий.

Эти различия двух моделей, как и еще ряд важных моментов, отмеченных авторами в приводимых ниже статьях, очевидно, стоит учитывать при анализе использования «политики памяти» в разных странах. Даже в наши дни можно услышать весьма странные суждения о том, что «историю не обязательно должны преподавать историки». Историю нередко пытаются представить лишь как «умильные повести», как лакированный лубок. Между тем, незнание обществом реальной истории и ее уроков чревато повторением опасных ошибок и трагедий прошлого. В целом тема «политики памяти» весьма сложна и многогранна, и именно поэтому необходимо углубленное научное изучение самых разных ее аспектов.

При закрытии XXIV конференции АШПИ ее участники определили тематику следующей конференции. На очередной, XXV конференции планируется рассмотреть тему «Глобальные исторические события XX века и национальные варианты политики памяти». С апреля 2020 г. планируется начать обсуждение этой темы на интернет-конференции. Оргкомитет приглашает всех, кто интересуется этой темой, продолжить ее обсуждение в рамках следующих конференций.

Литература

1. Дневник АШПИ // Алтайская школа политических исследований. URL: http://ashpi.asu.ru/ic/?page_id=819
2. Дневник АШПИ. №23. Современная Россия и мир: альтернативы развития (международный имидж России в XXI веке). Барнаул, 2007.
3. Дневник АШПИ. № 26. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Россия и Западная Европа: влияние образов стран на двусторонние отношения). Барнаул, 2010.
4. Дневник АШПИ. № 33. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Имидж страны как фактор «мягкой силы» в международных отношениях). Барнаул, 2017.
5. Бордюгов Г.А. «Войны памяти» на постсоветском пространстве. М., 2013.
6. Копосов Н.Е. Память строгого режима. История и политика в России. М., 2011.
7. Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М., 2015.
8. Миллер А.И., Малинова О.Ю., Ефременко Д.В. Политика памяти и историческая наука // Российская история. 2018. № 5. С. 128–140.
9. Титов В.В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. М., 2017.
10. Commault R. Histoire de la voiture-restaurant no 2419 D: le wagon de l'Armistice. Uzès, 1969.
11. Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексева, Н.В. Поньрко. СПб., 2003. Т. 12: XVI век.

1. ПОЛИТИКА ПАМЯТИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ВЗАИМНОЕ ВОСПРИЯТИЕ СТРАН И НАРОДОВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Л.Г. Коваленко

Политика памяти как механизм влияния на политический процесс

В политике «мягкой силы», ее технологическом обеспечении особая роль отводится прошлому. И здесь речь идет об интерпретациях, связывающих прошлое с настоящим и будущим. Предполагается, что актуализированное прошлое должно помочь вовремя обнаружить опасность, выявить врагов, мобилизовать граждан и внушить им веру в победу. Интерпретация того или иного образа или события может сплачивать общество или разобщать. Следовательно, для власти имеет значение политика, применяющая разнообразный арсенал способов и механизмов, позволяющих использовать исторические факты, символы. В научный оборот вводятся понятия: «политическая память», «политика памяти», «символическая память».

Политическая память определяется как набор приемов и методов, с помощью которых политические силы, используя административные и финансовые ресурсы государства, стремятся утвердить определенные интерпретации исторических событий как доминирующие [1]. Н.И. Шестов подчеркивает, что политическая память выполняет функцию матрицы, на основе которой осуществляется поколенческое воспроизводство структур и качественных характеристик памяти исторической, направленных на формирование и воспроизведение идентичностей — национальных и этнических [2]. Следовательно, воспоминания о прошлом, используемые политтехнологами, можно назвать политической памятью. Эту память несет в себе любое общество, создавая почву для обоснования, что в истории нет второстепенных деталей, надо изучать все, анализировать, выстраивая стратегию развития. Но политическая память — это и психологический феномен, как необходимое свойство личности политического лидера, что позволяет вырабатывать отношение к политическим явлениям, коллегам, политическим событиям. Также интерес представляет политическая память отдельных групп и в целом историческая память народа. Политика памяти — это и целенаправленная деятельность по репрезентации определенного образа прошлого, востребованного в современном политическом контексте, посредством различных вербальных и визуальных практик с целью

легитимации власти. И в этом случае она рассматривается как технология манипуляции общественным сознанием. Одним из важных концептов в политике памяти является понятие символической памяти, акцентирующей внимание на том, как с помощью символов интерпретируется социальная реальность в целях легитимации режима. Используются различные методы [1].

Выделяют две формы символической политики: ритуалы и мифы. Ритуал — это двигательная активность (выборы, законодательство). В ритуальной практике используются церемонии, активизирующие массы, рост патриотизма, гордость за страну. Миф выполняет функции политической поддержки и сохранения власти. Следует отметить значение таких символических практик, как создание «монументальных мест памяти». Все это существует в пространстве географическом и социальном, становясь частью национальной памяти, объединяя нацию (например, Голодомор — Украина; Бессмертный полк — РФ). Для осуществления политики вообще и политики памяти в частности разработаны различные приемы и механизмы: институциональные, организационные, правовые. Особо выделим следующие: институты Национальной памяти (Украина, Польша), специальные музеи памяти; принятие законов, догматизирующих трактовки исторических событий (закон о декоммунизации, о Голодоморе 1932–1933 гг. — Украина); использование финансовых рычагов по политическим законам; ограничение доступа к архивам; контроль над СМИ, системой образования, воздействие на символическую сферу. То есть технологический арсенал достаточно разнообразен. Политика памяти как механизм легитимации власти часто обращается к образу исторической личности, приданию ей особого символизма (Бандера; положительный образ Мао Цзэдуна с умалчиванием о негативном; мифологизация образа Сталина).

В международных отношениях особую значимость приобретают воспоминания о прошлом и современные оценки образа СССР и России, на Западе происходит своеобразная демонизация образа страны и формирование имиджа главного агрессора прошлого и современности, что, естественно, оказывает влияние на всю систему международных отношений. Доминирующей тенденцией стала конфронтация ряда стран Восточной Европы с Россией. Здесь проводят активную «дипломатию памяти», настаивая на официальном признании факта преступлений коммунистических режимов, принимая соответствующие внутригосударственные законы. Также отметим, что и в ЕС в период включения в альянс стран Центральной Европы остро встал вопрос о том, насколько общее культурное наследие и коллективная память могут стать основой консолидации. Прежний консенсус относительно исто-

рии был достаточно основательным, включая важные элементы — память о Холокосте и нацизме. Но в начале XXI в. многие устои европейского консенсуса о прошлом ослабли, появились новые трактовки. В 1998 г. М. Вальдер говорил, что «немецкий позор используется в целях, не имеющих никакого отношения к прошлому», и предложил меньше заниматься «ритуализацией» общей памяти и разбираться с нацизмом на уровне индивидуальной совести, хотя историческая ответственность с немцев не снималась. Также новые члены ЕС демонстрируют различные взгляды на Холокост. Таким образом, прежний евроконсенсус в отношении исторической (политической) памяти разрушается, так как не может быть вечным [3, с. 43–44]. Здесь важен вопрос, куда этот кризис ведет: к ревизии и выработке нового, более сложного консенсуса или к «войнам памяти» и манипуляциям историей с использованием всего арсенала политики памяти.

Для нас особый интерес обозначенная проблема представляет в российском контексте, поскольку отношение к историческому прошлому и внутри государства очень неоднозначное. Множество интерпретаций важнейших событий в жизни общества определяет расстановку политических сил, функционирование власти и отношение к ней и всему, что от нее исходит. Для значительной части населения РФ советское — важнейший компонент массовых представлений, картины мира, складывающейся в 2000-е гг. Ее движущими силами стали новые направления политики памяти, в частности — использование советского искусства [4, с. 51–54]. Таким образом, мир искусства сталинской эпохи стал частью борьбы за историю. Л. Гудков подчеркивает, что сталинский миф — это продукт бюрократической работы, массовой пропаганды. Подобные символы существуют потому, что к ним постоянно апеллируют политические силы, навязывающие их обществу, соответственно своим интересам. Имя «Сталин» объединяет разнородные представления о стиле руководства страной, поддерживает связь времен и задает ориентиры национального развития. Процесс восстановления «величия Сталина» в общественном восприятии можно объяснить рядом причин: разочарование в реформах, падение жизненного уровня, социальная дезорганизация, отсюда ностальгия по прошлому. Но при этом не отрицается факт массовых репрессий и подчеркиваются заслуги Сталина по превращению СССР в супердержаву [5, с. 108, 111]. То есть можно сказать, что в массовом представлении о новейшей истории страны установился консенсус относительно Сталина как крупнейшего государственного деятеля и организатора массового террора, что позволяет не доводить эти представления до состояния конфликта. В настоящее время апелляция к великому про-

шлomu стала важнейшей частью легитимации режима. Интересно, что значительная часть граждан, зная о преступлениях сталинского режима, не готова считать преступной саму советскую систему [5, с. 127], которая обеспечивала развитие общества, создание условий для жизнедеятельности граждан (образование, здравоохранение, культура и т.д.), ощущение стабильности и безопасности жизни. Возможно, этим объясняется стремление установить памятники Сталину, вернуть название города «Сталинград».

Символическая политика конструирует политическую реальность, используемую как способ консолидации общества. В центре внимания не только образ Сталина, но и героев далекого прошлого, например, князя Святослава как полководца, отразившего «злых хазар». Пропаганда данного образа служит кампания по возведению памятников с начала 2000-х гг. в РФ и Украине. Походы князя изображаются как «освободительная война». Обращение к этому образу присуще прежде всего радикальным силам, пытающимся информировать общество о «запретных страницах» истории древних славян. Популяризации образа посвящены книги, создана галерея живописных портретов князя, музыкальные произведения. В 2005 г. в с. Холки Белгородской области появился памятник Святославу, восседающему на коне, топчущем хазарского воина, в котором некоторые усмотрели аналогию с Георгием Победоносцем [6, с. 37–38]. Памятники часто ставят без санкции государства, на спонсорские деньги. Еще раньше подобный памятник появился в Киеве — в 2003 г., в 2005 г. — в Запорожье, в 2015 г. — в Мариуполе. Причем в последнем случае инициатором выступил добровольческий батальон «Азов», усмотревший в памятнике символ борьбы с сепаратистами и «русским миром», а князь для них — «герой обретенной государственности» [6, с. 39, 41]. Даже введен «день памяти» князя Святослава — 3 июля. Таким образом, историческая личность далекого прошлого может использоваться в политике памяти как определенный механизм оправдания и объяснения современных событий на постсоветском пространстве. Исходя из вышесказанного, следует отметить, что происходит постоянная реинтерпретация исторических образов, призванная привязывать их к определенным политическим интересам.

В России целью символической политики является формирование массового исторического сознания с его образами прошлого и, прежде всего, «правильных» образов у подрастающего поколения с последующим их воспроизводством. Для этого используется политика памяти, включающая разнообразный инструментарий: создание комиссии по противодействию фальсификации истории, различных фондов;

активно обсуждается вопрос о возможном введении базового учебника истории и единого историко-культурного стандарта в области образования. Проблема учебника очень важная, так как это способ передачи информации и формирования определенных идеологических взглядов учащихся, привития чувства патриотизма через обращение к прошлому и осознания себя гражданином единой страны. В рамках политики памяти проводятся всевозможные акции, посвященные знаменательным событиям; она оказывает определенное влияние и на формирование имиджа страны, ее власти, политического лидера; на межгосударственные отношения.

Литература

1. Политика памяти // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Политика_памяти
2. Шестов Н.И. Память историческая и память политическая: структура политико-мифологической связи // История и историческая память. 2010. №1. С. 20–30.
3. Миллер А. Коллективная память — одна из опор ЕС? // Pro et contra. 2012. №1–2. С. 43–49.
4. Янковская Г. Триумфальное возвращение? Искусство эпохи сталинизма в музейных и городских практиках 2010-х годов // Неприкосновенный запас. 2017. №2 (112). С. 51–66.
5. Гудков Л. Дерезализация прошлого: функции сталинского мифа // Pro et contra. 2012. №6. С. 108–135.
6. Шнирельман В. Князь Святослав и политика памяти // Неприкосновенный запас. 2017. №2 (112). С. 35–50.

Н.А. Коровникова

Политика памяти: аксиологический аспект

Масштабные трансформации геополитического устройства конца XX века, связанные с деформацией «советского блока», спровоцировали существенные изменения всех сегментов жизнедеятельности постсоветской России: социально-экономического, территориально-географического, административно-правового и *аксиологического*, который аккумулирует системообразующие ценностно-смысловые основы общественного сознания.

В течение последних десятилетий основным *инструментом* формирования качественно новых форм ментальности «постсоветского человека», которая представляет собой своего рода синтез идентификационных структур досоветского (консервативного), советского (со-

циалистического) и западного (либерального) образца [1, с. 62], служила *«политика памяти»*. Она предполагала «целенаправленную деятельность по репрезентации определенного образа прошлого, востребованного в современном политическом контексте, посредством различных вербальных и визуальных средств» [2, с. 19], а также практику политического использования прошлого в качестве одного из аспектов *символической политики* [3, с. 115].

На различных этапах постсоветской истории применялись разные ракурсы интерпретации прошлого российского государства: от дискредитации советского наследия и искажения российской истории в ранний постперестроечный период до конвергенции модификаций аксиологических структур Российской империи и СССР (в том числе и на уровне государственной символики), которые сформировали базис современной российской макроидентичности [1, с. 63].

Хотя результаты постсоветских «экспериментов» доказывают, что только обращение к историческому прошлому недостаточно для укрепления ценностно-телеологических (аксиологических) основ развития России, адаптированных к современному контексту, все же именно *«политика памяти»* позволила аккумулировать наиболее устойчивые ментальные образования общественного сознания, что позволяет рассматривать ее в качестве важнейшего фактора формирования идейно-мировоззренческих ориентиров российского аксиологического пространства.

Учитывая, что, во-первых, на фоне глобальных трансформаций современной социальной реальности существенно возросло значение символической сферы, во-вторых, в контексте «мемориальных войн» разрабатываются «мемориальные законы», а прошлое используется как символический ресурс во внутривнутриполитической и внешнеполитической борьбе [4], именно *«политика памяти»* занимает центральное место в системе понятий *«мемориальных исследований»* (англ. *memory studies*). К числу таких понятий эксперты относят: «историческую политику / политику истории», «политику прошлого», «коллективную / общественную память», «политическое использование прошлого», «культуру памяти» [3, с. 115].

Наиболее близким «политике памяти» представляется концепт «исторической политики», которая также представляет собой «сознательное и целенаправленное использование истории как инструмента политической борьбы» [5, с. 181]. В то же время «политика памяти» подразумевает «совокупность действий, направленных на формирование и воспроизводство идентичностей, в первую очередь, национальной идентичности» [5, с. 181], поскольку «память и идентичность на-

ходятся на пересечении индивидуального и коллективного (группового), с одной стороны, и сознательного и бессознательного — с другой» [6, с. 11]. К числу форм «политики идентичности» в «политике памяти» относят: 1) учреждение праздников и отмечание памятных дат; 2) сооружение и реставрация знаковых памятников; 3) утверждение и реализация образовательных стандартов (в частности, разработка единой концепции истории); 4) поддержка и популяризация музеев; 5) наградная политика государства [7, с. 67–69].

Такая многомерность «политики памяти» позволяет выделить ее следующие *подсистемы*: а) *коммуникативная* (каналы ее трансляции в общественную среду, в том числе литература, образовательные и научно-популярные программы, СМИ, реклама и т.д.); б) *культурно-идеологическая* (совокупность различных политических идей, ориентаций, установок, ценностей и моделей поведения, оказывающих воздействие на интерпретацию событий прошлого). Причем обе подсистемы представляют собой способы влияния «политики памяти» на процессы социальной, политической и культурной трансформации, на символическое [4, с. 8] и аксиологическое пространства социума.

Применение термина «*пространство*» в его социально-философской, культурологической трактовке представляется целесообразным применительно к «политике памяти» по следующим причинам: 1) он отражает структурные измерения исторических эпох, а также альтернативы прошлого, представленные в социально-политической реальности; 2) ориентирует не только на исследование истории Отечества, но и на репрезентацию «Другого» в пространстве памяти (как враг, союзник, конкурент, сосед); 3) учитывает систему взаимодействия между индивидуальным и коллективным уровнем памяти [2, с. 20].

В ценностном измерении «политика памяти» реализуется и воздействует на *аксиологическое пространство* социума, которое аккумулирует ценностное (эмоционально-психологическое), оценочное (рационально-психологическое), символически-смысловое измерение общественного сознания. Другими словами, аксиологическое пространство охватывает все ментальные уровни: мировоззренческий (менталитет), информационно-психологический (идентичность), идеологический (социально-политическая, аксиологическая парадигма) [1, с. 66].

Эффективность, витальность и адаптивность различных форм «политики памяти» как фактора трансформаций аксиологического пространства детерминированы *трехмерной системой ценностных, символически-смысловых координат* функционирования всех ее субъек-

тов (социально-политических институтов, общественных организаций, экспертных сообществ, церкви, СМИ и МК): их *идентификации, ориентации, адаптации*.

К числу главных *задач* «политики памяти» в условиях аксиологического пространства современной России отечественные исследователи причисляют: а) становление конструктивной и адаптивной макроидентичности россиян, способной преодолеть экономическое неравенство, разрывы между современностью и исторической традицией, между этническими, культурными и политическими сообществами; б) формирование «деятельного патриотизма», ориентированного на защиту Родины, противостояние внешней угрозе, на реальное обустройство России, на мотивацию гражданской позиции и активности; в) легитимация эволюционного (реформистского) пути развития, делегитимация всех видов радикализма (социального, политического, религиозного и этнического); г) взаимодействие различных уровней идентификационных структур (семья, малая родина, профессиональная/социальная группа, Россия как государство и цивилизация) [8, с. 104]; д) приоритет макроидентичности на уровне государства над всеми иными видами мезогрупповой и микроличностной идентичности, ее определяющий характер в «иерархии идентичностей» [1, с. 58].

Решению приоритетных задач, стоящих сегодня перед российским обществом и государством, может способствовать только та «политика памяти», которая отвечает следующим *характеристикам*: основывается на долгосрочных стратегических ориентирах общественного развития; максимально интегрирует общество, нацию, государство; носит целостный, систематический характер; поддерживается большинством интеллектуальной элиты и образованных слоев; открыта для конструктивного обсуждения как общественное достояние; эффективно использует современную медийную структуру, новейшие тенденции информационного и цифрового пространства, в том числе Интернета и визуальных форм трансляции информации; соответствует истории как области научного знания [8, с. 104].

Таким образом, последовательная и грамотная «политика памяти» обеспечит поступательное развитие всех сфер жизнедеятельности российского социума: экономической, социальной, культурно-политической, правовой и, конечно, ценностно-символической (аксиологической). А также позволит сформулировать и укрепить основополагающие идейно-мировоззренческие ориентиры в качестве базиса макроидентичности России XXI века.

Литература

1. Коровникова Н.А. Аксиологическое пространство постсоветской России: идея, идеология, идентичность. М., 2017.
2. Линченко А.А., Аникин Д.А. Политика памяти как предмет философской рефлексии // Вестник Вятского государственного университета. 2018. № 1. С. 19–25.
3. Малинова О.Ю. Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России // Политическая концептология. 2013. № С. 114–130.
4. Линченко А.А. Политика памяти как фактор социальной трансформации // Studia Humanitatis. No 4. URL: <http://st-hum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/linchenko.pdf>
5. Ачкасов В.А. Роль «исторической политики» в формировании российской идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. 18. № С. 181–192.
6. Разлогов К.Э. Память и идентичность // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке. М., 2015. С. 11–28.
7. Рябов Д.О. Политика памяти в формировании европейской идентичности ЕС // PolitBook. 2016. № 4. С. 65–83.
8. Миллер А.И. Политика исторической памяти как основа формирования коллективной идентичности и деятельного патриотизма // Стратегия XXI (версия для обсуждения). С. 103–122. URL: http://svop.ru/wp-content/uploads/2014/02/04strategy21_vospit.pdf

Е.И. Красильникова

***Политика памяти в прошлом и настоящем
Сибири (XX — начало XXI в.): перспективы изучения****

Современность нередко называют «мемориальной эпохой». Сегодня мемориальные события и процессы захватывают большие социальные группы, подчас целые регионы, страны и народы. Процессы мемориализации в современном мире преимущественно политизированы. Государство, политические, общественные и религиозные организации стремятся к контролю над исторической памятью общества, видя в его отношении к прошлому ценный ресурс символической политики. Именно поэтому актуальной задачей для социально-

* Работа подготовлена при поддержке РФФИ. Проект: 19-011-31114 «Политика памяти: исторические символы и коммеморативные практики в системе социально-политической саморегуляции региона (Сибирь XX — нач. XXI в.)».

гуманитарного знания становится формирование критической, научно обоснованной позиции в отношении публичных коммемораций, отражающих острую конкурентную борьбу между разными версиями исторического прошлого, которые навязывают обществу различные политические силы, нередко используя приемы манипулирования общественным сознанием.

В последние десятилетия широко используется понятие исторической политики и родственное ему понятие политики памяти — деятельности государства и других акторов, направленной на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом и формирование поддерживающей их инфраструктуры, образовательной политики и, в ряде случаев, законодательного регулирования [1, с. 33]. Как в прошлом, так и в настоящем политике памяти, которая продуцируется на уровне государства и регионов, не свойственна тождественность. Коммеморации могут выражать как политическую солидарность региона с центром, так и политический протест против центра. Дисбаланс в соотношении общедоступных населению коммеморативных репрезентаций прошлого страны и региона отражает болевые точки в отношениях между центром и отдельными провинциями, что ведет к обострению социальной напряженности, проявляющейся в разных формах, в том числе и в выплесках агрессии в адрес исторических символов. Поэтому расхождения и противоречия в трендах политики памяти центра и регионов на разных исторических этапах требуют специального изучения. В данном исследовании основное внимание будет сконцентрировано на Сибири, как на регионе, в истории которого не трудно обнаружить множество открытых и латентных политических конфликтов с центральными властями, которые находили отражение в длительных мемориальных процессах и конкретных, ярких коммеморациях. Предполагается изучение исторической преемственности и разрывов в использовании исторических символов и коммемораций, как выражений региональной политики памяти разными акторами в выстраивании социально-политических отношений между Сибирью и центральными государственными властями в исторической ретроспективе, насчитывающей более 100 лет, а также в процессах внутренней, региональной саморегуляции социально-политической жизни.

На материалах Сибири, применительно к ее прошлому и настоящему, политика памяти в исторической ретроспективе изучена слабо. Это дает основание поставить цель исследования, которая состоит в том, чтобы раскрыть специфику политики памяти и проследить в ее рамках динамику использования исторических символов и коммемораций различными ак-

торами региональной политики в сферах выстраивания отношений с центральными властями и в процессах внутренней региональной социально-политической саморегуляции на материалах Сибири XX — начало XXI в. Для этого предстоит решить ряд задач. Во-первых, разработать теоретическое описание политики памяти в системе идеологического опосредования социально-политической деятельности в контексте развивающегося исторического знания. Во-вторых, нам предстоит решить задачу локализации методологии междисциплинарного исследования политики памяти и ее отдельных репрезентаций в социокультурном пространстве региона. В-третьих, выявить с помощью разработанной методологии логику развития политики памяти в Сибирском регионе, проявлявшуюся в динамике коммеморативной составляющей торжеств, устраивавшихся в честь юбилеев сибирских городов в XX — начале XXI в. В-четвертых, установить признаки исторической преемственности и разрывов в практиках использования коммемораций и символов прошлого в ходе празднований юбилеев сибирских городов. В-пятых, выявить тенденции увековечивания в монументальных формах памяти о героях и жертвах Гражданской войны в Сибири в прошлом и настоящем. В-шестых, охарактеризовать сибирский сегмент сети исторических парков «Россия — моя история» как новейшее средство утверждения государственного исторического метанарратива в культурном пространстве Сибири (Новосибирск, Омск, Якутск). В-седьмых, выявить особенности репрезентаций исторического прошлого и традиционной культуры одного из коренных народов Сибири на страницах старейшего в Сибири и России литературно-художественного и общественно-политического журнала «Сибирские огни» с 1920-х гг. до современности. В-восьмых, охарактеризовать специфику политики памяти, ее динамику и основные институализированные формы использования исторических символов и коммеморативных практик в условиях региона.

Сегодня политика памяти в разных ее аспектах активно исследуется представителями разных социально-гуманитарных наук, как за рубежом, так и в России. Наиболее заметный вклад в изучение проблем политизации прошлого внесли немецкие ученые, что было обусловлено болезненным процессом переоценки обществом и государством «сложного прошлого» этой страны, связанного с фашизмом и Второй мировой войной. Немецкие авторы ввели в научный оборот само понятие «политика памяти», а также ряд близких ему по значению понятий: «преодоление прошлого», «проработка прошлого», «политика для прошлого», «политика истории», «историческая политика» и др. Осмысление мемориальных процессов в Германии и попыток управления ими со стороны политических акторов вывело немецких исследователей на уровень широкого теоретического обобщения соответствующих

вопросов, представленного, в частности, в работах наиболее известного в России автора данного направления — А. Ассман [2]. Другой заметной тенденцией изучения политики памяти на Западе является нацеленность на установление ее связи с формированием различного рода социальных идентичностей, прежде всего, национальных. Классиками этого направления исследований можно признать Э. Геллнера [3], Э. Хобсбаума [4], Б. Андерсона [5]. Последнее десятилетие отличается всплеском научного интереса к проблемам политики памяти и в нашей стране.

Современная отечественная социальная теория рассматривает политику памяти в контексте символической политики, как ее отдельную область. Политика памяти как средство формирования и конструирования коллективной памяти россиян на разных исторических этапах, а также как инструмента манипулирования коллективной памятью представлена в наиболее значимых работах этого ряда — А.Е. Копосова [6], А.И. Миллера [7], Г.А. Бордюгова и В.М. Бухарева [8]. Сегодня активно изучаются вопросы о роли политики памяти в формировании российской идентичности и использовании укорененных в исторической традиции политических символов в рамках реализации политики памяти в современной России [9; 10], а также специфика политики памяти в масштабах региона [11].

Проблематика предлагаемого проекта требует проведения междисциплинарного исследования на стыке социальной философии, отечественной истории и политологии. В рамках исследования необходимо произвести конкретное описание политики памяти в системе социально-политической саморегуляции региона и реконструировать ее историческую динамику, что требует применения специальных методов сравнительно-исторического исследования, сравнительно-сопоставительного и диахронического методов. При этом политика памяти должна быть реконструирована и охарактеризована как целостность в системе социокультурной саморегуляции локальных сообществ, включенных с различной степенью локальной специфики в развивающуюся общегосударственную социально-политическую и социокультурную систему. Для этого необходимо использование когнитивных возможностей социокультурного и социально-конструктивистского подходов.

Для раскрытия специфики исторической динамики политики памяти необходимо использование системно-генетического метода. Неизбежное обращение к принципу историзма требует выявить качественные отличия использования в политических целях исторических символов и коммемораций на разных этапах прошлого и настоящего с

учетом контекстов общегосударственной политики памяти в ее динамике и с учетом существенно отличающихся друг от друга социально-политических и социокультурных контекстов.

Используемая в исследовании категория политики памяти строится на основании системы категорий, разработанных в рамках направления исследований, известного в мировой науке как «memory studies», предполагающего изучение коллективной памяти и ее включенности в коммеморативные практики, присущие обществу той или иной эпохи и формирующиеся под влиянием политических процессов. В центре нашего исследовательского внимания находятся порожденные политикой памяти коммеморации, символы и связанные с ними нарративы. Изучение проявлений политики памяти в сибирских юбилейных торжествах планируется осуществить в опоре на акторно-ориентированный подход, разработанный М. Бернхардом и Я. Кубриком, предполагающий выявление доминирующей модели политики памяти, которая существует в конкретное время, в конкретном месте в отношении коммеморируемого события («мнемонический режим») в сочетании с изучением конкурирующих коммеморативных инициатив и символического контекста церемоний [1, с. 44]. Символические трансформации публичного пространства на примере монументов и памятников будут исследоваться при помощи метода сравнения с большим количеством случаев, позволяющим выявить общие тенденции мемориализации на том или ином хронологическом отрезке, а также на основе применения интерпретативного анализа конкретных случаев. Изучение политики памяти, которая реализуется посредством сибирского сегмента сети исторических парков «Россия — моя история», будет осуществляться в опоре на опыт, накопленный в рамках изучения «музеализации памяти», прежде всего, на работы Е.А. Махотиной (оценка структуры, доминант, эмоциональной составляющей экспозиции и музейного пространства в целом) [12, с. 81–83]. Основным методом работы с журналами для установления их роли в формировании политизированных образов национальных районов Сибири в историческом прошлом станет нарративный анализ.

На наш взгляд, наличие обширной базы предполагаемых источников исследования, в которые входит периодическая печать, памятники, музейные экспозиции и разнообразные архивные документы, а также возможность опереться на выводы и методологический опыт наших предшественников, позволит нам реализовать поставленные задачи и расширить представления о роли политики памяти в социально-политической саморегуляции сибирского региона на разных этапах его исторического развития.

Литература

1. Малинова О.Ю. Политика памяти как объект символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти. М.; СПб, 2018. С. 27–53.
2. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М., 2014.
3. Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991.
4. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998.
5. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М., 2016.
6. Копосов Н.Е. Память строгого режима. История и политика в России. М., 2011.
7. Миллер А.И. Россия: власть и история // Pro et Contra. 2009. Т. 13. №3–4. С. 6–23.
8. Бордюгов Г.А., Бухарев В.М. Вчерашнее завтра: как «национальные истории» писались в СССР и как пишутся теперь. М., 2011.
9. Малинова О.Ю. Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам // Полис. Политические исследования. 2016. №6. С. 139–158.
10. Ачкасов В.А. Роль «исторической политики» в формировании российской идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. №2. С. 181–192.
11. Горнова Г.В. Коллективная память и практики коммеморации в формировании городской идентичности // Вестник Омского государственного педагогического университета. Серия «Гуманитарные исследования». 2017. №2. С. 18–21.
12. Махотина Е.И. Нарративы музеализации, политика воспоминания, память как шоу: новые направления memory studies в Германии // Методологические вопросы изучения политики памяти. М.; СПб, 2018. С. 75–93.

Б.В. Марков

Факты и ценности в исторической памяти*

Сегодня, в обществе знаний, не только информация, но и культурная память становится символическим и политическим капиталом. Можно привести множество примеров столкновения фактов с нашим пониманием прошлого. Как исследователи мы не можем не считаться с

* Грант РФФИ №19-011-00775 «Топология культурной памяти в диалоге поколений».

фактами, но нельзя судить о прошлом только на основании фактов. Нужно понимать и учитывать намерения людей, которые делают историю. Ядром исторической памяти являются наши ценности, точнее, наши оценки прошлого. Одни — историки — описывают прошлое, как деяния великих людей, героев. Другие — юристы — воспринимают его как «темное», «бесправное», «тоталитарное» время. Отсюда следует «трансдисциплинарность» истории как науки, которая не довольствуется эмпирическими методами, а использует и техники интерпретации гуманитарных наук, и достижения географии, этнографии, биологии, а также психологии и когнитологии. Это не значит, что факты не нужны. Напротив, их сбор, обсуждение, оценка — ядро памяти.

Следует помнить еще об одном факторе. Манипуляция культурной памятью происходит по правилам, диктуемым масс-медиа. Журналисты и публицисты, естественно, стремятся открыть нечто «жареное», тем самым они дают работу историкам и тем самым повышают имидж их профессии. К сожалению, даже серьезные историки и философы на телевизионной арене превращаются в шоуменов, которые наподобие гладиаторов действуют по принципу: живешь, пока побеждаешь. В «боях за историю» не до истины, главное — уничтожить противника.

Историческая память является сложным конгломератом объективных фактов, субъективных целей и интерпретаций историков. Высказывания о ценностях отличаются от высказываний о фактах. Первые предполагают признание, вторые действуют независимо от него. Поэтому кажется, что ценности субъективны и не могут быть основой науки. Любое социально-историческое исследование проводится с определенных позиций и предполагает образ будущего. Такие понятия, как «капитализм», «пролетариат», «культура» являются не абстракциями, обобщающими опыт, а интенциями социалистического мировоззрения. Ценности заложены в социальных науках как глубинные предпосылки.

Ценностная беспристрастность, к которой призывал М. Вебер, налагает запрет на пропаганду ценностей, но это не исключает признания ценностных предпосылок у субъектов истории. Поступки человека могут определяться как материальными причинами, например, голодом, так и ценностными установками. В науках о культуре учитываются ценности, на основе которых исторические деятели принимали те или иные решения. Вопрос в том, означает ли такая отнесенность к ценностям допустимость их оценки, т.е. можно ли применять к ним современные моральные или иные критерии? Ценности, конечно, не универсальны, но и не индивидуальны, они формируются внутри общества и выступают как нормы и коды поведения. Поэтому историк,

например, должен учитывать их роль в человеческой деятельности. Но может ли он оценивать прошлое критериями, принятыми в современном обществе? Не превратится ли исследование в суд над историей? [1, с. 385; 2, с. 96].

Для ответа на вопрос о подсоединении фактов, ценностей и оценок можно использовать аналогию с принципом дополнительности приборов и описаний, фиксирующих различные аспекты реальности [3, с. 110]. Нет единого универсального и, тем более, абсолютного знания, есть разные дисциплины, каждая из которых применяется в своей предметной области. Отвечая на актуальную проблему различия исторических фактов и исторической памяти, следует опираться не только на возможности социальных теорий, но и на здоровый человеческий рассудок. Например, принимать во внимание тот факт, что в нормальном состоянии общества люди имеют время и возможности неторопливо дискутировать на тему исторического выбора. Однако в чрезвычайной ситуации политики полагаются на свое «чутье» или «интересы народа», а решения принимаются на основании неких «самоочевидных истин», без участия экспертов [4, с. 127]. К сожалению, эти решения нередко оборачиваются тяжелыми последствиями. Поэтому одна из задач философии истории состоит в аналитике своеобразных «слепых зон» символического пространства, то есть не обсуждаемых традиций, верований, настроений и т.п. Это похоже на попытку разбудить спящего медведя и потому не безопасно. Выход в том, чтобы показать, что они не являются естественными продуктами исторического опыта народа или непосредственными душевными переживаниями, вроде чувства солидарности или справедливости. Раскрывая сложные, чаще всего невербальные технологии формирования исторической памяти, философия истории окажет обществу важную услугу — будет способствовать освобождению от устаревших стереотипов и архетипов, преодолению resentimentных настроений и формированию новых позитивных ценностей, на основе которых можно жить лучше.

Актуализация культурной памяти обеспечивает истории место лидера среди других гуманитарных наук. Это ставит перед ней новые сложные задачи. Наши дети лишены живой памяти о прошлом, они питаются той историей, которую создают журналисты и ведущие телешоу. Даже социальные сети, где, казалось бы, каждый может сообщить то, что было на самом деле и что он думает об этом, не являются носителями живой памяти об истории. Очевидцы, непосредственные участники событий нередко рассказывают ужасные подробности, которые лучше не знать. На самом деле они не позволяют понять социальный смысл истории. Вместо осмысления того, почему нечто стало

возможным, масс-медиа демонстрируют зверства, которые притупляют сострадание и делают жестокость чем-то обычным. Ленты новостей, где одна хуже другой, репортажи с места событий, демонстрирующие страдания жертв, не сопровождаются ни комментариями, ни дискуссиями. И даже специальные телешоу, имитирующие общественное обсуждение, на самом деле отвлекают от размышлений, так как превращаются в своеобразную борьбу на ринге. Это не агора, а Колизей.

Благодаря изучению памятников, созданию музейных экспозиций происходит освоение чужого, но для этого должны быть какие-то зародыши общей протокультуры, должны быть экзистенциальные точки соприкосновения [5, с. 435]. Общие переживания и представления складываются на основе практик взаимодействия с природой и людьми в том или ином историческом контексте. Эти коллективные представления озвучиваются в языке, передаются музыкальными, живописными, художественными и иными произведениями. Они первоначально складывались благодаря ландшафту, климату, охоте или земледелию, а также в процессе труда и развлечения [6]. Важную роль играют дом, утварь, одежда, питание и прочие простые вещи. И сегодня мы слишком мало уделяем внимания тому, каковы антропогенные последствия, например, бытовой техники. А между тем, мобильные телефоны произвели революцию, может быть, более радикальную, чем политические перевороты XX столетия. Столь же важными становятся изменения форм труда и, конечно, индустрия отдыха и развлечений.

Глобализация сопровождается гомогенной темпорализацией и одновременно фрагментацией, выделением национальных мифов. Светский модерн уступает место этно-национально-религиозному обществу. Оформляется тирания нового рода, которую одни называют «либеральной демократией», другие «либеральным консерватизмом». Возвращение в прошлое воплощается в поисках идентичности. Эпоха живет необходимостью связи между прошлым и настоящим. Об этом свидетельствуют религиозный ренессанс и этно-религиозные движения. Идеологическая пустота привела к множеству конфликтов на религиозной или национальной почве. Неверно понимать эти явления как повторение архаичного прошлого. Религиозность и национальная идентичность сегодня восстанавливаются в перформативной форме.

Каких только музеев не открывают в наше время. Кроме разного рода обществ, которые таким образом самоутверждаются, отдельные коллекционеры тоже превращают свои жилища в музеи. Одержимость мемориализацией, поклонение прошлому, туризм — все это явные отголоски модерна. Очевидно, что интерес к прошлому активно экс-

плуатируется. Старинные здания становятся «золотой жилой» для предпринимателей. Их переоборудуют, снабжают барами, сувенирными магазинами, клубами, устраивают перформансы, фольклорные представления. Это форма проявления культурного капитализма. Традиция уже не социальный код, а игровая фигура, декорация, создающая иллюзию прочности. Забота о благополучии сочетается с сентиментальностью и ностальгией.

Литература

1. Ницше Ф. Утренняя заря, или мысль о моральных пред-
рассудках. О пользе и вреде истории для жизни; Сумерки кумиров;
Утренняя заря: Сборник. Минск, 1997.
2. Паточка Я. Еретические эссе о философии истории. Минск,
2008.
3. Мид Д.Г. Философия настоящего. М., 2014.
4. Шмитт К. Понятие политического. СПб., 2016.
5. Манхейм К. Избранное: Социология культуры. М.; СПб., 2000.
6. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.

Л.В. Савинов

Политика памяти и национальный дискурс

В преддверии 80-летия начала Второй мировой войны власти Польши прокомментировали выбор гостей на официальные мероприятия, заявив о несоответствии позиции России «исторической правде» [1]. В этой истории есть несколько значимых для рассматриваемой нами проблематики контекстов. Во-первых, дискурсивные смыслы, которыми оперируют польские политики: «современные критерии» и «историческая правда». Во-вторых, политическое целеполагание указанных публичных мероприятий, в которых принимают участие главы государств: «отдать дань памяти трагическим событиям». В-третьих, критериальность выбора приглашенных гостей высокого уровня, как реализация большой политики: «Польша меняет свой подход к историческим вопросам» [1]. И, наконец, использование символической политики (по О.Ю. Малиновой) польскими властями: конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. Заметим при этом, что современная политика Польши насыщена жестким националистическим дискурсом, который формирует не только политический фон, но и политический ландшафт, на котором произрастают описываемые события.

Итак, указанный политический кейс задает нам возможность подумать о том, как сегодня взаимосвязаны политика памяти и национальный дискурс. Каковы сущностные и причинно-следственные основания политических практик использования и формирования прошлого для определенного политического будущего через, в том числе, национальный дискурс.

Начнем с определения базовых для нашего анализа понятий «политика памяти» и «национальный дискурс», которые в современной политологии и вообще гуманитарной науке, приобретая все большую популярность, вместе с тем все еще остаются многозначными и требующими уточнения в рамках конкретных исследований.

Наша работа будет выстроена на теоретико-методологической основе научного подхода Memory Studies. Важным представляется вопрос о самостоятельности научного поля Memory Studies: все ли здесь «против шерсти»? Имеются в виду концептуальные тезисы известной работы Б. Зелизер 1995 года «Читая прошлое против шерсти: Положение исследований памяти» [2] и статья Ю.А. Сафроновой «Третья волна Memory Studies: двадцать три года против шерсти», которая увидела свет в 2018 году [3]. Конечно, Джеффри Олик был прав, когда в работе «Между хаосом и разнообразием: Являются ли исследования памяти полем?» писал о том, что множественность понимания Memory как объекта анализа и столь же великое многообразие подходов к его исследованию являются «сигналами неустойчивости поля» [4].

Не будем останавливаться на истории Memory Studies, их становлении и институционализации. Предлагаю лишь обозначить принципиальные вопросы, которые определяют сегодняшнее состояние этого научного направления и его содержание. Когда придет четвертая волна Memory Studies? Чем завершится парадоксальный кризис (если это кризис)? Ослабнут или усилятся в обозримом будущем «сигналы неустойчивости поля» (по Дж. Олик)? И вообще, что есть сегодня Memory Studies?

В своей работе мы в качестве рабочего определения будем использовать понятие «память» как «способ конструирования людьми своего прошлого» [5, с. 15]. При этом принципиальными являются два вопроса, сформулированные еще П. Рикером: «О чем мы вспоминаем?» и «Кому принадлежит память?» [6]. Также представляется значимым тезис П. Нора об «ускорении истории», которое заключается в «утрате прошлого» и продуцирует «раздувание функции памяти» через гипертрофию учреждений и орудий памяти: музеев, архивов, библиотек, коллекций, компьютерных каталогов, банков данных, хронологий и прочего [7]. Обратим внимание и на работы Б. Шварца, в которых,

коллективная память представляет собой арену борьбы между различными акторами. Похожую позицию сформулировал Г. Файн, назвав память «ареной, на которой на которой различные силы конкурируют за право осуществлять контроль над памятью» [8].

Не менее важным концептом в объяснении природы коллективной памяти является «изобретение традиций» [9]. С помощью этого концепта Э. Хобсбаум и Т. Рэйнджер раскрывают сущность конструирования прошлого, осуществляемые властными элитами, и показывают, что значительная часть существующих традиций имеют фиктивную связь с прошлым и представляют собой «ответ на новую ситуацию в форме отсылки к старой». Иначе говоря, исследователи постулировали принципиально политическую природу общественных практик ритуального или символического характера, связанных с использованием прошлого. Целью подобных практик является внедрение властными элитами определенных норм и ценностей, отвечающих их политическим целям.

И конечно, необходимо помнить о междисциплинарном характере исследовательского поля Memory Studies, хотя некоторые авторы настаивают на трансдисциплинарном характере исследования памяти, так как «сама проблема исследования не может быть сформулирована и решена в границах любой из сотрудничающих дисциплин» [10]. Таким образом, Memory Studies нами рассматриваются как самостоятельное исследовательское поле на пересечении «интересов» трех дисциплин — политологии, социологии и истории.

Основополагающие теории, такие как теория коллективной памяти Мориса Хальбвакса, теория мест памяти Пьера Нора, теория культурной памяти Яна Асмана не дают нам универсального научного инструментария изучения феномена социальной или коллективной памяти. Сама по себе такая память является неким конструктом, который исследователи пытаются описать через ее проявления в политике и культуре, в социальных институтах и повседневных практиках. При этом, как справедливо указывает О.Ю. Малинова, «разработка нарратива(ов) национального прошлого — это прежде всего задача профессиональных историков, однако политики призваны выполнять свою часть работы, включая в публичный оборот символы, связанные с событиями прошлого, и участвуя в их реинтерпретации» [11, с. 127].

Алексей Миллер утверждает, что о политике памяти мы говорим тогда, когда дело касается различных общественных практик и норм, связанных с регулированием коллективной памяти. При этом автор отдельно выделяет политизацию истории и вводит более широкое понятие «историческая политика», как набор практик, с помощью кото-

рых отдельные политические силы стремятся утвердить определенные интерпретации исторических событий как доминирующие. Иными словами, пишет А. Миллер, используя административные и финансовые ресурсы государства, те политические силы, которые находятся у власти, осуществляют идеологическую индоктринацию общества в сфере исторического сознания и коллективной памяти [12].

На основе дискуссии в том числе и с А. Миллером и критического анализа предыдущих научных достижений в области политики памяти Ольга Малинова предлагает еще более концептуализированный подход к пониманию самого широко спектра политических практик в сфере политики памяти. Рассматривая эволюцию подходов властвующей элиты к использованию национального прошлого в меняющемся политическом и идеологическом контексте на основе исследования «официального» исторического нарратива, она вводит понятие «символическая политика» [13].

В современной науке лавинообразный рост публикаций отмечает не только в сфере Memory Studies, но и в области изучения политического дискурса и вообще дискурс-анализа. Без преувеличения можно говорить о том, что дискурсивному анализу сегодня подвергается вся феноменология социальной реальности и прежде всего политическая. Объем исследовательского материала и огромное многообразие теоретических подходов к анализу политических дискурсивных практик даже обозначил проблему их классификации [14]. Дискурс — это «коммуникативное событие, происходящее между говорящим и слушающим в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и прочем контексте. Это коммуникативное действие может быть речевым, письменным, иметь вербальные и невербальные составляющие» [15]. В свою очередь Л.Дж. Филлипс и М.В. Йоргенсен уточняют, что «дискурс — это форма социального поведения, которая служит для репрезентации социального мира (включая знания, людей и социальные отношения)» [16]. У Ю. Хабермаса мы находим значимое целепологающее дополнение к коммуникативной сущности дискурса: «Присущий структурно дифференцированному жизненному миру метод дискурсивного формирования воли предназначен для того, чтобы наладить социальное партнерство общественных групп со всеми конкретными субъектами, учитывая интересы каждого отдельно взятого индивида» [17].

Дополним представленное видение дискурса политическим содержанием. В самом широком смысле политический дискурс — это «любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относится к сфере политики» [18, с. 23]. Вслед за М. Фуко с уве-

ренностью можно говорить о том, что «дискурс следует рассматривать не как некое тематическое единство, а как *«игру правил»*, *«как способ манипулирования концептами»* [19, с. 35; 71].

Российский национальный дискурс скорее всего необходимо разбить на несколько этапов, политически значимых исторических периодов: имперский, советский и современный.

В концепт национального мифа имперского периода в общем виде включались: 1) размеры географического пространства (актуализированные после Крымской войны); 2) образ национального монарха, исповедующего просветительскую идеологию, философствующего и заботящегося о благе для всех граждан; 3) прочность и устойчивость государства, в котором ведущая роль отводилась дворянскому сословию [20, с. 67].

Советский период необходимо рассматривать не только с позиций построения социалистического государства — этнической федерации — Союза Советских Социалистических Республик, но и с позиций формирования новой исторической общности — советского народа (см., напр.: [21]). При этом этнический фактор не только усиливал идеологическое наполнение политического дискурса, полностью контролируемого со стороны государства и коммунистической партии. Этот же фактор во многом и привел к распаду СССР.

Современный этап в истории России характеризуется в силу объективных исторических процессов нациестроительства сложным и насыщенным национальным дискурсом 1990-х годов и жестким замещением этого дискурса другими политическими смыслами — «суверенная демократия», «Россия — государство-цивилизация» и т.д. — до принятия в конце 2014 года Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года. Хотя и сегодня концепты «глубинного народа» и «долгого государства» смещают политический дискурс о российской нации в смысловое пространство прошлого — «мы снова в мифологическом пространстве „жрецов“, „судей“, „царей“» [22].

В современных реалиях российской политической системы и политики в целом представляется важным понять, где сошлись и разошлись политика памяти и национальный дискурс. Концептуальное понимание будущего российской нации невозможно без широкого консенсуса о нашем прошлом по осевым историческим периодам, событиям, личностям и т.д. О чем мы хотим забыть / о чем лучше забыть / что мы не должны забыть / о чем забудем в будущем / что мы должны вспомнить — эти и другие вопросы национального дискурса натываются на политику памяти. И здесь всплывают не менее значимые вопросы: кто определяет политику памяти в России, кто акторы и

антрепренеры, каковы конечные цели и мировоззренческие/идеологические установки. Все эти вопросы требуют если не прямых ответов, то широкой дискуссии. И не только в политической среде, но и в научном и экспертном сообществе.

Литература

1. В МИД Польши объяснили отказ пригласить Россию на годовщину Второй мировой // РИА Новости. 1.09.2019. URL: <https://ria.ru/20190901/1558121257.html>

2. Zelizer B. Reading the Past against the Grain: The Shape of Memory Studies // *Critical Studies in Mass Communication*. 1995. Vol. 12. №213. P. 215–239.

3. Сафронова Ю.А. Третья волна Memory Studies: двадцать три года против шерсти // *Политическая наука*. 2018. № 3. С. 12–26.

4. Olick J. Between Chaos and Diversity: Is Social Memory Studies a Field? // *International Journal of Politics, Culture and Society*. 2009. Vol. 22. №2. P. 249–252.

5. Сафронова Ю.А. Историческая память: введение: учебное пособие. СПб., 2019.

6. Рикер П. Память, история, забвение / Пер. с франц. М., 2004.

7. Нора П. Всемирное торжество памяти // *Неприкосновенный запас*. 2005. №2–3 (40–41). С. 391–403.

8. Fine G.A. Reputational Entrepreneurs and the Memory of Incompetence: Melting Supporters, Partisan Warriors, and Images of President Harding // *American Journal of Sociology*. 1996. Vol. 101. №5. P. 1159–1193.

9. Хобсбаум, Э. Изобретение традиций // *II Вестник Евразии*. 2000. № 1. С. 47–62.

10. Дахин А.В. Общественное развитие и вызовы коллективной памяти: перспектива философской концептуализации memory studies // URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=198

11. Малинова О.Ю. Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России // *Политическая концептология*. 2013. № 1. С. 114–130.

12. Миллер А. Россия: власть и история // *Pro et Contra*. 2009. Май–август. С. 6–23.

13. Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М., 2015.

14. Русакова О.Ф. Основные разновидности современных теорий политического дискурса: опыт классификаций // Аналитика культурологии. 2008. № 2 (11). С. 190–205.
15. Dijk T., van. Discursive Analizes of News // A Handbook of Qualitative Methodologies for Mass Media Research / Ed. by K. Bruhn Jensen. 1999.
16. Филлипс Л., Йоргенсен М. Дискурсанализ. Теория и метод / пер. с англ. Харьков, 2004.
17. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000.
18. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.; Волгоград, 2000.
19. Фуко М. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине. М., 1996.
20. Акимова Т.И. Национальный миф об империи в драматургии поэтов «чистого искусства» // Вестник ТГГПУ. 2009. № 1 (16). С. 65–72.
21. Тадевосян Э.В. Советский народ — новая историческая общность людей // Вопросы истории КПСС. 1972. № 6.
22. Пивоваров Ю. От самодержавно-православной народности — к «глубинной» // Новая газета. 1 июля 2019 г. (№ 70). URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/06/28/81059-ot-samoderzhavno-pravoslavnoy-narodnosti-k-glubinnoy>

2. ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОРИИ И ОБРАЗЫ СТРАН В ПЕРИОДЫ ДО 1991 Г.

С.И. Белов

Образ Америки в советском историческом кинематографе периода Холодной войны*

С самого начала периода Холодной войны Советский Союз и США вступили в глобальное противостояние на поле символической политики. Одним из главных инструментов этого противостояния стал кинематограф. Возможность влиять одновременно на все каналы восприятия аудитории закономерно превращала этот вид искусства в приоритетное направление работы для пропагандистов по обе стороны фронта. За период с 1946 г. по 1991 г. на киноэкраны в США в среднем за год выходило по 5 фильмов с советскими персонажами. В СССР за тот же период ежегодно выпускали в прокат по 3 киноленты, среди героев которых присутствовали персонажи с Запада, преимущественно — американцы [1, с. 12].

Это противостояние распространялось в том числе на поле политики памяти. Исторический нарратив по природе своей обладает такими качествами, как символизм, эмоциональная насыщенность, наличие галереи узнаваемых и сравнительно легко визуализируемых образов. Эти свойства превращают его в ценный источник фактуры для кинематографистов, ориентирующихся на динамику социально-политической конъюнктуры [2, с. 32].

Тема отображения образа американцев в советском кино уже не раз поднималась исследователями. Однако никто так и не попытался исследовать ее в контексте политики памяти [3; 4; 5; 6].

Целью данного исследования является оценка позиционирования образа Америки и американцев в период Холодной войны в рамках советской политики памяти посредством кинематографа.

Ознакомление с советской фильмографией периода Холодной войны позволило выявить пул из 23-х исторических кинолент, снятых в СССР на протяжении обозначенного хронологического отрезка. В него входят следующие фильмы: «Встреча на Эльбе» (1949 г.), «У них есть Родина» (1949 г.), «Секретная миссия» (1950 г.), «Заговор обреченных» (1950 г.), «Максимка» (1952 г.), «Деловые люди» (1962 г.),

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного Российским научным фондом научного проекта № 18-18-00233 «Кинообразы советского и американского врагов в символической политике Холодной войны: Компаративный анализ».

«Начальник Чукотки» (1966 г.), «Освобождение: Огненная дуга» (1968 г.), «Освобождение: Прорыв» (1969 г.), «Сердце Бонивура (1969 г.), «Освобождение: Направление главного удара» (1970 г.), «Освобождение: Последний штурм» (1971 г.), «Освобождение: Битва за Берлин» (1971 г.), «17 мгновений весны» (1971–1973 гг.), «Всадник без головы» (1973 г.), «Смок и Малыш» (1975 г.), «Шерлок Холмс и доктор Ватсон: Кровавая надпись» (1979 г.), «Корона Российской империи» (1980 г.), «Приключения Тома Сойера и Гекльберри Финна» (1981 г.), «Трест, который лопнул» (1982 г.), «Победа» (1984 г.), «Человек с бульвара Капуцинов» (1987 г.), «Зверобой» (1990 г.).

Перечисленные киноленты с известной долей условности можно разделить на две группы. Первая объединяет кинокартины, которые были созданы на основе оригинальных сценариев и исторического дискурса в «рафинированном» виде. Вторая категория включает в себя ленты, представляющие собой результат экранизации литературной классики («Приключения Тома Сойера и Гекльберри Финна», «Смок и Малыш»), либо отображающие в целом реалии прошлого, но не привязанные к действительно имевшим место событиям или историческим деятелям.

Внутри корпуса произведений первой категории доминируют кинофильмы, связанные с историей ключевых для советской историографии событий новой и новейшей истории — Октябрьской революции, гражданской войны 1918–1922 гг. и Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В большинстве случаев американцы представлены в кинолентах в качестве негативных персонажей («У них есть Родина», «Заговор обреченных», «Секретная миссия» и т.д.). Их образы прописываются посредством стереотипов, откровенно демонизированы, им приписываются либо отклонение от норм маскулинности и феминности, либо их гипертрофия [7, р. 23, 24; 8]. При этом им зачастую приписывается лицемерие: за публичной декларацией дружелюбия персонажи-американцы скрывают враждебные планы («Сердце Бонивура»).

В ряде кинолент представлен дуалистический образ США и американцев. Например, в фильме «Начальник Чукотки» представлен образ американца-колонизатора, открыто обманывающего туземцев и использующего подкуп в качестве инструмента манипуляции местными властями. «Мистер Стенсен» предельно циничен, легко жертвует своими союзниками, но в то же время лицемерен и хорошо умеет втираться в доверие. Для того, чтобы защитить свои коммерческие интересы, он готов пойти на любые меры, вплоть до организации военного переворота. В то же время США представлены как страна победивше-

го научно-технического прогресса, центр концентрации всевозможных материальных благ (доступных, однако, только людям с деньгами).

Двойственный образ американцев можно встретить и в таких фильмах, как «Встреча на Эльбе» и «Победа». Дуализм позиционирования в данном случае принимает иной вид: «плохим американцам», лояльным политическому режиму США, противопоставляются «хорошие», представители прогрессивной общественности, которые положительно относятся к СССР и потому находятся под давлением со стороны руководства. При этом «хорошие» американцы вынуждены приспосабливаться, сотрудничать с режимом, чтобы избежать социальной дисквалификации.

Наиболее позитивно американцы представлены в цикле кинокартин Ю. Озерова «Освобождение» (1968–1971 гг.). Образы западных союзников, в том числе в плане визуализации и сценографии, лишены элементов демонизации и стереотипизации. Однако в то же время элемент роли США в борьбе с нацистской Германией несет на себе отпечатки негативного позиционирования. В частности, создатели акцентируют внимание на том, что руководство Соединенных Штатов до последнего оттягивало открытие второго фронта. До аудитории доносят мысль о том, что руководство элиты США преследовало корыстные интересы и не было до конца верно союзному долгу. Наконец, создатели фильма формируют у зрителя представление о том, что вклад США в победу над Германией является малозначимым по сравнению с достижениями СССР.

Второй категории кинокартин свойственна меньшая степень негативации персонажей-американцев. Последнее, впрочем, объясняется скорее обстоятельствами создания их первоисточников – произведения американской и британской литературы, чем спецификой подходов снимающих картины кинематографистов.

Тематика соответствующих кинокартин тесно привязана к теме Фронттира – покорения Дикого Запада, освоения Аляски и т.д. На этом фоне позитивный имидж США и антиобраз Америки тесно переплетаются. Пионеры-первооткрыватели наделяются привлекательными, подчеркнута маскулинными чертами («Смок и Малыш», 1975 г.; «Зверобой», 1990 г.). Среди позитивных черт персонажей-американцев, формирующих паттерны поведения киногероев, можно отметить предприимчивость, независимость и целеустремленность, стремление следовать своеобразному «кодексу поведения джентльмена» («Трест, который лопнул», 1982 г.; «Приключения Тома Сойера и Гекльберри Финна», 1981 г.; «Человек с бульвара Капуцинов», 1987 г.).

В то же время гипертрофия этих качеств формирует галерею вызывающих отторжение образов, связанных с широким распространением криминала, авантюризмом и мошенничеством, господством «права сильного», пренебрежением дружескими и семейными связями, практикой судов Линча и т.д. («Деловые люди», 1962 г.; «Всадник без головы», 1973 г.). Значимым элементом антиобраза США является также существование разнообразных религиозных сект, включая тоталитарные объединения («Шерлок Холмс и доктор Ватсон: Кровавая надпись»).

В целом необходимо признать, что для советского исторического кино была характерна тенденция к отрицательному позиционированию американцев и США. Создаваемые в рамках этого тренда образы чаще всего отличали высокая степень стереотипности и низкий уровень реализма. Впрочем, влияние этих факторов во многом нивелировалось работой психологических механизмов категоризации и стереотипизации, а также наличием мощного эмоционального фона, привязанного в сознании аудитории к контексту конкретных исторических событий.

При этом, в отличие от американских и европейских коллег, советские кинематографисты сравнительно слабо использовали такие тактики формирования негативного образа, как использование антиэстетики и визуальной дегуманизации. Аномийность поведения отрицательных американских персонажей передавалась не только посредством физических манипуляций, но и вербально, усиливая тем самым воздействие на аудиторию.

Также необходимо подчеркнуть, что советский кинематограф фокусировался по большей части на отображении эпизодов совместной истории СССР и США. Ни одна из вышедших на экраны картин не была посвящена крупному событию в истории собственно США (или же фигуре значимого исторического деятеля Америки). Последнее, очевидно, было обусловлено тем, что исторический нарратив, не имеющий отношения к национальному прошлому, рассматривался как малоинтересный для широкой аудитории внутри СССР (за исключением экранизации художественных произведений популярных писателей).

Литература

1. Федоров А.В. Отражения: Запад о России / Россия о Западе. Кинообразы стран и людей. М., 2017.
2. Колесникова А.Г. «Образ врага» в советской пропаганде периода Холодной войны: от события к образу // Приволжский научный вестник. 2011. № 3. С. 30–35.

3. Keen S. *Faces of the Enemy: Reflections of the Hostile Imagination*. San Francisco, 1986.

4. Kenez P. *The Picture of the Enemy in Stalinist Films // Insiders and Outsiders in Russian Cinema*. Indianapolis, 2008.

5. Колесникова А.Г. Игровой кинематограф середины 1950–х — середины 1980–х гг. как инструмент советской пропаганды: формирование и актуализация образа врага // *Былые годы*. 2011. № 1. С. 68–76.

6. Фатеев А.В. *Образ врага в советской пропаганде 1945–1954 гг.* М., 1999.

7. Yuval-Davis N. *Gender and Nation*. L., 1997.

8. Рябов О.В. «Мистер Джон Ланкастер Пек»: американская маскулинность в советском кинематографе Холодной войны (1946–1963) // *Женщина в российском обществе*. 2012. № 4 (65). С. 44–57.

Обсуждение в Интернете

Павел Ульянов

14 апреля 2019 в 17:33

Образ американца в советском кинематографе автор статьи рассмотрел очень подробно, несмотря на многоплановый и многоуровневый характер проблемы, особенно в контексте политики памяти. При этом хотелось бы отметить некоторые моменты, которые побуждают задать несколько вопросов. При упоминании дуалистического и двойственного типов образов, может быть, есть смысл обозначить такой тип образа амбивалентным, который отражает положительные и отрицательные черты? А вторые два вопроса, скорее, сконцентрированы на актуальности исследования в современном обществе. Ведь в современной России многие стереотипы и представления об американцах, Америке и об «американской мечте» также отображаются и даже популяризируются. В чем значимость «советского видения» Америки (преимущественно США) и американцев в современности, учитывая, что советский кинематограф оставил очень богатое наследие? Насколько актуально «информационное наследие СССР» в современной России?

Сергей Белов

19 апреля 2019 в 16:27

Добрый день!

Павел, спасибо Вам за внимание к моей работе.

Постараюсь ответить кратко на все три вопроса.

1. Согласен с вашей рекомендацией. Это будет правильно. В будущем учту это.

2 и 3. Значимость «советского видения» в том, что отечественные фильмы до 1991 года до сих пор показывают по федеральным каналам. В памяти людей старше 30 лет весьма яркие воспоминания образов и смыслов. Взрослые люди используют афоризмы из советской киноклассики и молодежь порой вынуждена просить комментариев или гуглить, чтобы понять смысл фразы.

В.А. Гайкин
Корейские студенты в Японии
и Первоапрельское движение 1919 г. в Корее
(к 100-летию антияпонского восстания 1919 г.)

В начале XX века Токио в Восточной Азии стал притягательным интеллектуальным центром для китайских и корейских студентов. Корея в 1-й трети XX века не имела достаточного количества средних и высших учебных заведений, чтобы удовлетворить тягу молодежи к знаниям. Большинство корейских студентов в Японии (682 из 828 на 1920 год) обучались в Токио, где находились ведущие университеты и сформировалась относительно свободная атмосфера студенческой жизни [1, с. 144]. В годы Тайсё в Японии наблюдался «расцвет либеральных идей [2, р. 17].

Самой влиятельной, многочисленной организацией корейского студенчества в Японии стало «Токийское общество дружбы корейских студентов» (Токио тёсэн рюгакусэй гакуюкай), которое появилось в результате объединения 7 мелких студенческих организаций, имевших досуговый либо земляческий характер [1, с. 69]. Необходимо отметить рост популярности в студенческой среде социалистической идеологии. По мнению председателя Гакуюкай Чон Но Хона, выступившего 27 декабря 1916 г. на вечере встречи нового года, «В последнее время растут ряды социалистов» [1, с. 75]. Идеи всеобщего равенства легко абсорбировались корейской молодежью, которая хорошо усвоила уроки дискриминационного отношения со стороны японских колонизаторов.

«Общество ораторов» формально было создано для развития у студентов умения вести дискуссии, совершенствования японского языка. О настоящем содержании его деятельности говорит такой пример. 17 ноября 1917 г. на очередной конференции обществ ораторов, инициированной Гакуюкай, Чан Тык Ху попытался сформулировать программу действий: «задача корейской молодежи состоит в том, что-

бы: 1) формировать реальную силу; 2) искать сочувствующих в среде японских политиков, промышленников, студентов для содействия в получении Кореей автономии (самоуправления); 3) восстановить могущество и суверенитет Кореи» [1, с. 78].

С 1918 г. по выступлениям студентов на конференциях различных обществ прослеживается тенденция к частичной утрате доверия и надежды на помощь ведущих капиталистических государств в деле получения Кореей независимости и рост интереса к социалистическим идеям, которые, «овладев массами в России, полностью изменили эту страну». На объединительном съезде обществ ораторов (18 мая 1918 г.), проведенном по инициативе Гакуюкай, студент Хан Тхэ Вон пропагандировал социалистические идеалы: «В обществе не будет классовых различий, пропасти между богатством и бедностью — того, что в современном обществе является причиной недовольства и конфликтов. Поэтому все сейчас хотят социализма» [1, с. 83]. 22 ноября 1918 г. по инициативе Гакуюкай состоялось собрание общества ораторов. Студент Ким Пом Су прочитал лекцию о коммунистических идеях: «В настоящее время в России идет строительство коммунизма. Нынешний мир временный, установить вечный мир может только коммунизм» [1, с. 83].

Учащаяся молодежь была авангардом антияпонского движения. По сравнению со студентами в Корее, корейские студенты в Японии были политически намного активнее. Они издавали журналы, критикующие колониальный режим в Корее, перепечатавали антияпонские материалы из прессы, издаваемой корейской диаспорой в США, Китае. 6 января 1919 г. на конференции Общества ораторов, организованной Гакуюкай, присутствующие решили, что наступило время конкретных действий для освобождения Кореи. Был избран временный «комитет действия» из 10 человек [1, с. 78]. Полиция была осведомлена о планах инсургентов и 7 января возле Дома христианской молодежи арестовала 12 студентов.

Заговорщики решили перейти на подпольный режим и создали тайное общество «Молодежь за независимость Кореи» (Тэсэн сэйнэн докурусудан). По поручению членов общества один из его лидеров студент Ли Гван Су в начале февраля написал проект Декларации независимости. В Декларации осуждалась аннексия Кореи: «Наш народ, чтобы добиться независимости, свободы, права на существование, будет бороться до последней капли крови. Если японские власти не пойдут навстречу справедливым требованиям корейского народа, мы объявим Японии вечную кровавую войну. Наш народ имеет древнюю историю, традиции государственной независимости. Это великий народ, внесший значительный вклад в мировую культуру. Мы требуем у ми-

рового сообщества и у Японии реализации права на самоопределение» [1, с. 82]. В декларации отчетливо ощущается влияние Октябрьской революции в России на мировоззрение авторов текста: «Россия... ликвидировала милитаризм и строит новое государство на основе справедливости и свободы... После создания нового государства, ставшего первым прогрессивным и демократическим государством, построенным на принципах справедливости и свободы, у нас появилась надежда, что и наша нация сможет внести свой вклад... в дело мира и справедливости» [3, с. 40].

Декларация независимости 5 февраля была послана из Шанхая лидерам Англии, США, Франции, 8 февраля — в газеты “China Press” (проамериканская), “North China Daily News” (англофильская), которые этот текст опубликовали соответственно 9 и 10 февраля. В тот же день члены «комитета действия» разослали по почте текст декларации независимости и просьбу дать возможность корейцам созвать национальный парламент послам различных стран, министрам японского правительства, обеим палатам японского парламента.

По мнению автора книги «Корейцы в Японии, социально-политическая история», «Декларация независимости» сыграла роль импульса «1 мартовского движения» и «оказала большое влияние на последующую борьбу за независимость. Декларация токийских студентов подвигла корейского издателя Чхве Нам Сона и других деятелей к поддержке движения за независимость» [1, с. 82]. Буржуазные националисты в Корее, получив текст декларации, посчитали его слишком радикальным. Был образован комитет, который поручил Чхве Нам Сону составить более умеренный текст декларации. 27 февраля 1919 г. в доме Чхве Рина 33 известных представителя корейского истеблишмента (предприниматели, мыслители, религиозные деятели) подписали текст написанной им Декларации Независимости. Декларация провозглашала: «Идеи равенства всех людей на земле священны, право наций на самоопределение не подвергается сомнению. Народ выражает великие чаяния свободной нации. Мы должны повлиять на японских политиков, стоящих на ложной позиции... придерживающихся старых методов насилия...» [3, с. 41].

Декларация независимости сыграла роль той самой искры, которая, упав на хорошо подготовленную японским колониальным гнетом почву ненависти к захватчикам, зажгла «пламя» Первомартовского движения. Поражение Первомартовского движения усилило радикализм корейского студенчества в Японии [2, р. 30]. Многие из них, включая одного из лидеров студенческих организаций Ли Гван Су, связались с Временным правительством (Кореи) в Шанхае, которое в

тот период ориентировалось на советскую Россию [4, р. 25]. Среди учащейся молодежи резко возрос интерес к социалистическим идеям, что привело к созданию в их среде нескольких коммунистических организаций.

Литература

1. Пак Кен Сик. Дзайнити тэсэндзин ундоси (Корейцы в Японии. Социально-политическая история). Токио, 1979.
2. Nim Wales and Kim San. Song of Ariran, a Korean Communist in the Chinese Revolution. San Francisco, 1972.
3. История Кореи в 2-х тт. М., 1974. Т. II.
4. Mitchel R.H. The Korean Minority in Japan. Berkeley; Los Angeles, 1967.

Д.А. Глазунов

Политика памяти и решение этнических вопросов в Синьцзяне (конец 1970-х — начало 1980-х годов)

Культурная революция подорвала авторитет коммунистической партии Китая, снизила уровень жизни населения страны, увеличила социальную напряженность общества. Особенно остро эти проблемы чувствовались в национальных районах, где, помимо всего, обострились и этнические вопросы.

Одним из первых мероприятий, которые инициировала центральная власть, стала смена партийного аппарата на местах. Ротация власти была характерной чертой политической системы, но в результате были назначены лица, которые противопоставляли себя культурной революции или были репрессированы в 1960–1970-е гг. В Синьцзяне фактический руководитель Сейпидин был смещен в январе 1978 г., а вместо него в качестве высшего партийного лица был назначен Ван Фэн. Сменилась значительная часть руководящего аппарата СУАР. Так, например, из 11 членов постоянного комитета КПК Синьцзяна, 8 были назначены в конце 1977 и начале 1978 годов [1].

Изменилась и риторика политического класса СУАР. В местной прессе акцент все больше делался на экономическое производство и модернизацию, а внимание к классовой борьбе значительно снизилось. Безусловно, что линии внутривнутриполитической борьбы в регионе были связаны с основными силами в центре. По мере усиления позиций партии Дэн Сяопина вопросы экономического развития становились приоритетными, следовательно, позиции «левых» уменьшались. В Синьцзяне борьба с левыми силами дополнительно требовала активизации

пересмотра вопросов национальной политики. При этом особое внимание уделялось противодействию ханьскому национализму [2, р. 572].

Экономическую политику Ван Фэна сложно переоценить. Он начал первым проводить аграрную реформу в Синьцзяне, реализовывать дух 3-го пленума XI съезда КПК. В апреле 1979 г. фокус работы партии был перенесен на социалистическую модернизацию, на улучшение жизни крестьян и скотоводов [3]. Внедрение системы ответственности за производство шло с двух сторон. С одной стороны, деятельность парткома, который пытался модернизировать производственные бригады, а с другой — шел стихийный процесс снизу по внедрению подрядной системы.

Чем беднее местность, тем выше была активность в экономике. Поэтому южный Синьцзян в указанные годы развивался быстрее, чем северный. На долю производственных бригад, осуществлявших совместную ответственность, приходилось 86,2%, 71,6% — на Северную и 90,2% — на Южную. Некоторые производственные бригады на юге Синьцзяна, даже при условии, что местная власть отказалась вводить, сами стали самостоятельно переходить на систему производственных подрядов.

Не разбирая ход аграрной реформы, необходимо подчеркнуть, что Ван Фэн все время, поддерживая движение крестьян, которые в основном были представителями нацменьшинств Китая, опирался на опыт преобразований, который уже имел место до культурной революции. В частности, он подчеркивал деятельность бывшего секретаря Кызылсу-Киргизской автономной области Чжао Цзыхэ, который 15 лет назад позволил каждому двору иметь сад, разделенный на пять частей, а для простых людей он выступал в качестве «хорошего руководителя» [3].

Решая и экономические, и этнические проблемы, партийный комитет и правительство автономного округа в 1979 г. приняли решение об «ускорении развития земледелия и скотоводства в трех южных областях». Начиная с этого года автономный округ направлял 60% средств на борьбу с нищетой, 32% средств в фонды водного хозяйства, субсидии для малых водных хозяйств, чтобы поддержать развитие Хотанского, Кызылсу-Киргизской и Кошгарского округа и области.

Однако несмотря на то, что были предприняты усилия для решения этнических противоречий между ханьскими и неханьскими народами, избежать открытых столкновений не удалось. В начале 1981 г. в уезде Каргалык округа Кашгар произошло открытое неповиновение властям и призыв к установлению исламского государства, а в марте

того же года в уезде Файзабад округа Кашгар произошел вооруженный мятеж под лозунгами создания Восточного Туркестана [4, с. 11].

В результате ответные меры властей в значительной степени приняли форму мер, направленных на улучшение условий жизни и в определенной степени учитывающих культурные и религиозные убеждения неханьских народов. Во-первых, были предприняты колоссальные усилия по устранению негатива, вызванного попытками культурной революции уничтожить ислам: были открыты мечети, разрешили публично проводить мусульманские обряды, Коран и другие религиозные тексты вновь появились в продаже, была реорганизована деятельность Синьцзянской исламской ассоциации, восстановлена арабская письменность для уйгурского и казахского языков. Во-вторых, региональные власти стали уделять особое внимание реабилитации и подготовке кадров национальных меньшинств. Наконец, были предприняты значительные усилия по нормализации отношений малых народов с войсками военного округа Урумчи [2, р. 577–579].

Тем не менее, к середине 1981 г. стало очевидно, что общая ситуация в Синьцзяне требует иного подхода, иного партийного лидера, который мог бы вывести регион из сложной ситуации. Возможно, что выступление ханьской молодежи, которая ранее прибыла в Синьцзян из Шанхая и других городских центров, стало последним инцидентом, после которого центр пошел на смену лидера в СУАР. Недовольство ханьцев было вызвано фактической ликвидацией в середине 1970-х годов производственно-строительного корпуса и потерей привилегий, льгот. В конце октября 1982 г. на пост секретаря постоянного комитета КПК Синьцзяна и первого политического комиссара военного округа Урумчи был назначен Ван Энмао. [3, с. 581].

Ван Энмао и Ван Чжэнь, который осуществлял инспекционные поездки по Синьцзяну в 1980–1981 гг. и фактически настоял на смене руководства, были героическим личностями в истории региона. Они установили коммунистическую власть и управляли регионом в 1950-е — 1960-е годы, до их отстранения в годы культурной революции [5, р. 68–74]. Авторитет у Ван Энмао был непререкаемым. Программа развития автономного района в основном повторяла его призывы до 1966 г., при обязательной поддержке экономического курса Дэн Сяопина.

17 апреля 1982 г. «Жэньминь жибао» сообщила, что с момента возвращения Ван Энмао в Урумчи проблема национального единства рассматривалась как вопрос первостепенной важности на каждом заседании райкома партии. В июле комитет КПК СУАР с большой помощью начал интенсивную двухмесячную общественно-просветитель-

скую кампанию по вопросам национальной политики и единства на всей территории Синьцзяна. Позднее в том же году он также утвердил обязательный курс по марксистской теории национальности и политике национальных меньшинств для всех колледжей и средних школ. Аналогичные меры были проведены в середине 1982 г. в армии для улучшения отношений между НОАК и этническими меньшинствами.

1 июня 1982 г. произошло значительное событие: Синьцзянский производственно-строительный корпус был номинально возрожден примерно через шесть месяцев после совместного решения ЦК КПК, Государственного совета и Комиссии по военным вопросам в декабре 1981 г. Восстановление корпуса восстановило льготы и привилегии ханьцев.

Таким образом, региональная и центральная власть, преодолевая кризис конца 1970-х годов, сделала ставку на развитие экономики и восстановление общественных механизмов, которые функционировали до культурной революции. Более того, политика стала более сбалансированной, когда ее стали реализовывать непосредственные руководители регионом 1950–1960-х гг., имевшие авторитет как среди военных, так и среди гражданских лиц разной национальности. Несмотря на свой преклонный возраст Ван Эньмао смог преодолеть фракционность в политической жизни, найти баланс в этническом вопросе, опираясь не только на экономику, но и на идеологию и пропаганду.

Литература

1. Список изменений Постоянного комитета второго состава в Синьцзяне (12.05.1971–21.02.1984) = 新疆党委第二届常委变动录 [1971.5.12–1984.2.21]. URL: http://blog.sina.com.cn/s/blog_a3f2f5990102vez.html

2. McMillen D.H. Xinjiang and Wang Enmao: New Directions in Power, Policy and Integration? // The China Quarterly. No.99 (Sep. 1984). P. 569–593.

3. Ван Фэн ю Синьцзян гайгэ кайфан [Ван Фэн и политика реформ и открытия в Синьцзян = 汪锋与新疆改革开放]. URL: <https://http://www.xjkunlun.cn/dswx/rwcl/19480.htm>

4. Ли Чжэнмин [李慎明] Хаошоу цэчжан зо Тяньшань [Седая голова, опираясь на посох уходит на Тяньшань = 皓首策杖走天山] // Бай нянь ху [Столетняя волна = 百年潮]. 2009. № 8. С. 9–14.

5. McMillen D.H. Xinjiang and the Production and Construction Corps: A Han Organisation in a Non-Han Region // The Australian Journal of Chinese Affairs. 1981. No.6. (Jul.). P. 65–96.

В.Е. Дергачева
Карибский кризис в оценке советской
и российской историографии

После окончания Карибского кризиса в СМИ поднялась полемика относительно его причин и итогов, давалась оценка действиям двух сверхдержав в пиковый момент кризиса. Когда накал противостояния разных точек зрения в СМИ спал, и в прессе стали обсуждаться другие темы советско-американских отношений, проблематика Карибского кризиса стала переосмысливаться как в американской, так и в советской историографии. На протяжении уже нескольких десятков лет причины и итоги Карибского кризиса рассматриваются отечественными исследователями с разных точек зрения. Восприятие любого события с течением времени подвергается трансформации, как под давлением изменений в идеологическом и информационном поле, так и в контексте изменения отношений между сторонами рассматриваемого конфликта. После «черной субботы» Карибского кризиса прошло уже больше полувека. На протяжении этого времени менялись советско-американские, а затем российско-американские отношения, на повестку двусторонних отношений выходили другие важные вопросы, наряду с возникновением новых разногласий появлялись и новые возможности для сотрудничества. Под действием новых реалий происходил и процесс переосмысления причин и последствий Карибского кризиса. Возникает закономерный вопрос: влияли ли изменения, происходившие во внешней и внутренней политике нашей страны, на оценку событий Карибского кризиса отечественными исследователями? Для ответа на этот вопрос мы обратились к работам таких советских и российских исследователей данной проблематики, как А.А. Громыко, А.А. Кокошин [1], Р.А. Медведев [2], Ф.М. Бурлацкий [3], В.Н. Шевелев [4], А.А. Фурсенко, Т. Нафтали [5], В.О. Печатнов [6].

В первые годы после Карибского кризиса в работах, посвященных данной проблематике, делался акцент на роль Н.С. Хрущева в прекращении гонки вооружений, на отношения СССР со странами социалистического блока (Республика Куба и КНР) и на агрессивность действий США до и в период кризиса. Так, в работе А.А. Громыко «1036 дней президентства Кеннеди» говорится, что агрессивные планы США в отношении Кубы появились задолго до кризиса. Целью США еще в период президентства Эйзенхауэра было загнать Кубу в экономическую и политическую зависимость. После того, как в 1961 году США разорвали дипломатические отношения с Кубой, Кеннеди спустя немного времени собрал в Белом доме совещание, на котором обсуждалось вторжение на Кубу [7]. С данной точкой зрения соглашаются ав-

торы другой работы по проблематике Карибского кризиса, А.А. Громыко и А.А. Кокошин. В своей работе «Братья Кеннеди» они указывают на тот факт, что в 1962 году США проводили провокационную политику в отношении Кубы, используя при этом различные методы информационного и идеологического давления [1]. Так, авторы приводят пример такой провокации во время учений ВМФ США в Карибском море. Целью учений объявлялось освобождение условной «Республики Векос» от условного правителя по имени «Ортсак» (при обратном прочтении «Кастро») [1, с. 189]. В работе также говорится о том, что СССР в лице Н.С. Хрущева призывал США прекратить провокационную политику в отношении Кубы. Когда эти попытки США не увенчались успехом, Куба при поддержке СССР начала готовиться к отражению американской агрессии. Относительно итогов кризиса авторы дают такую характеристику ситуации: правительство США, встретив жесткую позицию СССР относительно кубинского вопроса, отказалось от тех ультимативных требований, которые оно излагало ранее советскому руководству. США, как утверждается в работе, взяли путь на поиски компромиссов, а Н.С. Хрущев выдвинул те компромиссные предложения, которые легли в основу урегулирования Карибского кризиса и спасли мир от катастрофы [1].

Мы можем сделать вывод, что работы периода, предшествующего перестройке, делали акцент на роль Н.С. Хрущева в урегулировании Карибского кризиса. Главными агрессорами в данном кризисе объявлялись США. На данном этапе Кубе и ее роли в данном кризисе в отечественной историографии уделялось мало внимания. В этот период разбирались в основном мотивы действий двух сверхдержав. И это вполне объяснимо, так как «холодная война» была в самом разгаре.

После того как в СССР был взят курс на перестройку, в жизни советского общества происходили кардинальные социальные и идеологические преобразования. В работах, посвященных Карибскому кризису, стали даваться более смелые оценки действий советского руководства. Так, в работе Р.А. Медведева [2] при оценке действий сверхдержав в период кризиса говорилось о том, что СССР и США своими собственными действиями и нежеланием договариваться чуть не привели мир к катастрофе. Н.С. Хрущев, по мнению автора, предприняв попытку тайного размещения ракет на территории Кубы, поступил необдуманно, так как эта «тайнственность» сыграла роль «спускового крючка» для американской военно-политической машины. Данную точку зрения позже поддерживает в своей работе Ф.М. Бурлацкий. Он говорит о том, что тайное размещение ракет — тактический просчет Н.С. Хрущева. Также Бурлацкий указывает на тот факт, что инициати-

ва размещения ракет исходила именно от Хрущева [3, с. 231]. В период, рассмотренный нами ранее, об этом не было ни слова. Тогда говорилось о том, что инициатива советской помощи именно в виде размещения ракет исходила от Фиделя Кастро.

В период перестройки происходило последовательное разрушение социалистической идеологии. Авторы в своих работах, посвященных кризису, переходили от положительной оценки политики Хрущева к критике его тактических и политических просчетов. Но стоит отметить, что оценка роли сверхдержав в урегулировании кризиса в работах практически не изменилась. Ф.М. Бурлацкий и Р.А. Медведев, как А.А. Громько и А.А. Кокошин, говорят о том, что именно взвешенная политика двух лидеров Кеннеди и Хрущева на заключительных этапах кризиса спасла мир от катастрофы.

После распада СССР работы, посвященные кризису, становятся многоакурными. Авторы не только дают оценку действиям советского и американского лидеров, но и более детально рассматривают мотивы и действия кубинского лидера Фиделя Кастро. Говоря о мотивах советского руководства при размещении ракет, авторы теперь оценивают этот шаг в большей степени со стороны военно-политической стратегии. Данные попытки предпринимались и ранее, но всегда военно-политический и стратегический аспекты размещения уходили на второй план, на первом же главным мотивом представлялась защита кубинского народа от американской агрессии.

В.Н. Шевелев в своей работе говорит о том, что сближению Кубы и СССР способствовали, как ни странно, сами США. Они отказали кубинскому лидеру в помощи, и Фидель Кастро нашел эту помощь в лице СССР. Данные тезисы он сам озвучивал с трибуны ООН. В данной работе автор, анализируя причины кризиса, делает акцент на взаимоотношениях советского и американского лидеров. Он говорит о том, что у лидеров возникла взаимная антипатия друг к другу еще при первой встрече [4]. И этому есть причины. У них был разный политический стиль, разные взгляды на международную обстановку в целом и на советско-американские отношения в частности.

Развернутую оценку автор дает действиям СССР на начальных этапах конфликта, что в работах советского периода встречается довольно редко. Он говорит о том, что во время кризиса Н.С. Хрущев в своей внешней политике руководствовался несколькими намерениями относительно США: установить равновесие сил в военно-стратегическом плане и устранить точки напряженности в отношениях на выгодных для СССР условиях [4]. Схожую позицию относительно действий Хрущева в тот период высказывают в своей работе

А.А. Фурсенко и Т. Нафтали. Авторы отмечают, что советского руководителя беспокоил тот факт, что СССР был буквально «зажат» американскими военными базами и ракетами со всех сторон: так почему же было не ответить тем же и не достигнуть военного паритета в данном направлении? [5]. Как В.Н. Шевелев, так и А.А. Фурсенко с Т. Нафтали в своих работах сходятся во мнении относительно позиции Кастро. Он был категорически недоволен тем, что СССР и США договорились за его спиной. После кризиса советско-кубинские отношения заметно испортились.

В 2012 году исполнилось 50 лет, как мир избежал ядерной катастрофы. В этом году В.О. Печатнов написал труд под названием «Мужество в противодействии военной логике». В данной работе он указывает на тот факт, что сейчас на фоне риторики российско-американских отношений в публицистике бытует мнение, что благодаря политике Н.С. Хрущева удалось преодолеть кризис. Но автор склоняется к тому, что тактическую победу здесь нужно отдать США. Он обосновывает свою точку зрения таким образом. Во-первых, именно действия Хрущева в контексте размещения ракет способствовали эскалации. Во-вторых, автор оценивает исход кризиса как одну большую уступку со стороны СССР. Ракеты с Кубы вывозились под международным контролем, и данная мера поссорила СССР с несколькими социалистическими странами, тогда как ответная мера США (демонтаж американских ракет в Турции) была скрыта от публики и не имела важного стратегического значения [6]. А.А. Кокошин в своей работе также указывает на тот факт, что размещение советских ракет на Кубе соответствовало логике стратегической стабильности для СССР в плане достижения военно-стратегического паритета с США. Но при демонтаже этих ракет СССР утратил возможность достижения данного паритета [8].

По прошествии пятидесяти лет после Карибского кризиса в работах на данную тему не столько рассматривается дихотомия «кто прав — кто виноват» или «кто победил — кто проиграл», а делается акцент на прикладных аспектах данного события, на вынесении уроков из прошлого. В этом плане современные работы, посвященные данной проблеме, вносят вклад в изучение стратегической безопасности и применение уроков данного кризиса при урегулировании кризисных ситуаций на современном этапе.

Отвечая на вопрос, который мы ставили в начале нашей работы, мы можем с уверенностью констатировать, что изменения, происшедшие в политической системе СССР, включая перестройку и возникновение нового государства на международной арене, оказали оп-

ределенное влияние на оценку событий Карибского кризиса в отечественной историографии. Это влияние нельзя назвать критично-трансформирующим мнение отечественного научного сообщества. На протяжении полувека основные выводы относительно причин и итогов кризиса коренным образом не поменялись. Поменялся лишь тон при оценке действий советского руководства в период кризиса, выяснились дополнительные мотивы действий двух сверхдержав (в большей степени СССР), о которых ранее было принято умалчивать. Иногда восприятие какого-либо события может заметно трансформироваться с течением времени не потому, что ему присваиваются новые качества, а потому, что вскрывается то, о чем раньше было говорить не принято или запрещено. И именно с помощью последнего тезиса можно охарактеризовать трансформацию восприятия Карибского кризиса. Так происходит не всегда, в ряде случаев события специально интерпретируют иначе, чтобы нанести удар по прежней трактовке, но это не относится к Карибскому кризису.

Литература

1. Громько А.А., Кокошин А.А. Братя Кеннеди. М., 1985.
2. Медведев Р.А. Н.С. Хрущев: Политическая биография. М., 1990.
3. Бурлацкий Ф.М. Вожди и советники: о Хрущеве, Андропове и не только о них. М., 1990.
4. Шевелев В.Н. Н.С. Хрущев. Политическая биография. М., 1999.
5. Фурсенко А.А., Нафтали Т. Адская игра. Секретная история Карибского кризиса 1958–1964 // Литмир. URL: <https://www.litmir.me/bg/?b=164368&p=1>
6. Печатнов В.О. Мужество в противодействии военной логике // МГИМО [офиц. сайт]. URL: <https://mgimo.ru/cuban50/228862.html>
7. Громько А.А. 1036 дней президентства Кеннеди. М., 1969.
8. Кокошин А.А. Размышления о Карибском кризисе в контексте проблемы стратегической стабильности. М., 2012.

В.Н. Козулин Образ Александра Невского в отечественной исторической литературе

В предисловии к биографии Александра Невского, вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей» в 1974 году, известный советский историк В.Т. Пашуто заметил, что если в произведениях искусства образ этого великого князя был не единожды увековечен, то «историки не написали о нем книг» [1, с. 3]. Это не совсем так. По крайней

мере, еще в 1893 г. вышла в свет подробная научно-популярная работа клерикального автора М.И. Хитрова [2], а в 1939 году, на волне интереса, поднятого к личности князя фильмом С.М. Эйзенштейна «Александр Невский», вышла тоже научно-популярная и в значительной степени пропагандистская брошюра А.Я. Лурье [3]. Начиная с этого времени интерес к личности Александра Невского в исторической литературе и публицистике не угасал, и было опубликовано немало работ о нем (В.Н. Бочкарева, В.И. Пичеты, И.Н. Сутта и др.) [подробнее: 4, с. 171–172, прим. 5–7]. В 1939 и 1951 гг. выходили исследования и самого В.Т. Пашуто об Александре Невском (тоже в известной степени идеологизированные) [5; 6]. Кроме того, об Александре Невском упоминали и давали ему свои оценки практически все отечественные историки, писавшие об этом времени или издавшие общие курсы русской истории.

Формирование патриотической легенды об Александре Невском в российском историческом сознании на протяжении веков достаточно обстоятельно исследовано по меньшей мере в двух фундаментальных монографиях [7; 8]. Но вопрос об эволюции восприятия этого деятеля русской истории в исторической литературе в обеих работах специально не рассматривался. Таким образом, целью статьи является попытка восполнить этот пробел в историографии проблемы.

Прежде чем говорить об эволюции оценок князя у историков и исторических публицистов, следует напомнить основные этапы формирования его образа в историческом сознании еще до появления в России исторической науки. У истоков возникновения культа Александра Невского стоял митрополит Кирилл, заявивший после смерти князя, что «солнце отечества закатилось» (в литературном переводе на современный русский язык Н.М. Карамзина) [9]. Первоначально культ Александра Невского существовал на локальном уровне: «он оберегал Рождественский монастырь во Владимире, где находилась его гробница, а также служил прообразом для суздальских князей и легитимировал их протатарскую политику. Внутри новгородского дискурса XV в. возросла роль Александра как регионального святого, на защиту которого рассчитывали в борьбе против Москвы городские элиты, нуждавшиеся в этом образе и для укрепления своей идентичности». Примерно с конца XV века началась «интеграция святого князя в такое повествование, которое представляло Великое княжество Московское как телос русской истории, а Даниловичей — как легитимную правящую династию» [8, с. 77].

Затем этот образ наследуется и активно развивается династией Романовых. Финская исследовательница М. Исоахо отмечает, что именно

при первых Романовых начинают возводиться церкви, посвященные Александру Невскому, тогда как при последних Рюриковичах (Иване IV и его сыне Федоре) не было построено ни одной такой церкви. На ранних иконах Александр Невский обычно изображался в монашеском одеянии, а начиная со времен Петра I — в воинских доспехах: в 1724 г. Петр издал указ Священному синоду, предписывавший изображать Александра Невского исключительно как воина [7, p. 372, note 26]. По-видимому, с этого времени образ Александра Невского вместо одного из символов правящей династии начинает превращаться в национальный символ [cf.: 7, p. 363–379].

В основе популярного мифа об Александре Невском лежит убеждение в том, что он положил заслон западной (шведской и немецкой) агрессии на Русь и принял дальновидное решение подчиниться татарам, дабы сохранить тем самым самобытность русской (православной) культуры. В целом это так, хотя необходимо сделать оговорку, что сначала Александр Невский, также как его отец Ярослав, а впоследствии и галицкий князь Даниил Романович, по-видимому, намеревался пойти на союз с папством. Тот факт, что «суздальские князья решили вступить в соглашение с папством» в частности признавал советский историк Б.Я. Рамм [10, с. 164–166]. На наш взгляд, князь действовал не столько «дальновидно», осуществляя некий продуманный «цивилизационный выбор», сколько просто прагматически, руководствуясь менявшимися политическими обстоятельствами.

Говоря об эволюции образа князя в исторической литературе, следует заметить, что до советского периода, даже, пожалуй, вплоть до конца 1930-х гг., личность Александра Невского, хотя и оценивалась в исторической литературе преимущественно положительно, но нельзя сказать, что чрезмерно героизировалась. Вероятно, по этой причине в те времена она не стала предметом споров между западниками и славянофилами. Например, П.Я. Чаадаев в своем манифесте западничества, «Философических письмах», ни одним словом не упоминает об Александре Невском (как о потенциальном антигерое). Фрагменты высказываний об Александре Невском известных русских историков приведены в приложении к исследованию М.И. Хитрова [2, с. 228–230]. Пожалуй, наиболее панегирически оценивали личность и деятельность князя сам М.И. Хитров [2, с. 123–127], придерживавшийся крайне правых взглядов историк А.Д. Нечволодов [11, с. 326–344] и известный историк, идеолог «евразийства» Г.Г. Вернадский [12]. Вообще, все евразийцы высоко ценили Александра Невского за его два главных подвига, говоря словами Вернадского — подвиг брани на Западе и подвиг смирения на Востоке (С.П. Трубецкой, Л.Н. Гумилев).

Последний высказывал еще и точку зрения о целенаправленном военно-политическом союзе князя с Ордой [13, с. 534]. Наименее позитивно среди старых русских историков деятельность Александра Невского оценивал С.М. Соловьев, обвиняя его в сотрудничестве с татарами — в том, что он наслал на Русь «Неврюево нашествие», чтобы отобрать у брата Андрея великокняжеский престол [14, стлб. 837–839].

По-настоящему идеологизированным образ Александра Невского становится в работах многих советских историков (частично уже упоминавшихся выше). Начало этой идеологизации было положено событиями 1930-х годов, связанными с разгромом «интернационалистской» школы М.Н. Покровского и переходом к более патриотической концепции истории, для которой нужны были соответствующие герои. Кроме того, ситуация в Европе также склоняла к поиску в отечественной истории примеров борьбы против германской агрессии. В 1937 г. в «Историческом журнале» была опубликована статья про «замечательные исторические уроки» — Ледовое побоище и Невскую битву (примечательно, что, вопреки хронологии, именно Ледовое побоище поставлено на первое место) [15]. В 1938 году была напечатана поэма Константина Симонова «Ледовое побоище», где проводились прямые параллели между 1242-м и 1937-м годами. Наконец, в том же 1938 году вышел знаменитый фильм Сергея Эйзенштейна.

Прославление Александра Невского как борца с западными агрессорами, ставшее с тех пор на долгие годы одним из самых популярных сюжетов советской патриотической пропаганды, со временем, видимо, стало вызывать ответную реакцию отторжения, выразившуюся в стремлении превратить князя в некоего предателя национальных интересов, разорвавшего с Европой и «продавшего» Русь азиатским варварам. Другой причиной такой обратной реакции, возможно, стала констатация и одобрение евразийцами факта так называемого «союза князя с Ордой».

Наиболее ярко эта новая оппозиционная точка зрения была представлена в работе М.М. Сокольского, вышедшей в эпоху перестройки, но написанной еще в 1978 г. и ходившей в «самиздате» [16]. Свой очерк, посвященный Александру Невскому, автор озаглавил «Заговор Средневековья», и в нем он впервые в исторической литературе четко высказывал мысль, что князь «предал Русь азиатским пришельцам» ради независимости от Западной Европы и «ради установления деспотической системы». Поэтому «позором русского исторического сознания, русской исторической памяти», по мнению автора, является то, что он «стал непререкаемым понятием национальной гордости, стал фетишем... того самого народа, чью историческую судьбу он жестоко исковеркал» [16, с. 127, 193].

Таким образом, раскол на «александрфилов» и «александрфобов» произошел в советские времена, очевидно, под напором слишком официально-навязчивого образа Александра Невского как героя. Зародившись в среде диссидентов, «антиневские» взгляды в эпоху краха советской власти и политической либерализации становились все более распространенными в исторической научной литературе и публицистике. Что касается науки, появились справедливые, на наш взгляд, пересмотры преувеличенного в советской историографии значения Ледового побоища (в дореволюционной историографии первенство отдавалось традиционно Невской битве) [17; 18]. В научно-популярной литературе и публицистике продолжают развиваться идеи, высказанные М.М. Сокольским. Так, по мнению современного историка А.Н. Нестеренко, «реальный Александр был пособником татар и не отражал никакой угрозы с Запада. Он не был защитником Русской земли и выдающимся полководцем» [19, с. 270]. А публицист А.М. Буровский в своем полемическом задоре идет куда дальше Сокольского и Нестеренко, называя Александра Невского «лишенным ума и образованности...», «сбутьильником всех решительно ханов», отрекшимся от своего кровного отца Ярослава и назвавшим отцом его убийцу — монгольского хана [20, с. 52–54].

Тем не менее, преобладающими и в современной исторической литературе являются традиционные оценки Александра Невского как героя [ср.: 21–24]. В последние десятилетия вышло несколько подробных научных и научно-популярных биографий князя, в том числе несколько в серии «ЖЗЛ» [25–29].

Из этого следует вывод, что личность Александра Невского все еще большей частью остается фигурой относительного консенсуса, чем символом раскола между славянофилами и западниками. Хотя элементы последнего с позднесоветских времен проявляются все чаще. Приходится констатировать, что образ Александра Невского, не без влияния чересчур навязчивой пропаганды, из консолидирующего символа отчасти попал в другой ряд символических фигур — не сплывающих, а раскалывающих общество, во всяком случае среду историков и исторических публицистов, от которых и зависит во многом формирование «политики памяти» и международного имиджа страны.

Литература

1. Пашуто В.Т. Александр Невский. М., 1974.
2. Хитров М.И. Святой благоверный великий князь Александр Ярославич Невский. Подробное жизнеописание с рисунками, планами и картами. [Репринт. воспр. издания 1893 г.]. М., 1991.
3. Лурье А.Я. Александр Невский. М., 1939.

4. Бегунов Ю.К., Клейнберг И.Э., Шаскольский И.П. Письменные источники о Ледовом побоище // Ледовое побоище 1242 года. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища / Отв. ред. Г.Н. Караев. М.; Л., 1966.
5. Пашуто В.Т. Александр Невский // Ученые записки ЛГУ. Серия исторических наук. Вып. 3. Л., 1939.
6. Пашуто В.Т. Александр Невский и борьба русского народа за независимость в XIII веке. М., 1951.
7. Isoaho M. The Image of Aleksandr Nevskiy in Medieval Russia. Warrior and Saint. Leiden; Boston, 2006.
8. Шенк Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М., 2007.
9. Карамзин Н.М. История государства Российского. В двенадцати томах. Т. IV. М., 1922.
10. Рамм Б.Я. Папство и Русь в X–XV веках. М.; Л., 1959.
11. Нечволодов А.Д. Сказания о Русской земле. [Репринт. воспр. издания 1913 г.]. В четырех томах. Т. II. Кемерово, 1991.
12. Вернадский Г.В. Два подвига св. Александра Невского // Евразийский временник. Кн. IV. Берлин, 1925. С. 318–337.
13. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989.
14. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. В шести книгах. 2-е изд. Кн. I. СПб., 1896.
15. Козаченко А.И. Замечательный исторический урок («Ледовое побоище» и Невская битва) // Исторический журнал. 1937. Т. 7. № 3/4 (март–апрель).
16. Сокольский М.М. Неверная память (Герои и антигерои России). Историко-полемические эссе. М., 1990.
17. Данилевский И.Н. Ледовое побоище: смена образа // Отечественные записки. 2004. №5. С. 28–40.
18. Данилевский И.Н. Александр Невский и Тевтонский орден // Слово.ру: Балтийский акцент. 2011. Т. II. № 3–4. С. 105–111.
19. Нестеренко А.Н. Александр Невский. Кто победил в Ледовом побоище. М., 2006.
20. Буровский А.М. Оживший кошмар русской истории. Страшная правда о Московии. М., 2010.
21. Баймухаметов С.Т. Александр Невский. Спаситель Русской земли. М., 2009.
22. Егоров В.Л. Александр Невский и чингизиды // Отечественная история. 1997. № 2.
23. Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы / Под ред. Ю.К. Бегунова и А.Н. Кирпичникова. СПб., 1995.

24. Святые заступники Руси: Александр Невский, Довмонт Псковский, Дмитрий Донской, Владимир Серпуховской. М., 2014.
25. Богданов А.П. Александр Невский. Друг Орды и враг Запада. М., 2014.
26. Шишов А.В. Александр Невский. Ростов-на-Дону, 1999.
27. Бегунов Ю.К. Александр Невский. Жизнь и деяния святого и благоверного великого князя. М., 2003.
28. Карпов А.Ю. Великий князь Александр Невский. М., 2010.
29. Пашуто В.Т. Александр Невский. Переиздание. Екатеринбург; М., 1995.

Обсуждение в Интернете

Павел Ульянов

14 апреля 2019 в 17:49

Довольно подробный и комплексный анализ развития представлений об Александре Невском, так как даже в современной российской исторической науке продолжают споры о том был ли Александр Невский «спасителем Руси» или «предателем» и при этом даже центристскую позицию найти сложно. Ученые-историки приводят разнообразные факторы и выделяют различные особенности и тенденции того времени, отстаивая конкретную позицию. И все же следует учитывать то, что в современной России государственная власть стремится популяризировать своих героев, например, Дмитрия Донского, Александра Суворова и многих других. И Александр Невский занимает в этом ряду одно из значимых мест. Это важно еще и потому, что людям нужны герои для подражания и исторические символы страны для воспитания патриотических чувств молодого поколения.

Вячеслав Козулин

15 апреля 2019 в 18:11

Спасибо за отзыв. На самом деле, в статье подчеркивается, что не ДАЖЕ, а ТОЛЬКО в исторической науке и литературе последних лет (точнее, уже десятилетий) ведутся такие споры. В старой литературе такого не было, это все «заслуга» советской власти.

А герои, безусловно, нужны не только власти, но и обществу, историческое сознание, наверное, не мыслимо без героев и антигероев. Но при этом задача историков, на мой взгляд, — не столько прославлять героев, сколько умело отделять истину от домыслов, ведь реальные исторические деятели и их легендарные образы в общественном сознании — порой совсем не одно и то же. Есть люди, а есть мифы.

Д.С. Никитин
«Старая Индия» в риторике
Индийского национального конгресса (конец XIX в.)

Закон об управлении Индией 1858 года, передавший власть в индийских колониях от Ост-Индской компании британской короне, привел к значительным изменениям в работе административного аппарата Британской Индии. Усложнение британской бюрократической машины в Индии в 60–80-е гг. XIX в. было предметом критики со стороны индийской общественности, что особенно ярко проявилось после возникновения в 1885 г. Индийского национального конгресса (ИНК), собравшего в своих рядах представителей общественных организаций со всех концов страны. Внутренние правила Конгресса позволяли выносить на всеобщее обсуждение лишь те вопросы, которые носили общенациональный характер, и то, что проблема бюрократии получила значительное место в обсуждениях уже на первой сессии ИНК (1885 г.), очевидно, свидетельствовало о том, какое большое внимание уделяли ей лидеры ИНК.

ИНК заявлял о стремлении к прогрессу в политическом развитии Британской Индии, но в своей критике колониальной администрации деятели Конгресса зачастую обращались к сравнению текущего положения вещей с системой управления, существовавшей во времена Ост-Индской компании, что, в свою очередь, находило отражение как в официальных документах ИНК, так и в публичной полемике с оппонентами национального движения.

В частности, наболевшим вопросом общественной жизни в Индии было существование Индийского совета (Совета при государственном секретаре по делам Индии), который к середине 1880-х гг. воспринимался политически активной частью индийского населения как крайне неэффективный орган. Одна из первых резолюций ИНК требовала упразднения Совета, что было необходимым условием для всех последующих политических реформ, и это требование немедленно нашло историческое обоснование. Г.С. Айяр, выступая на сессии ИНК в декабре 1885 г., указывал, что в годы правления Ост-Индской компании ее Хартия — устав, определявший, помимо прочего, и жизнь колоний — подлежала обновлению раз в двадцать лет, и каждому ее пересмотру предшествовало расследование условий жизни в колониях и их финансовое положение [1, р. 20]. Однако «со времени упразднения Ост-Индской компании эти проверки и гарантии, в целом, исчезли, поскольку, хотя в теории Парламент и осуществлял полный и ответственный контроль над индийским правительством — на деле он уступил его Индийскому совету» [1, р. 20]. Таким образом, «великие государственные мужи Англии», требовавшие упразднения Компании по причине не-

компетентности ее руководства и плохого управления, заменили ее «еще более деспотичным» органом [1, р. 20]. Н.Н. Сен, в свою очередь, обращал внимание на то, что «передача управления Индией от Компании Короне была практически, если не исключительно, номинальной», а существующая система сохраняет худшие недостатки предшествующей [1, р. 26]. Вместе с тем, Н.Н. Сен отмечал, что «вся великая выгода, которой наслаждаемся мы сегодня, обязана своим существованием реформам, проведенным во время правления Ост-Индской компании — благодаря обновлению ее хартии», в то время как за период правления королевы-императрицы не было проведено ни одной существенной реформы [1, р. 27].

Критике подвергнулся и состав Индийского совета. Ситарам Чиплункар, в частности, отмечал, что «в отличие от старого Совета директоров, Индийский совет почти исключительно состоит из отставных англо-индийских чиновников», которые «в силу привычки» считают, будто текущее положение дел в Индии не слишком отличается от времен их службы [1, р. 39].

Важным следствием регулярного пересмотра уставных документов Ост-Индской компании члены Конгресса считали также внесение необходимых корректив в расходы Компании в Индии [2, р. 62], тогда как затраты на содержание колониальной администрации после 1858 г. не подлежали никакому общественному контролю и были, по общему мнению ИНК, крайне велики [3, с. 86].

Таким образом, существовавшая система управления, по мнению членов Конгресса, была не более эффективна, чем во времена Компании, однако, в сравнении с ней обладала рядом существенных недостатков, из которых главными были утрата связи между правителями и управляемыми и увеличение расходов на содержание административного аппарата.

В серии памфлетов, написанных в 1886–1887 гг., один из «отцов-основателей» Конгресса Аллан Октавиан Юм подробно раскрыл причины подобного восприятия «старой Индии» в кругах индийских националистов. Юм, начавший службу в Индии еще во времена Ост-Индской компании и вышедший в отставку в начале 80-х гг. XIX в. вследствие несогласия с усиливавшимися тенденциями централизации власти, отмечал, что «начинавшееся некогда в мудром и сочувственном духе, ... с течением времени оно [британское правление] начало застывать, превращаясь в суровую машину, ведомую людьми, большей частью безразличными к одобрению или неодобрению страны» [3, с. 80], тогда как «в ранние времена близкие к власти люди пытались, насколько позволяло их несовершенное знание обстоятельств, приспособить британское правление к местным условиям» [3, с. 80]. Увели-

чение числа европейцев в Индии, по мнению Юма, привело к тому, что колониальная администрация больше не нуждалась в том, чтобы знать нужды, обычаи, традиции страны, всецело положившись на британских чиновников на местах. Примером непонимания подлинных нужд страны Юм называет «железную систему гражданского и налогового права, невежественно распространенного доброжелательными иноземцами... на население, для которого оно было совершенно не приспособлено» [3, с. 81]. Тем не менее, именно достоинства британского правления в первые десятилетия способствовали тому, что с началом восстания 1857 г. «люди повсеместно выступали против мятежников» на стороне англичан [3, с. 81]. Следует отметить, что в 1857 г. Юм и сам был спасен местными жителями от гнева восставших [4, р. 95], более того, лояльность населения Северной Индии британцам подтверждалась и другими британскими чиновниками — в частности, У. Муиром [5, р. 773]. Однако, наблюдая за развитием британской администрации в последующие годы, Юм пришел к выводу, что система управления становится все менее гибкой и повторение восстания может стать для британской власти в Индии фатальным [3, с. 318]. Таким образом, «старая Индия» не воспринималась и не могла восприниматься деятелями ИНК как идеал, поскольку Конгресс выступал за всесторонний прогресс страны, однако примеры из прошлого демонстрировали, как британское правление с течением лет все больше теряет изначально присущий ему благородный «английский дух».

Одновременно «Индия прошлого» в риторике деятелей индийского национального движения представляла своего рода стартовой площадкой для преобразований, за которые выступал ИНК. В полемике с вице-губернатором Северо-Западных провинций и Ауда О. Колвином, опубликованной в 1888 г., Юм обосновывал необходимость введения в стране представительных учреждений следующим образом: «...вся структура нашей администрации стала... слишком централизованной, слишком европеизированной, слишком чуждой духу людей... Все, что мы можем сделать, ... заключается в том, чтобы как можно скорее и в максимально возможной степени связать себя с самыми лучшими из туземцев, как в законодательной сфере, так и в управлении» [3, с. 279]. Кроме того, Юм был убежден в том, что система представительных институтов была характерна для Индии с древности и существовала в виде панчаятов — традиционных органов местного самоуправления [3, с. 165], следовательно, требование Конгресса не было чем-то принципиально новым и чуждым Индии, как считали противники ИНК [6, р. 65], напротив, выглядело как возвращение к проверенным временем традициям.

В целом, хотя обращение к «старой Индии» не было для конгрессистской политической риторики обязательным элементом, в 80–90-х гг. XIX в. оно было довольно широко распространено, вероятно, в силу того, что многие из деятелей Конгресса (Дадабхай Наороджи, А.О. Юм и другие) и той аудитории, к которой они обращались, были непосредственными свидетелями обеих эпох и могли сравнить, как те или иные изменения в сфере управления отражались на жизни индийского общества. В свою очередь, нацеленность на политический, социальный, моральный прогресс требовала от лидеров Конгресса поиска не столько «идеальной» Индии в прошлом, сколько оснований для необходимых, по их мнению, реформ в будущем. В силу этого исторические примеры в риторике конгрессистских лидеров использовались в равной степени и для того, чтобы показать достоинства британского правления, и для того, чтобы продемонстрировать те его недостатки, которые ИНК требовал исправить. С течением времени и политическими потрясениями, с которыми столкнулась Индия в первой четверти XX в., образы индийского прошлого, применяемые в политической риторике ИНК, начали меняться в соответствии с изменившимися целями, задачами и идеалами лидеров Конгресса.

Литература

1. Proceedings of the First Indian National Congress, held at Bombay, on the 28th, 29th and 30th December, 1885. [Bombay, 1886].
2. Report of the Eleventh Indian National Congress, held at Poona, on the 27th, 28th and 30th December, 1895. Poona, 1896.
3. Юм А.О. Избранные произведения об индийском национальном движении (1886–1894). Новосибирск, 2019.
4. Selected Works of Allan Octavian Hume. Vol. I: 1829–1867. New Delhi, 2004.
5. Freedom Struggle in Uttar Pradesh. Vol. V: Western Districts and Rohilkhand. Lucknow, 1960.
6. Beck Th. Essays on Indian Topics. Allahabad, 1888.

Т. Рокки

Политика памяти и имидж Франции: террор во Французской революции

Каждая нация имеет свои основополагающие мифы в истории консолидации нации и развития своего имиджа. Во Франции главным, основополагающим мифом является Французская революция 1789–1799 гг. В преамбуле к пятой конституции Французской республики

написано: «Французский народ торжественно провозглашает свою приверженность правам человека и принципам национальной суверенности, определенным Декларацией [прав человека] 1789 года». Конституция также провозглашает государственный девиз — «Свобода, Равенство, Братство», девиз революционеров 1789 года [1; 2].

Однако, какое место занимает якобинский террор 1793–1794 гг. в политике памяти о революции? Историки еще задают вопрос: был ли террор aberrацией или закономерностью? Например, горячие дебаты вызвала в 1986 году монография французского историка Рейнальда Сешера о подавлении вандейского восстания. Сешер констатировал, что подавление роялистского восстания в 1793–1794 гг. якобинцами явилось геноцидом, и написал, что 250 тыс. вандейцев-мужчин, женщин и детей были убиты армией [3].

Во Франции на протяжении многих лет чрезмерная критика террора часто ассоциируется с осуждением революции и с неприятием основных ценностей французской политической нации. Французская революция положила начало общеевропейскому процессу консолидации этнических и политических наций. Этот процесс включал в себя следующие компоненты: определение нации; установление критериев членства в нации, норм правильного политического поведения для членов нации, критерий к исключению индивидов и целых категорий людей из рядов нации [4, с. 14].

Дело в том, что неприятие революции еще имеет очень серьезные последствия, особенно во время выборов во Франции. При каждом антисемитском, антимусульманском и антимигрантском выступлении представителей крайне правых партий и движений во Франции нетрудно вызвать, особенно в СМИ, страшный призрак «этой другой Франции». Это Франция ненавистников Французской революции, преследователей еврейского офицера Альфреда Дрейфуса, несправедливо осужденного за шпионаж в пользу Германии, коллаборационистов с нацистскими оккупантами во время Второй мировой войны, главы марионеточного правительства в Виши Маршала Анри Петена, заменившего лозунг «Свобода, Равенство, Братство» другим — «Труд, Семья, Отечество», активных французских участников в еврейском Холокосте [4, с. 15]. Неудивительно что президентские и парламентские выборы во Франции часто являются своеобразными референдумами о революции, потому что перед избирателями ставится вопрос «За какую Францию мы голосуем?».

Рассмотрим главные контуры новейшей историографии о разновидностях террора. Заметим, что террор совсем не уменьшает общепризнанное значение Французской революции как поворотного мо-

мента в мировой истории. Как заметил австралийский историк Питер Макфи, Французская революция была самой радикальной в волне мировых революций. Во Франции вполне был ликвидирован феодализм, и французские революционеры предприняли крупные шаги к установлению всеобщего мужского избирательного права и отделению церкви от государства. Самое главное — французы мобилизовали свои ресурсы и нанесли сокрушительный удар коалиции европейских монархий [5, p. 64].

Очень часто в монографиях о революции историки следуют узкой периодизации террора. Итак, царство террора началось с казни короля Людовика XVI (21 января 1793 г.) и закончилось низвержением Максимилиана Робеспьера и других якобинцев (27 июля 1794 г. [9 термидора по революционному календарю]) [ср.: 6; 7; 8; 9]. Эта узкая периодизация исключает возможность проследить идеологические и другие предпосылки террора и частые вооруженные противостояния между сторонниками и противниками революции в ее «мирный период», между взятием Бастилии 14 июля 1789 года и свержением монархии в августе 1792 г. Периодизация также исключает возможность исследовать продолжение террора после свержения якобинцев и вплоть до коронавания Наполеона Бонапарта императором в 1804 г. Некоторые историки теперь исследуют террор на всех этапах революции и признают, что революционные, антиреволюционные и контрреволюционные элементы использовали террор как метод расправы с действительными и мнимыми врагами [ср.: 10; 11].

Сколько жертв пало от террора якобинцев? Британский историк Ричард Дойл приводит следующую статистику: правительственные органы казнили 16 тысяч, главным образом при подавлении федералистских региональных восстаний. Еще 16 тысяч были убиты в неофициальных казнях. Комитеты и трибуналы заключали в тюрьмах 500 тысяч человек, из которых умерли 10 тысяч. Число вандейцев, убитых армией при подавлении восстания — 250 тысяч. Франция имела 28 миллионов жителей в 1789 году [10, p. 253–259]. Следует заметить, что якобинский террор сопровождался кампанией перестройки французской политической культуры и массовым движением дехристианизации (закрытие церквей, принуждение католических священников снять сан и признаться, что они обманывали народ) [11, p. 176].

Разные факторы влияют на сознание людей, когда речь идет о терроре и Французской революции. Чтение романа Чарльза Диккенса «История двух городов» и просмотр голливудских кинофильмов, вроде «Марии-Антуанетты» или «Алого Первоцвета», дают ужасающие и отвратительные во всем образы террора и революции.

Идеологические предрассудки историков тоже влияют на политику памяти о терроре. Советские историки признали Французскую революцию самой великой буржуазной революцией в европейской истории и согласились с тем, что во многом она предшествовала Октябрьской революции. Якобинский террор занимал особое место в советской историографии революции. Историки обычно прославляли решимость Робеспьера и других якобинцев в проведении политики террора против врагов революции, в том числе правых и левых оппонентов. Похвала якобинцам служила оправданием красного террора большевиков в 1918 году. Эта политика буржуазных репрессий на разных фронтах служила блестящим примером и оправданием большевикам в деле проведения пролетарского террора против своих врагов по всему политико-идеологическому спектру [12].

Распад Советского Союза тоже повлиял на политику памяти о Французской и о Русской революции. В современной России можно найти многие научные и популярные издания о Русской революции, демонизирующие социалистов, либералов и национальные меньшинства и идеализирующие царя Николая II, черносотенцев и белые армии. Антипатии к Русской революции легко проецируются на Французскую революцию. На Западе некоторые авторы стараются доказать, что ГУЛАГ явился закономерным результатом Французской революции [ср.: 13].

Разные подходы к памяти о терроре проявляются на дебатах историков о причинах террора. Многие историки поддерживают «тезис условий», утверждающий, что угрозы иностранного вторжения и внутренней контрреволюции принудили якобинцев в 1793–1794 гг. использовать террор, чтобы устрашать и уничтожить своих внутренних врагов. Американский историк Тимоти Тэкет пишет, что террор не был предопределен, а появился из условий революции [9, р. 37–38]. Заметим, что советские историки использовали сходный тезис о красном терроре и утверждали, что иностранная интервенция и внутренняя контрреволюция принудили большевиков проводить политику террора.

«Тезис условий», порождающих террор, дает некоторое оправдание якобинской политики. Совсем другое дело, когда некоторые историки утверждают, что не условия, а революционная идеология породила террор. Странники тезиса об идеологических предпосылках террора утверждают, что террор явился подразумеваемым (имплицитным) в «Декларации прав человека» и во всех событиях 1789 года [11, р. 175–176]. Этот тезис развенчивает основополагающий миф француз-

ской нации, потому что тезис предполагает, что революция явилась ошибочной с самого начала.

Можно взять элементы из двух тезисов, чтобы объяснить происхождение террора. Современные историки часто признают, что эмоции, как одержимость и истерия о внутренних врагах и контрреволюционных заговорах во всевозможных вариантах, особенно в первые годы революции, создали питательную среду для проведения террора. Также надо подчеркнуть роль нетолерантности сторонников революции к мнениям своих оппонентов как фактор в развитии террористического менталитета.

Уже в 1789 году сторонники перемен называли себя патриотами и клеймили своих оппонентов прозвищем «аристократы». «Патриоты» утверждали, что взгляды «аристократов» были основаны на невежестве. Клеймо невежества стало основным оправданием революционеров для осуждения взглядов противников. Преамбула к «Декларации прав человека и гражданина» провозгласила следующее: «Невежество, пренебрежение или презрение к правам человека — это единственная причина общественных бедствий и коррупции правительств» [2]. Первая конституция 3 сентября 1791 г. в преамбуле провозгласила: «Национальная Ассамблея <...> отменяет бесповоротно институты, которые были вредными по отношению к свободе и равноправию» [14]. Это значило, что все атрибуты прежнего государственного и общественного строя были недостойными сохранения, потому что они были основаны на невежестве, тирании и привилегиях.

При грандиозной ломке всех дореволюционных институтов общество разделилось по политическим, социальным (сословно-классовым), религиозным, этническим и языковым, региональным, гендерным и другим направлениям. В самые первые дни революции ее сторонники ликовали от грандиозности перемен и верили, что наступил час всеобщего примирения, рождения нового народа и общества и конца проклятого старого строя. Ярость разгорелась среди прореволюционных элементов, когда они узнали, что многие люди не приняли великие перемены и выступали против них. Сторонники революции трактовали всякую критику и оппозицию проявлением аристократизма — менталитета враждебности к интересам нации. По представлениям «патриотов» «аристократы» выступали за сохранение устаревших и изживших себя привилегий. Аристократизм был способен обманывать людей всех слоев, пребывавших в плену невежества. Со временем революционеры развили обширный словарь оскорбительных выражений для сторонников аристократизма: «бывшие» (*ci-devants*), «фанатики», «старый режим» (*l'ancien régime*), «эгоисты». Гидра аристократизма

имела такие варианты, как «умеренность», «федерализм» или «анархия» [4, с. 20–21].

Почему страх прореволюционных, антиреволюционных и контрреволюционных элементов перед действительными и, чаще, мнимыми врагами принял такой масштаб на всех этапах Французской революции и, наконец, воплотился в политике террора и в желании и готовности всех сторон уничтожить своих врагов? Предполагается, что эсхатологические мотивы демонизации внешних и особенно внутренних врагов мощно влияли на сознание французских революционеров и их оппонентов. Эсхатология — учение о предстоящем конце старого мира и рождении нового порядка. Французская революция породила явление политической эсхатологии. Конечно, эсхатология имеет религиозные корни, но это учение адаптировалось ко всем политическим идеологиям, начиная с эпохи Французской революции и до сегодняшних дней [4, с. 21–22].

Все эти факторы создали питательную среду для террора и массового насилия на всех этапах Французской революции. На протяжении более 200 лет террор является самым болезненным вопросом в истории Французской революции. Историки по-прежнему признают Французскую революцию поворотным моментом в европейской и мировой истории. Однако требуется еще кропотливое исследование всех предпосылок того массового менталитета, порождавшего разновидности террора на всех этапах революции.

Литература

1. Texte intégral de la Constitution du 4 octobre 1958 en vigueur. URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/le-bloc-de-constitutionnalite/texte-integral-de-la-constitution-du-4-octobre-1958-en-vigueur>

2. Declaration of the Rights of Man [Декларация прав человека], 26 августа 1789 года. (На английском языке). URL: http://avalon.law.yale.edu/18th_century/rightsof.asp

3. Secher R. A French Genocide: the Vendée. Notre Dame, Ind., 2003.

4. Рокки Т. Революция справа: Российское черносотенство и его место в истории общеевропейских крайне правых партий и движений. Ч. I–II. Черносотенное понятие русскости в общеевропейском контексте истории национализма и консолидации наций. Французская революция и рождение политической нации и политической эсхатологии // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. №4–2. С. 13–34. URL: <https://www.hist-edu.ru/hist/article/view/3096/2940>

5. McPhee P. Rethinking the French Revolution and the “Global Crisis” of the Late-Eighteenth Century. News and Papers from the George Rude

Seminar. French History and Civilization. Vol. 6. 2015. P. 56–64. URL: <https://h-france.net/rude/wp-content/uploads/2017/08/McPheeVol6.pdf>

6. Andress D. The Terror: Civil War in the French Revolution. L., 2005.

7. McPhee P. Liberty or Death: the French Revolution. New Haven, Ct., 2016.

8. Schama S. Citizens: A Chronicle of the French Revolution. N.Y., 1989.

9. Tackett T. The Coming of the Terror in the French Revolution. Cambridge, Mass., 2015.

10. Doyle W. The Oxford History of the French Revolution. 2nd ed. Oxford; N.Y., 2002.

11. Sutherland D.M.G. The French Revolution and Empire: The Quest for a Civic Order. Malden; Oxford, 2003.

12. Рокки Т. Террор во Французской революции: аберрация или закономерность? Ч. I. 18 июля 2017. URL: <http://www.iarex.ru/articles/54226.html>

13. The Black Book of Communism: Crimes, Terror, Repression / Transl. from the French by J. Murphy and M. Kramer. Cambridge, 1999.

14. Constitution de 1791. URL: <http://www.conseil-constitutionnel.fr/conseil-constitutionnel/francais/la-constitution/les-constitutions-de-la-france/constitution-de-1791.5082.html>

В.А. Смирнова
***История отечественной медицины:
историческая память о зарубежном влиянии***

До октябрьского переворота 1917 года российская медицина развивалась под сильным влиянием из-за рубежа. Это упоминается, однако не всегда акцентируется в российской историографии и учебниках по истории медицины, что ведет к недооценке международного фактора в развитии медицины России. В настоящей работе мы предлагаем исторический обзор основных каналов и периодов международного влияния на развитие медицинских практики и науки в России.

В Древней Руси и позже таким каналом были переводные книги: анатомические сочинения «Шестоднев Иоанна Болгарского» (1263), «Шестоднев» грека Писиды (1385) [1, с. 22–36], сборники монаха Ефросина (конец XV в.) включая «Галиново на Ипократата» (Комментарии Галена к сочинениям Гиппократата), многочисленные «Зельники» и «Лечебники», первая медицинская энциклопедия «Вертоград» переведенная с немецкого в 1534 году [2, с. 127].

Издравле важнейшим каналом взаимодействия были люди, обладавшие медицинскими знаниями: в источниках упоминаются врач кн. Владимира половчанин Иоанн Смер (987–990), некий врач армянин и врач Петр Сириянин (XI в.) [3].

В Русском государстве международное сотрудничество в сфере медицины из стихийного становится элементом государственной политики. В 1534 году посланец великого князя Василия III завербовал на русскую службу в Западной Европе четырех докторов, четырех аптекарей, восьмерых цирюльников (кровопусков) и восьмерых подлекарей, однако их не выпустили в Россию. Василию III удалось рекрутировать греческого врача по имени Марко, Феофила из Любека и Николая Булева также родом из Любека, выпускника университета в Падуе.

Политика рекрутирования зарубежных врачей продолжилась при следующих правителях России. Это были врачи из стран Западной Европы: англичанин Роберт Якоби, голландец Болдуин, итальянец Павел Миланский, немцы Давид Фасмар и Генрих Шредер [4, с. 9–30]. Все эти специалисты были выпускниками европейских университетов. При дворе и в армии также работали иноземные хирурги [5, с. 15].

В XVII веке делаются первые шаги в направлении международно-го сотрудничества в сфере высшего медицинского образования: 8 русских врачей получили медицинское образование за рубежом до конца XVIII века [5, с. 24]. То есть до конца XVII века врачами с университетским образованием были преимущественно иностранцы (в 1654 году при Аптекарском приказе была создана первая российская медицинская школа, однако она просуществовала недолго).

Иностранцы из Польши, Англии, Нидерландов и немецких княжеств [6, с. 6] составляли большинство врачей в России и в начале XVIII века. Во время правления Петра I порядка 150 врачей были приглашены в Россию [7, с. 78].

В XVIII веке сотрудничество с Европой интенсифицировалось. Россия колоссально отставала от Западной Европы с точки зрения развития медицинского образования. Первая медицинская школа в ней была создана в 1654 году [8, с. 720] и просуществовала лишь до конца XVII века (Для сравнения, первая медицинская школа в Европе была открыта в итальянском Салерно в IX веке, в XII–XIII веках университеты с медицинскими факультетами появились в Италии и Англии). Петр I, с его амбициозными внешнеполитическими планами, понимал необходимость строительства медицинских учреждений для эффективного функционирования армии и флота и оказался готов вкладывать в их строительство немалые средства. Понимал он и необходимость формирования национальных врачебных кадров.

Для решения этих задач по проекту голландского врача Н. Бидлоо в 1707 году в Москве построили первый госпиталь (по образцу Гринвинского морского госпиталя в Англии), в котором по его же предложению начала функционировать госпитальная школа, обучавшая врачей [9, с. 13–14]. Интересно, что, с одной стороны, многие преподаватели этой медицинской школы были иностранцами (голландцы, шведы). С другой стороны, сохранились сведения, что иностранцы критиковали Бидлоо за то, что он создает кадровый потенциал, который составит конкуренцию иностранным специалистам [1, с. 108]. Учебники, по которым учились будущие лекари, также были зарубежными — голландскими, французскими, немецкими.

Западные веяния воздействовали и на **организацию здравоохранения**. В XVIII веке некоторые русские цари имели значительные знания об устройстве жизни в Западной Европе, и этот опыт оказывал влияние на то, как они решали вопросы, относящиеся к здоровью населения в России. К примеру, уроженец Голштинии царь Петр III приказал не отправлять людей с душевными болезнями в монастыри, но построить для их содержания доллгауз — «нарочитый дом, как то обыкновенно и в иностранных государствах» [10]. В XVIII веке иностранцы возглавляли государственный орган управления здравоохранением Медицинскую коллегия/канцелярию: саксонец по происхождению И. Блюментрост (1721–1730), пруссак И.Х. Ригер (1732–1734), И.Б. Фишер из Любека (1735–1741), И.Г. Лесток, имевший немецко-французские корни (1741–1748), голландец Г. Бургав-Каау (1748–1752), грек по происхождению П.З. Кондоиди, получивший образование в Голландии (1754–1760), англичанин Я. Монси (1762–1763) [11, с. 14].

Сотрудничество осуществлялось и в сфере **торговли медикаментами и медицинскими инструментами**. Россия ввозила лекарства из Голландии, Англии, Восточной Азии и даже Америки (хинин) [6, с. 2]. Во время европейского турне Петра I целый корабль нагрузили медикаментами и инструментами в Копенгагене [12, р. 303].

К XIX веку в России хотя и сохранялось присутствие значительного числа медиков-иностранцев, было подготовлено значительное количество национальных медицинских кадров, которые не только лечили пациентов, но и сами преподавали на медицинских факультетах вузов и проводили научные исследования. В то же время значительное число тех, кто продвигал медицинскую науку и практику вперед, имели опыт обучения как в российских, так и в **зарубежных медицинских университетах, клиниках и лабораториях**. В представленной таблице собраны сведения лишь о самых выдающихся медиках XIX века, список далеко неполный.

Таблица. Зарубежные стажировки выдающихся врачей XIX века

Имя врача, его достижения	Российский вуз	Зарубежные вузы, клиники, лаборатории
Н. Пирогов (1810–1881), анатом, хирург, основатель школы российской анестезии и военно-полевой хирургии	Московский университет	Дерптский* и Берлинский университеты
Г. Сокольский (1807–1886), терапевт, один из основателей учения о ревматизме	Московский университет	Берлин, Вена
А. Филомафитский (1807–1849), один из основоположников экспериментальной физиологии в России	Харьковский университет	Дерптский и Берлинский университеты
М. Мудров (1776–1831), один из основателей русской терапевтической школы	Московский университет	Берлин, Гамбург, Геттинген, Вена
А. Китер (1813–1879), основоположник российской хирургической гинекологии	Дерптский университет	Париж, Берлин и Вена
В. Басов (1812–1880), хирург	Московский университет	три года за границей
Ф. Иноземцев (1802–1869), хирург, профессор Московского университета, впервые в России применил эфирный наркоз	Харьковский университет	клиники Франции, Германии и Италии

* В 1830-х гг. преподавание в Дерпте велось балтийскими и германскими немцами.

Имя врача, его достижения	Российский вуз	Зарубежные вузы, клиники, лаборатории
А. Поль (1794–1864), профессор хирургии, один из самых успешных хирургов Москвы	Петербургская медико-хирургическая академия	клиники Вены, Берлина, Парижа, Лондона
И. Балинский (1827–1902), один из основоположников психиатрии в России	Петербургская медико-хирургическая академия	больницы для душевнобольных в Германии, Голландии, Бельгии, Англии и Франции
А. Полуин (1820–1888), декан медицинского факультета Московского университета	Московский университет	Берлин, Вена, Париж, Гиссен и Лондон
С. Боткин (1832–1889), выдающийся клиницист	Московский университет	Кёнигсберг, Вюрцбург, Берлин, Вена, Париж
И. Сеченов (1829–1905), физиолог, профессор Московского университета	Московский университет	Берлин, Вена, Гейдельберг
В. Бехтерев (1857–1927), выдающийся психиатр	Петербургская медико-хирургическая академия	Лейпциг, Париж, Мюнхен, Вена
И. Павлов (1849–1936), физиолог, создатель науки о ВНД, лауреат Нобелевской премии	Петербургская военно-медицинская академия	Бреслау, Лейпциг
И. Мечников (1845–1916), микробиолог, лауреат Нобелевской премии	Харьковский университет	Берлин, Париж

То внимание, которое российское образование XIX века уделяло изучению иностранных языков, делало поездки за рубеж, чтение зарубежных учебников, периодических медицинских изданий довольно массовым явлением. Благодаря связям российских ученых с зарубежными коллегами и учреждениями, в Россию быстро проникли практики наркоза во время операций, знания об антисептиках.

Таким образом, состояние медицины в России на протяжении ее развития до 1917 года испытало на себе значительное воздействие из-за рубежа, в первую очередь со стороны Западной Европы. Основными каналами влияния были медицинская литература, иностранные врачи и администраторы медицины, организация медицинской помощи в странах Западной Европы как модель для создания аналогичных институтов в России, стажировки российских врачей в зарубежных клиниках, университетах и лабораториях. XVIII век стал периодом доминирования зарубежных врачей в медицинском образовании, управлении медициной и практике оказания помощи высшим слоям российского общества, армии. В XIX веке сотрудничество с Западной Европой в сфере медицины осуществлялось в первую очередь посредством обучения и стажировок российских медиков в западных медицинских учреждениях, участники которых внесли наиболее выдающийся вклад в развитие медицинской науки и практики.

Литература

1. Богдавленский Н.А. Отечественная анатомия и физиология в далеком прошлом. Л., 1970.
2. Складорова Е.К., Жаров Л.В., Дергоусова Т.Г. История фармации: Учебное пособие. М., 2015.
3. Змеев Л.Ф. Чтения по врачебной истории России. СПб., 1896.
4. Мирский М.Б. Медицина России XVI–XIX веков. М., 1996.
5. Гладких П.Ф. Базовый курс лекций по истории отечественной военной медицины. СПб., 2008–2009. Кн. I. Ч. I.
6. Griffin C. Russia and the Medical Drug Trade in the Seventeenth Century // *Social History of Medicine*. 2018. Vol. 31. №1. P.2–23. DOI: 10.1093/shm/hkw106
7. Мирский М.Б. Очерки истории медицины в России XVI–XVIII вв. Владикавказ, 1995.
8. Горелова Л.Е. Первая медицинская школа России // *Русский медицинский журнал*. 2001. №16. URL: https://www.rmj.ru/articles/istoriya_meditsiny/Pervaya_medicinskaya_shkola_Rossii
9. Гусаков Н.И. Развитие медицины в России. М., 1993.
10. Каннабих Ю.В. История психиатрии. Л., 1928. URL: <http://psylib.org.ua/books/kanny01/txt23.htm>
11. История здравоохранения дореволюционной России. Под ред. Р.У. Хабриева. М., 2014.
12. Ivan the Terrible to Peter the Great: the British Formative Influence on Russia's Medico-Apothecary System // *Medical History*. 1983. Vol. 27.

А.М. Харитонов
Современная геополитическая идеология
против средневековой географической реальности
(Древняя Русь и ее соседи на современной
географической карте)

Каждый народ вправе гордиться своей историей, какой бы «варварской» ни была эта история с точки зрения его соседей. Но эту самую историю создаем и переписываем мы сами, а потому зачастую склонны выпячивать то, что мы считаем в ней лучшим и помалкивать в описании исторических деталей о тех вещах, которые не хотели бы выставлять сегодня на всеобщее обозрение.

Но если современные итальянцы и греки могут хотя бы похвастаться историей своих предшественников — римлян и древних греков, то как быть тем народам, имена предков которых в письменной истории по тем или иным причинам остались незамеченными? Можно, конечно, придумать своему народу соответствующую родословную, опираясь на свои «научные» догадки в свете своих геополитических амбиций, но это чревато весьма серьезными последствиями для науки, если выдумка рассыплется по каким-либо причинам.

Но поставим своей исторической задачей попытку разобраться в географических хитросплетениях современной исторической науки, хотя бы в отношении территории Древней Руси и ее соседей. Мы сравним положение Руси с пределами географических знаний средневековой географической науки, проведем географическую экспертизу в исторической географии и сделаем соответствующие выводы.

Вот, для примера, положение в современной системе наук самой исторической географии. Географическая наука считает ее вполне самостоятельной географической дисциплиной на стыке истории и географии, тогда как историки отводят ей место вспомогательной исторической дисциплины, подобно эпиграфике, геральдике и другим столь же значимым историческим дисциплинам [1].

Парадокс? Похоже, не совсем парадокс, а нечто большее, прикрывающее в том числе и огрехи той самой выдуманной зарубежными и отечественными историками истории и географии Древней Руси и окружающих ее земель.

Действительно, с чего надо начать изучение древней истории Российского государства в раннем Средневековье? Прежде всего, с его места на современной карте. Для этого требуется хотя бы заглянуть в географические источники выбранной эпохи и сравнить их общегеографические положения с современными представлениями для большей наглядности.

Но если сделать это с общегеографических позиций Средних веков, как автор данной работы (профессиональный географ), то выясняется престранная вещь: большая часть территории Древней Руси, которую предлагают нам современные исторические карты, за исключением нескольких небольших анклавов в Причерноморье, для данной эпохи является... «белым географическим пятном».

Ведь даже наиболее передовая для этого времени арабская география знает только, что территории севернее реки Дон являются «незаселенными пустынями севера» [2, с. 125]. Эти знания арабская школа географии переняла еще из сведений античной эпохи. Географическая наука последней считала необитаемым, помимо холодного климатического пояса, также и жаркий [3, с. 493–494]. Арабские путешественники выявили ошибочность в представлениях о незаселенности экваториального пояса, но относительно холодного пояса продолжали придерживаться традиционных географических взглядов.

Кстати, на географических картах европейских ученых территория центра и севера Русской равнины появляется не ранее середины XV века. Да и общегеографические карты «хорошо известной Скандинавии» ранее 1424 г. (по другим данным 1427 г.) также не известны [см. 4]. И дело отнюдь не в том, что они не сохранились. Их просто не было и быть не могло, по мнению автора данных строк!

Но где же тогда размещалась территория известной арабам и европейцам Руси? Почему позднейший географический документ, известный как «Список русских городов дальних и ближних» [5] относит к ней болгарские и валахские города? На этот вопрос у историков нет адекватного ответа.

Как ни странно, но частично подобный ответ может дать одна из позднейших летописей, о которой мы поговорим чуть ниже. Обычно историки не принимают их во внимание, так как они зачастую противоречат принятым в их среде знаниям, и зря. Ведь необходимость в упоминании перемены местонахождения древних топонимов возникает как раз только в более поздние времена. Действительно, зачем писать то, что и так каждому образованному человеку известно, да еще тратить на это драгоценный пергамент?

Таким образом, историческая память изменчива и вовсе не есть нечто застывшее! Вот только историки об этом как-то не задумываются. Сказывается практика изучения истории по отдельным кусочкам территорий и времени, тогда как исторические эпохи в целом зачастую остаются за пределами понимания историка.

Достаточно сопоставить сведения историков и востоковедов по географии Древней Руси между собой, как выясняется, что они вообще плохо согласованы друг с другом. Складывается впечатление, что в

арабских и европейских сочинениях речь идет о разных частях Древней Руси, а не о едином государстве (см. [6, 7] и др.). И это при том, что география всегда считалась единой наукой!

Вот, например, еще дореволюционные астрономы заметили, что астрономические затмения, которые описывает «Повесть временных лет» для Киева, не наблюдались на территории современной столицы Украины в приведенные года. Этот факт очень любят выставлять на показ сторонники «новой хронологии».

Но никто из историков и астрономов с математиками даже подумать не посмел, чтобы попытаться вычислить иное место нахождения летописного Киева по приведенным «Повестью» данным. Инерция традиционного исторического мышления такова, что список затмений сочли заимствованным и переписанным из византийских сочинений, благо подобные примеры заимствования найти в русских летописях не так уж и сложно. И где же тогда комплексный подход в научном исследовании? А не мог ли список затмений переключаться в отечественные источники из какого-нибудь сочинения ссыльного из Византии? Ведь ссылали их частенько в Херсонес, который был не так далеко от русских границ.

Попробуем воспользоваться нашими догадками для сопоставления трех частей Руси по арабским сочинениям с современными географическими объектами. Итак, что такое Куява, Арта и Славия, если искать их в области Причерноморья, единственной известной географии Средних веков?

Современные историки сходятся во мнении, что Куява — Киев. Это, пожалуй, единственное, в чем они солидарны. По другим частям Древней Руси мнения тех же историков сильно расходятся.

Мы же обратили внимание на сходство Арты со скандинавским названием Руси Гарды и тюркским Орда. Но было ли данное название известно арабам? Похоже, что да [см. 8 и др.]. Ведь стоит только иначе перевести скандинавское Хольмгард как «остров Гарды», где Гарды — Русь, а «хольм» — «остров», и перед нами предстанет «остров русов» арабской географии. Та же смысловая нагрузка и у скандинавского топонима-полукальки Острогард (остро[в] Руси).

Но что тогда Славия? Один из наших коллег обратил наше внимание на наличие неких Славий (Склавиний) на территории Балканского полуострова в Средние века. Самой крупной из них была Дунайская Болгария, столицей которой одно время был город Преслав. Кстати, город Переяславль на место Славии историками предлагался. Наше толкование Славии как Дунайской Болгарии позволяет как раз объяснить данные отечественного географического источника, отнесшего болгарские города к территории Руси.

Вот только Киев у нас получается вовсе не на месте современной столицы Украины. Он слишком далек от Причерноморья по меркам Средних веков. И эти наши выводы, похоже, подкрепляют данные хроники Литовской и Жмойтской под 1272 годом про «...русских княжат, которых панство было от мора Каспийского або Перского, котрого зовут Фалимским, ажъ до мора Черного, Турецкого...» [9, с. 23].

Но где тогда на Руси норманны («северные люди»)? А давайте переведем этот этноним с германского обратно на русское наречие. Получаем... северяне. А где жили летописные северяне? На притоках Дона и нижнем Дунае по отечественным источникам, но там же, в Скифии помещают их и европейские сочинения (исторические и легендарные)! Вот только потомки норманнов, за исключением разве что Тура Хейердала, это напрочь отрицают! Где же их историческая память? Ведь норманны (северяне) сыграли выдающуюся роль в образовании Болгарии на Дунае, а если она была частью Руси, то в причастности норманнов к судьбе России норманизм даже частично прав.

Но где тогда жили варяги? Арабский географ ал Хараки называл Варяжским морем акваторию... Азовского моря [6, с. 23]. На схожесть описания народов Балтийского моря и Меотиды в географических сочинениях европейцев в Средние века обратил внимание и отечественный историк А.Г. Кузьмин, но он так и не рискнул попытаться убрать варягов с современного южнобалтийского побережья. В таком случае, известный со средневековых карт в Крыму, Варанголимен следует также считать Азовским морем.

Но как в Причерноморье оказались готы с Готланда и Вислы? А с Вислы ли? Ведь затонувший остров гетов (тирагетов) известен античной географии в низовьях реки Тирас (современный Днестр). Вот и вернулись геты-готы на... Дунай (Истр — Танаквисль — Вистула — Висла). А перенос топонимов с места на место — обычное явление в исторической географии [см. 10].

Но как норманны попали в Западную Европу? Вверх по Дунаю. Это значительно легче, чем плыть по бурному морю. К тому же с верховьев Дуная можно попасть в Рейн (см.: [11]) и другие реки, используя переволоки.

Таким образом, средневековые общегеографические представления о Руси и ее ближайшем окружении явно не стыкуются с современными историческими картами историков. Этого достаточно, чтобы географическая экспертиза поставила под сомнение едва ли не все исторические сочинения норманизма и антинорманизма на географические темы в отечественной истории. Но будут ли приняты наши взгляды историками во внимание? Время покажет.

Литература

1. Харитонов А.М. Глобальные проблемы исторической географии и ее место в системе социально-политических наук // Социально-экономическая география: теория, методология и практика преподавания. М., 2014. С. 199–203.
2. Галкина Е.С. Тайны Русского каганата. М., 2002.
3. Аристотель. Сочинения. В 4-х т. Т. 3 / Пер., вступ. ст. и примеч. И.Д. Рожанского. М., 1981.
4. Багров Л.С. История картографии. М., 2004.
5. Тихомиров М.Н. Список русских городов дальних и ближних // Исторические записки. 1952. Т. 40. С. 214–259.
6. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. III. Восточные источники. М., 2009.
7. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. V. Древнескандинавские источники. М., 2009.
8. Харитонов А.М. Скандинавское название Руси на карте Махмуда Кашгари и в арабских географических источниках // IV Международная научно-практическая конференция «Природное и культурное наследие: междисциплинарные исследования, сохранение и развитие». СПб., 2015. С. 452–456.
9. Полное собрание русских летописей. Т. 32. Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного. М., 1975.
10. Курбатов В.А. Славянские континенты: пути расселения наших предков (V–XIX вв.). М., 2005.
11. Шарый А.В. Дунай: река империй. М., 2015.

Обсуждение в Интернете

Аноним

20 июня 2019 в 13:11

А что же тогда было на месте современного Киева?

Аноним (по-видимому, автор доклада — прим. ред.)

24 июня 2019 в 8:37

Скорее всего, другое поселение, но с тем же именем Киев.

Ведь топонимов с основой Киев и на современной карте предостаточно, да еще не все из них сохранились.

А.В. Щелеткова
Оценки Великой французской революции
в отечественной историографии ХХ–ХХІ вв.

Российско-французские отношения представляют собой значительный интерес для историков. Великая французская революция повлияла не только на саму Францию, но и на всю Европу, она задела и русско-французские отношения, способствовав их охлаждению, после чего страны из союзников превратились во врагов.

Актуальность данной темы обусловлена в первую очередь тем, что в настоящее время существует недостаточное количество исследований на тему русско-французских отношений, некоторые источники были переведены или истолкованы неправильно, какие-то документы так и не были найдены. К тому же, мало историков занимались именно исследованием оценок революции в российской историографии, большинство ученых изучают сам процесс и его влияние на Европу и мир. Во-вторых, имеется точка зрения, согласно которой Великая французская революция и Октябрьская революция связаны. В-третьих, в ХХ веке многие исследования и работы были политизированы, чтобы вместе с предоставлением информации о таких значимых событиях, как революция, можно было и формировать идеологическую базу среди населения. И наконец, данная тема будет интересна всем, кто занимается историей российско-французской дипломатии или Великой французской революцией.

Существует несколько точек зрения по поводу продолжительности Великой французской революции. Одни историки говорят, что она длилась с 1789 по 1799 гг., другие утверждают, что с 1789 по 1794 гг. Мы придерживаемся второй точки зрения, поскольку в 1794 году закончились основные революционные действия, а после Термидорианского переворота установилась относительно стабильная директория, состоявшая из пяти представителей. И, несмотря на то что в 1799 году был совершен переворот 18 брюмера, данный переворот был совершен не народом, а узким кругом людей. Более того, переворот 18 брюмера не способствовал столь кардинальной смене политической и социальной обстановки в стране, поэтому мы остановимся на том, что Великая французская революция длилась с 1789 по 1794 гг.

Поскольку мы рассматриваем только российскую оценку революции, то будем брать только работы отечественных историков. Среди них можно назвать работы «Русское общество и французская революция» Михаила Михайловича Штранге, лекции по истории французской революции Владимира Ивановича Герье, а также «Первое русское исследование французской революции XVIII в.» Бориса Георгиевича

Вебера. Большой вклад в изучение оценки Великой французской революции также внесли Анатолий Васильевич Адо, Людмила Александровна Пименова и Александр Викторович Чудинов.

Изучая данную тему, мы бы хотели поставить следующую цель: проследить динамику образа французской революции в отечественной историографии XX–XXI веков и выявить причины этой динамики. В связи с поставленной целью можно выделить несколько задач: проанализировать описание Великой французской революции в историографии XX века, выявить, как и почему изменилась оценка революции в XXI веке и сделать вывод, определяющий факторы изменения оценки французской революции.

В исследовании использовались такие методы, как анализ источников и литературы, интерпретация фактов, сравнительно-исторический метод, а также составление умозаключений на основе изученной информации.

В XX веке в связи с многочисленными попытками смены власти сформировалось несколько точек зрения на Великую французскую революцию, которые напрямую зависели от того, в чьих руках находилась власть. Мы можем уже сейчас сделать вывод, что раз оценка зависит от правящих кругов, то и говорить о высоком уровне объективности не приходится, сами факты менялись ради того, чтобы встроить это важное для мировой истории событие в идеологическую программу России и СССР. Во время правления Николая II к французской революции относились так же, как во времена Екатерины II: негативно и с точки зрения консерватизма. Ярким представителем историков начала XX века стал российский ученый В.И. Герье, который оценивал революцию с точки зрения собственных политических взглядов: «Герье первым из русских либералов начал конкретную разработку характерного для тогдашнего русского либерализма противопоставления неревolutionонного якобы пути России revolutionонному пути Франции» [1, с. 645]. В частности, описывая революцию, он заострял внимание на критике якобинского террора и обвинении монарха в неспособности удержать власть. Однако историк не остановился только на политических событиях революции, он, как и его авторитет, французский историк XIX века И. Тэн, желал объять и социальную сторону произошедших событий: «что недоставало до него [до Тэна] — то была внутренняя, социальная история Франции во время революции» [2, с. 32]. Рассматривая взгляды просветителей, Герье перекладывает вину за начало революции на них. Историк утверждает, что непонимание народом посыла, содержащегося в мыслях и идеях просветителей, и привело к началу революции во Франции. В отличие от Руссо, Герье

считает, что нужно «дать массе как можно больше знаний, свободы, но не власти» [2, с. 34]. Подводя итоги взглядам Герье, можно отметить, что он не рассматривал революцию как способ решения внутригосударственных проблем, особенно если у программы революции недоставало теории, связанной с реальным положением дел в стране и мире. Однако Герье был подвержен целому ряду факторов, формировавших его негативное отношение к революции: он в своих исследованиях опирался не только на источники, но и на работы С.М. Соловьева, Г. Зибея, А. Токвиля, И. Тэна, являвшихся консерваторами.

После Октябрьской революции, которую многие историки связывают и сравнивают с французской, отношение общества к революции резко сменилось. Такие ученые-историки, как Е.В. Тарле и А.З. Манфред, рассматривали ее с марксистско-ленинской точки зрения, уделяя внимание причинам и ходу событий. В советских школах во время изучения революции детям прививалась и определенная идеология. По этой причине «Французская революция служила дополнительным доказательством обоснованности и исторической неизбежности революции Октябрьской» [3, с. 144]. К тому же, в связи с проводимой политикой ликвидации безграмотности предполагалось, что количество учащихся резко возрастет, а значит, советская идеология, просматривающаяся в некоторых исторических событиях, сможет влиться в учебную программу без особых затруднений.

Однако мы не можем с полной уверенностью сказать, что оценка революции 1789 года была положительной. В конечном итоге, французская революция была не социалистической, а буржуазной. При создании новой системы пособий по всемирной истории, Сталин подчеркнул, что «основой учебника должна быть именно эта идея противоположности между революцией буржуазной и социалистической» [3, с. 147]. Примерно в 1940-х годах понижается значимость французской революции. Поскольку советские учебники начинались с английской революции, ставшей «на первое место», революцию 1789 года фактически отодвинули на второй план, и она перестала быть равной Октябрьской революции 1917 года.

Что касается самой подачи событий о революции во Франции, мы можем отметить, что в советском обществе говорилось о том, что целью революции во Франции стало уничтожение феодально-абсолютистского строя и переход к капитализму. Но после этого обязательно следовало напоминание о том, что капитализм изжил себя и «только в стране победившего социализма производительные силы получают полную возможность для своего роста» [3, с. 150]. В целом события революции освещались с точки зрения революционности

масс, контрреволюционной деятельности отдельных групп населения, интервенции других стран и установления блокады, что наводило население на мысль о преемственности Октябрьской революции.

В итоге можно сказать, что в советский период главной идеей было показать различия между капитализмом и коммунизмом. Оправдывая проведение революции, ученые подчеркивали, что буржуазная революция — это простая смена власти, эксплуатирующей народ, социалистическая же революция предполагает полное освобождение населения и создание государства нового типа. Конечно, мы не можем говорить об объективности данных трудов, поскольку они являются глубоко идеологизированными и политизированными. Более того, общественное мнение активно изменялось под влиянием учебников по истории, при наличии жесткой цензуры и политизированности газет, журналов и изданий на историческую тематику.

В годы перестройки исполнилась двухсотлетняя годовщина французской революции. Произошел своеобразный «демонтаж» идей советских ученых о Великой французской революции. В этот период в ее оценке отходят от преемственности ее с Октябрьской и начинают говорить о том, что она способствовала зарождению революции в России, но не являлась ее прямой прародительницей. Действия якобинцев, осуществлявших политику террора в XVIII веке, теперь стали сравнивать со сталинскими репрессиями 1930-х годов. В целом можно отметить, что уже в 1980-е гг. революция во Франции стала восприниматься с нейтральной оценкой как неизбежное событие, которое значительно повлияло на историю Франции и Европы. Октябрьская революция стала такой же частью истории для России, какой революция 1789 года стала для Франции, а именно событием, предопределенным историей.

Поскольку в XXI веке основной задачей ученых все чаще провозглашается передача объективной информации, без цели навязывания идеологии или отрицания действительности, мы можем наблюдать, пожалуй, наиболее объективную оценку событий Великой французской революции и ее влияния на историю Европы и мира. Стали известны новые факты, появились новые материалы, были уточнены переводы текстов, в результате чего ученые приближаются ближе и ближе к реальному положению вещей во Франции конца XVIII века. Историки говорят, что революция кардинально изменила обстановку как во Франции, так и за ее пределами, не добавляя никакой негативной коннотации к самой революции, хотя некоторые исследователи при описании событий 1789–1799 гг. называют их «годами крови и гнева» [4, с. 15]. Современные историки-марксисты не отходят от идей, про-

возглашенных в XX веке. Они подчеркивают, что отличие французской революции от Октябрьской крайне велико, ведь последняя провозгласила «переход к такому общественному строю, где полностью уничтожены все и всякие формы эксплуатации человека человеком на основе частной собственности» [5]. На сегодняшний день ученые преимущественно рассматривают революционные события как большую трагедию в истории Франции, которой, однако, не удалось бы избежать; которая принесла народу Франции освобождение от гнета и способствовала распространению прогрессивных идей в мире. Добавим, что больше нет той цензуры и особой политической обстановки, которая запрещала бы объективно изложить факты о событиях, поэтому наряду с пересмотром литературы XX века проводится и поиск новых источников, и самостоятельные исследования в самой Франции, куда российские ученые в 1980-х годах получили доступ.

А.В. Гладышев придерживается точки зрения, согласно которой французская революция предстает перед нами как «явление «исторической памяти»» [4]. Люди, в XVIII веке создавшие себе образ французской революции как образца для подражания, и те, кто опасался ее с самого зарождения революционных событий, положили начало столетиям стереотипов о революции и о ее освещении в отечественной историографии, из-за чего одной из проблем современности является отделение объективных фактов и субъективных мнений и политизированных изданий. Проблематично при описании событий 1789–1799 годов говорить за весь русский народ или за все дворянство, ведь даже в одном сословии образ Великой французской революции был далеко не однородным.

В целом необходимо отметить, что постсоветская историография все еще находится в разработке. Такие ученые, как А.В. Адо, Л.А. Пименова, а также А.В. Чудинов, продолжают разрабатывать новые подходы и совершенствовать старые.

Итак, рассмотрев отношение к французской революции в отечественной историографии с XX по XXI век, мы можем прийти к выводу, что оно отличается крайней динамичностью и субъективностью. Ряд различных факторов, менявшихся с течением времени, влиял на ту или иную оценку революционных событий с 1789 по 1799 годы. Отметим, что в отечественной историографии вплоть до современности невозможно было получить абсолютно достоверного описания событий и оценки их влияния. Отвечая на поставленные вопросы, можем сказать, что за 230 лет с момента начала революции во Франции в России ее оценивали и как образец для подражания, и как историческую предшественницу, и как угрозу миропорядку. Во все времена оценка этих со-

бытий зависела от степени свободы слова и цензуры, от социального статуса исследователя или очевидца, от мировых событий, а также от наличия достоверных источников и уровня владения французским языком для перевода текстов. В начале XX века революция имела отрицательную оценку, после Октябрьской революции она приобрела характер образца для подражания и оправдания жестокости, к середине XX века французская революция отошла на второй план, к 80-м годам революция теряет ярко выраженную оценку в связи с распространявшимся плюрализмом мнений, и, наконец, в современности она становится доступной для объективного анализа.

На сегодняшний день все еще проводятся исследования этой темы, открываются новые факты и переводятся новые источники, а значит, оценка французской революции с течением времени становится все более объективной и точной.

Литература

1. Вебер Б.Г. Первое русское исследование французской революции XVIII в. // Из истории социально-политических идей. М., 1955.

2. Иванова Т.Н. Концепция Великой французской революции В.И. Герье в свете современных дискуссий отечественной историографии // «Запад-Восток». Научно-практический ежегодник. Йошкар-Ола, 2008.

3. Уланов Ф.И. Французская революция как зеркало Октябрьской: точки соприкосновения на страницах советских школьных учебников // История и современность. № 2. М., 2016.

4. Гладышев А.В. Французская революция: взгляд из XXI века // Вопросы истории. 2007. № 10.

5. Чудинов А.В. Французская революция: История и мифы. М., 2007.

O.A. Arshintseva

History, Political Values and US Foreign Policy: Peacemaking Diplomacy of President W. Wilson, 1918

History indelibly influences foreign policy. Consciously or unconsciously, government officials rely on their understanding of the past in seeking to address what is happening today; they seek to render new and complex issues more legible by drawing insights from what has come before. Nor is this necessarily a bad thing, because historical knowledge—when used properly—can have a highly constructive influence on policy. History can help American officials understand the countries and peoples with which they interact; it can provide perspective and analytical leverage on key problems; it can give statesmen access to the wisdom that their predecessors gained at considerable expense. One cannot make policy solely on the basis of histori-

cal knowledge, of course, but only a fool would ignore what history has to offer [1].

To understand the roots of history-policy relationship American researchers J. Suri and H. Brands formulate several basic propositions and the most importing of these are that (1) history is essential to understanding others and understanding ourselves, (2) history can be a source of strategic perspective and patience. In particular, history can help us better understand the nature of the people and societies with which we interact; it can also help us understand our own tendencies, and our own role in the world. If history can thus be indispensable to understanding others, it can be equally essential to understanding ourselves. As Walter R. Mead has written, grappling with the history of U.S. foreign policy can provide greater awareness of the enduring ideas and impulses — from Wilsonianism to the Jacksonian tradition—that have long shaped America’s interaction with the world, and that continue to inform American actions today [2].

It can make the scholars more aware of the critical role that the United States has played for the past several decades in building and upholding a liberal world order, and of the profound consequences that a departure from that traditional role might thus entail.

So, history, with its insights, analogies, and narratives, is central to the ways in which the United States interacts with the world. The researchers don’t doubt that the image the United States holds of itself must affect its role in foreign affairs. The actual issue is to investigate the sources of image formation and the ways to promote this image abroad. The United States is probably the only major country in the world in which it is taken quite as a matter of course that people will talk seriously about the relation of the nation’s values to its foreign policy.

Historically, Woodrow Wilson was the first American President to promote American world-wide leadership based on the traditional national values. After the War for Independence the national identity had been formulated in terms of political values as a concept of American exceptionalism. Stephen M. Walt, Harvard’ professor of international relations, points out that it’s not the same as saying the United States is “different” from other countries. It doesn’t just mean that the U.S. is “unique.” Countries, like people, are all different and unique, even if many share some underlying characteristics. Exceptionalism requires something far more: a belief that the U.S. follows a path of history different from the laws or norms that govern other countries. That’s the essence of American exceptionalism: The U.S. is not just a bigger and more powerful country — but an exception [3].

Over the XIX century of independent existence of their country, prominent Americans had described the United States as an “empire of liberty,” a

“shining city on a hill,” the “last best hope of Earth,” the “leader of the free world,” and the “indispensable nation”. Most statements of “American exceptionalism” presumed that America’s values, political system, and history are unique and worthy of universal admiration. Wilson shared this conscientious and was confident that the United States was both destined and entitled to play a distinct and positive role on the world stage.

To the beginning of the World War I there was strong isolationist tradition that shaped US foreign policy, therefore at the start of the war in Europe in 1914, the American government attempts to remain neutral in thought as well as action. In 1917–1918 Wilson broke the isolationist tradition and at the same time advocated the spread of American values, further emphasizing the importance of international cooperation. “What kind of the world order does the United States want?” — there was the key question to be answered by the peaceful settlement program of President Woodrow Wilson to the end of World War I. For the first time he had attempted to answer a year earlier. In President’s address to Congress in 1917 Wilson tried to outline America’s reasons for entering the First World War, what actions would be necessary and the motives for which the nation would fight. He tried to appeal to the Congresses sense of moral reason and to offer the nation the most acceptable ones.

In January 1918, Wilson put forward his famous Fourteen Points to achieve world peace in a speech on War Aims and Peace Terms. These points were in line with Wilson’s ideology on foreign policy. Addressing the public in his own country and abroad he said: “I believe that the people of the United States would wish me to respond, with utter simplicity and frankness. We entered this war because violations of right had occurred which touched us to the quick and made the life of our own people impossible unless they were corrected and the world secure once for all against their recurrence. What we demand in this war, therefore, is nothing peculiar to ourselves. It is that the world be made fit and safe to live in; and particularly that it be made safe for every peace-loving nation which, like our own, wishes to live its own life, determine its own institutions, be assured of justice and fair dealing by the other peoples of the world as against force and selfish aggression” [4].

The President urged the war was about liberty and democracy, he vowed it would be the last international war. Firstly, Wilson claimed that the war was to “make the world safe for democracy.” In his declaration of war speech Wilson declared that this conflict between Germany might be the last straw for not only Western diplomacy but for all of Western civilization, if we did not act. However, if Americans were willing to throw their weight into the war effort then they might be able to spread the ideals of life, liberty and the pursuit of happiness. Secondly Wilson urged this war to be our final interna-

tional conflict, in fact the final international conflict. He hoped that no longer would countries reach for their swords when they were out of words he declared that this was “the war to end all wars” and that Americans were to lead this great crusade of peace. Finally, Wilson set up the Committee of Public Information, the first United States executive established institution for the sole purpose of distributing propaganda. Wilson had wonderful ideas that would justify Americans as peacemakers and harbingers of democratic principles to free the oppressed.

President Wilson faced daunting challenges when negotiating at the Paris peace conference. Prior to America’s entry in the war, Wilson had called for a generous “peace without victory.” He hoped the victors would not punish the losers harshly. But leaders in Paris representing France, Britain and Italy demanded the spoils of victory. Their tough position was not surprising. European soldiers and sailors had been in the war much longer than U.S. forces and experienced much greater losses. Europe’s negotiators wanted territorial control, substantial monetary compensation, and acceptance of “war guilt clause” by Germany. Wilson reluctantly agreed to many of the allies’ terms. He placed hope for a better future in the work of a new organization, the League of Nations but failed to secure U.S. membership in the League of Nations. Wilson’s Democratic Party suffers lost in the November 1918 congressional elections and Wilson failed to get congressional approval of the final peace treaty or congressional support for a proposed League of Nations to prevent future wars. Was it Wilson’s personal responsibility or more deeply causes took place? Since he arrived at the peace talks with worldwide popularity, did Wilson fail to wield his influence effectively? Or, were the obstacles so daunting that just about any American president would find it nearly impossible to shape a long-lasting peace? Was it true that Europeans did not accept the Wilson’s proposals because they did not share American political values? Or they did not agree with US’ domination? These and other questions have not receive a final answer. The effectiveness of Wilson’s peacemaking policy remains a controversial problem as well as Wilsonian tradition a whole.

Henry Kissinger, the most famous of Wilson’s critics, argues that in US foreign policy along with the realistic school there was also an alternative American tradition, one rooted in the New World idealism of the founding fathers. This alternative found its modern embodiment in Woodrow Wilson, who after World War I declared that America was under a moral imperative to encourage self-determination and democracy for all peoples. In Kissinger’s vocabulary, Wilsonianism is the highest term of disapprobation, and his unqualified disdain for this doctrine resonates in the adjectives he applies to it: “messianic,” “missionary,” even “optimistic.” Wilsonian ideal-

ism might be valid if American values were universal, but to Kissinger, universal values are themselves a chimera. In practice, American values, democracy included, have proved irrelevant in many countries that have a history and culture of their own, and trying to impose them in order to cure ancient ills generally introduces far more destructive contemporary ills. Worse, moral imperatives inject a self-righteous humbug into international relations. In Wilsonian logic, enemies are not simply people defending their own national interest; they are immoral, and therefore fit to be destroyed unconditionally. What begins as morality can thus end in warmongering and imperialism by another name [5, p. 29–56].

Another critic, R. Toplin puts the blame to Wilson's diplomatic failures: he was ineffective in Paris in large part because he insisted on dominating U.S. negotiations. He aimed to wield extensive personal control over deliberations. Key European leaders found Wilson haughty, self-righteous, and egotistical. Eventually they out-maneuvered the over-burdened American president [6].

Trygve Throntveit in his "Power without Victory" (2017) does not agree with such estimates. He makes the case that Wilson was not a "Wilsonian," as that term has come to be understood, but a principled pragmatist in the tradition of William James. He did not seek to stamp American-style democracy on other peoples, but to enable the gradual development of a genuinely global system of governance that would maintain justice and facilitate peaceful change—a goal that, contrary to historical tradition, the American people embraced [7].

The recent discussions on Wilsonianism evidence of the broad prospects to study the complex relationship between the world of ideas and the worlds of policy and diplomacy.

Литература

1. Brands H., Suri J. History and Foreign Policy: Making the Relationship Work. URL: <https://www.fpri.org/article/2016/04/history-foreign-policy-making-relationship-work>

2. Mead W.R. Special Providence: American Foreign Policy and How It Changed the World. N.Y., 2001.

3. Walt St.M. The Myth of American Exceptionalism. URL: <https://foreignpolicy.com/2011/10/11/the-myth-of-american-exceptionalism>

4. President Wilson's Fourteen Points. Delivered in Joint Session, Jan. 8, 1918. URL: https://wwi.lib.byu.edu/index.php/President_Wilson%27s_Fourteen_Points

5. Kissinger H. Diplomacy. N.Y., 1994.

6. Toplin R. 100 Years Ago Woodrow Wilson Made Several Disastrous Decisions. URL: <http://historynewsnetwork.org/article/170412>

7. Trontveit Th. Power without Victory. Woodrow Wilson and the American Internationalist Experiment. Chicago, 2017.

3. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ И ИМИДЖЕВАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Д.В. Березняков, С.В. Козлов
**Символические ресурсы политики памяти
на постсоветском пространстве в условиях
«государственного строительства наоборот»**

Введение: политика памяти в логике государствоцентризма

Последние десятилетия характеризуются устойчивым интересом исследователей к дисциплине, получившей в социогуманитарном знании обозначение “*memory studies*”. Актуальным социально-политическим контекстом этого интереса является активизация политического использования прошлого, которое концептуализируется в таких понятиях как символическая политика, историческая политика, политика памяти, «войны памяти», публичная история и др. Отметим, что прошлое использовалось в политических целях и раньше, однако масштабные трансформации рубежа тысячелетий сделали усилия различных акторов по реконфигурации символического пространства видимыми для исследователей. Это связано с тем, что периоды политических кризисов и социальных потрясений можно рассматривать как своего рода лаборатории, которые сама история создает для ученых. Подобные периоды обладают уникальным свойством — социальная ткань обнажается и становится видимым то, что ранее было скрыто за завесой идеологических построений или выступало непроблематизируемым фоном общественных взаимодействий.

В этой перспективе распад Советского Союза и формирование постсоветских политий как раз и является благодатной средой для выявления основных *мнемонических акторов* (т.е. «политических сил, заинтересованных в особом понимании прошлого») [1, р. 4], особенностей нарративов, которые они конструируют, а также различных риторических стратегий и политических технологий их продвижения в современной высокомедиазированной публичной сфере.

Образование новых независимых государств на постсоветском пространстве поставило перед их политическими и интеллектуальными элитами задачу легитимации как самих этих государств, так и тех групп, которые оказались во главе этих новых политических образований. Формально-юридический характер обретения независимости, не сопровождавшейся ни массовой мобилизацией, ни тем более «национально-

освободительной борьбой» обусловил отсутствие всеобщего энтузиазма по поводу независимости и потребовал специальных усилий по символическому конструированию новых политических общностей. Одним из важнейших компонентов обретения легитимности должно было стать обеспечение исторического обоснования претензий новых государств на суверенитет. Властвующие элиты были заинтересованы в конструировании и трансляции «правильного» образа прошлого, который бы легитимировал их актуальный статус. Помимо этого, новым государствам, возникшим на обломках Советского Союза, требовалось конструирование национальной идентичности. Все это вызвало необходимость кардинальных изменений в осуществлении политики памяти.

Стоит подчеркнуть, что в реализации политики памяти, как деятельности, направленной на утверждение и легитимацию тех или иных представлений о коллективном прошлом, участвуют разные акторы, как государственные, так и негосударственные. Поскольку все они располагают разным объемом ресурсов (политических, административных, медийных и пр.), то доминирующую роль в этом процессе играют те группы, которые так или иначе оказываются связанными с государством и в той или иной форме обслуживают запросы властвующих элит.

При этом акцент на мнемонических акторах и их ресурсах демонстрирует тот факт, что само политическое конструирование прошлого происходит не в социальном вакууме, а погружено в актуальный институциональный контекст того или иного общества. Это обстоятельство увязывает символический и институциональный контекст государственного строительства. Конструируемые интеллектуалами нарративы ориентированы на интересы тех групп, которые контролируют ресурсы государственной власти.

Делая промежуточный вывод, можно сказать, что именно процессы государственного распада и строительства сформировали институциональную рамку политики памяти на постсоветском пространстве.

«Государственное строительство наоборот» как институциональная рамка постсоветских политик памяти

Институциональная динамика постсоветских трансформаций может быть концептуализирована в том числе посредством обращения к ресурсам исторической макросоциологии, которая накопила достаточный инструментарий для описания процессов государственного строительства и распада. Поэтому для описания совокупности постсоветских кейсов имеет смысл обратить внимание на модель объяснения динамики развития посткоммунистических государств, предложенную болгарским политологом Венелином Ганевым.

В своих построениях он опирался на военно-налоговую концепцию государственного строительства, разработанную Чарльзом Тилли применительно к европейским государствам Модерна [2]. Но если Ч. Тилли описывал процесс формирования государств через концентрацию элитами ресурсов в государстве, то В. Ганев переворачивает эту логику, называя этот методологический ход мысли «обратной перспективой Тилли» (*«a reversed Tillyan perspective»*) [3, p. 426].

Эта перспектива фиксирует иной вектор поведения групп, контролирующих ресурсы государственной власти в условиях краха коммунистической системы, который можно обозначить метафорой *«государственное строительство наоборот»*. В рамках своего подхода Ганев рассматривает период конца 1980-х — 90-х гг. как реализацию доминирующего проекта постсоветских элит, суть которого состояла в экстракции ресурсов из государства (*extraction from the state*), что, в конечном счете, привело к дезорганизации позднесоветских партийно-государственных институтов и их замене неопатримониальными и патронажными пирамидами [см. также: 4; 5]. Как пишет сам Ганев, «с точки зрения Тилли, элиты создают сеть институций для того, чтобы концентрировать ресурсы в казне, и вынуждены договариваться об условиях своих грабительских проектов с мобилизованными социальными группами. В результате этой деятельности возникают устойчивые государственные структуры. В посткоммунизме элиты выхолощивают существующие государственные структуры с целью извлечения ресурсов из государства; им не приходится считаться с социальными контрагентами и опасаться применения правил и условий, налагающих номинальные ограничения на их проекты. Результатом становится упадок государственных структур» [3, p. 452].

Иными словами, логика поведения постсоветских элит определялась наличием «советского наследия» государственности как совокупности различного типа ресурсов, которые предстояло изъять и национализировать и (или) приватизировать. Очевидно, что в подобной ситуации о государстве как метаинституте с обезличенной рациональной бюрократией речь идти не может. Соответственно вовлеченность элит, занятых экстракцией советского наследия, в политическое использование прошлого определялось ситуативными и прагматичными интересами легитимации *status quo*. Это также означает, что никакого проекта конструирования национальной идентичности, переведенного в совокупность реализуемых государственных инициатив, в этих условиях сформироваться не могло. Постсоветское государственное строительство началось не как долгосрочный проект, а как реакция на стремительный распад инфраструктурной власти СССР.

Символические ресурсы мнемонических акторов

Отсутствие у новых национальных (или национализирующихся позднесоветских) элит четких планов государственного строительства не снимало стоявшей перед ними необходимости выработки символических моделей интерпретации и легитимации происходящих процессов. Эта необходимость была связана с тем обстоятельством, что институциональная дезорганизация сопровождалась эрозией как базовых концептов коммунистической идеологии, так и советского метанарратива, задававшего темпоральные связи между прошлым, настоящим и будущим макрополитического сообщества (подробнее см.: [6]). Это потребовало создания новой конструкции идентичности, коллективного «мы» вновь учрежденных постсоветских политий, скрепленного общими символами и мифологемами, вписанными в проект коллективного будущего.

Символические ресурсы, использовавшиеся мнемоническими акторами для выработки новой политики памяти, можно условно разделить на три группы: 1) советское; 2) до(анти)советское; 3) актуальное несоевское.

Роспуск Советского Союза не означал одномоментного отказа от *советского* наследия. Культурный опыт, повседневные практики и общая коллективная память, сформированная за 70 лет существования Советского Союза, сохранились. Поэтому политические и интеллектуальные элиты вынуждены были определенным образом перерабатывать и встраивать «советское» в формирующиеся национальные нарративы. Иными словами, изобретать новые постсоветские нации приходилось, отталкиваясь (в обоих смыслах) от советского опыта.

Поскольку все новообразовавшиеся государства были продуктами весьма специфического советского опыта национально-государственного строительства (подробнее см.: [7]), то вполне естественным представлялся поиск акторами политики памяти национальных корней в *досоветском* опыте исторического развития. При этом для некоторых государств (например, Прибалтика и Украина) оказались актуальными и антисоветские герои, символы и события, репрезентировавшие опыт сопротивления советскому государственному строительству.

Еще одним значимым комплексом символических ресурсов стали устойчивые нормативные представления об *актуальных позитивных образцах, к которым необходимо стремиться, и опыте которых заимствовать*. Подчеркнем, что для разных макрорегионов постсоветского пространства эти образцы были разными. Если для тех же Прибалтики и Украины в этой роли выступала современная Европа, то для цен-

трально-азиатских государств таковыми являлась, в первую очередь, Турция, дававшая пример успешного светского политического и экономического проекта, реализуемого в мусульманской стране.

Стоит подчеркнуть, что элиты, запустившие процессы формирования постсоветских государств, были продуктом советской эпохи и фактически принадлежали к единственному полностью советскому поколению (они родились уже при Советской власти, не воевали и социализировались в послевоенной урбанизированной культуре). Любой другой опыт для них — это либо историческое (досоветское) прошлое, либо актуальные внешние примеры. Именно этим элитам и пришлось, руководствуясь весьма прагматичными и утилитарными мотивами присвоения советских институциональных и материальных ресурсов, реинтерпретировать и разрушать советское символическое наследие.

Спустя четверть века можно с уверенностью говорить, что различные комбинации этих трех групп ресурсов сформировали разные модели политики памяти на постсоветском пространстве.

Литература

1. Bernhard M., Kubik J. A Theory of the Politics of Memory // *Twenty Years after Communism: The Politics of Memory and Commemoration* / ed. by M. Bernhard, J. Kubik. Oxford, 2014.

2. Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990-1992 гг. М, 2009.

3. Ganev V.I. Post-communism as an Episode of State Building: A Reversed Tillyan Perspective // *Communist and Post-Communist Studies*. 2005. Vol. 38. № 4. P. 425–445.

4. Фисун А.А. Демократия, неопатримониализм и глобальные трансформации: Монография. Харьков, 2006.

5. Hale H.E. *Patronal Politics. Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective*. Cambridge, 2015.

6. Gill G.J. *Symbolism and Regime Change in Russia*. Cambridge, 2013.

7. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011.

А.М. Бетмакаев

Нелиберальная демократия и политика памяти в Венгрии

На парламентских выборах в Венгрии 8 апреля 2018 г. в третий раз подряд победила коалиция партии Фидес и Христианско-демократической народной партии. Эта победа упрочила особый тип политического режима — нелиберальной демократии (по выражению

американского политолога Ф. Закари). По мнению Виктора Орбана, премьер-министра Венгрии с мая 2010 г., время «либеральной недемократии» заканчивается и происходит «возвращение к подлинной демократии» [1].

С 29 мая 2010 г. правительства Орбана работали над расширением контроля государства над многими сферами общественной жизни. Конституционное большинство в парламенте дало премьер-министру возможность изменить институциональные структуры, игнорируя парламентскую оппозицию, и принять новые конституцию, законы о выборах, СМИ и религиозных организациях. Ему также удалось изменить мандат и состав Конституционного суда, назначив его председателем сторонника Фидес [2, р. 11–44].

Правительство изменило учебный план в средних и высших учебных заведениях, чтобы способствовать повышению патриотического духа среди молодежи. Венгерский политолог А. Аг отмечает, что нелиберальные демократии («бархатные диктатуры» по выражению польского политика А. Михника) злоупотребляют исторической памятью, используя ее как «мягкую силу» для своей легитимизации и консолидации власти [3, р. 35–36]. В свете этой оценки мы анализируем происхождение, сущность и основные аспекты политики памяти, а также ее влияние на международный образ Венгрии.

По мнению итальянского исследователя С. Бенаццо, политика памяти Орбана не может быть отделима от его политического проекта [4, р. 199]. Формальной точкой начала перехода к нелиберальной демократии стало принятие в 2011 г. Основного закона, который ввел новый порядок, названный «системой национального сотрудничества» (*Nemzeti Együttműködés Rendszere*). Эта концепция предполагает иерархически организованное общество, в котором основными элементами являются не индивидуальности, а семьи, работающие на благо страны. Единственным критерием национального самосознания считается «национальная общность», основанная на этнических и кровных узах и реализующая себя в политических идеалах [5, р. 460–461].

Известный российский историк, автор монографии «Мемориальные законы, мемориальные войны» Н.Е. Копосов точно подметил, что преамбула конституции читается как декларативный закон памяти: объявлен вне закона не только «тиранический» коммунистический режим, но и конституция 1949 г., которая была принята вследствие «иностранной оккупации», начатой 19 марта 1944 г. со вторжения в Венгрию немецких войск, а затем советских войск, при этом не делается никакого различия между нацистским и коммунистическим режимами. Более того, для государства поставлена задача сохранять па-

мять о коммунистической диктатуре, и конституция (!) предусматривает учреждение Комитета национальной памяти с целью оценки ответственности различных организаций и людей за преступления против венгерской нации [6, р. 154–155].

В основе политики памяти лежит идея, что венгерская национальная независимость исключительно важна, она была нарушена и теперь должна быть восстановлена и защищена. Венгрия изображается как страна, которая долго страдала от внешнего притеснения, а османы, Габсбурги, Советы и, в конечном счете, Европейский Союз фигурируют в качестве врагов венгров. Коллективные воспоминания, включая Трианонский мирный договор 1920 г., нацистскую оккупацию (1944–1945 гг.) и период «народной демократии» (1948–1990 гг.), в интерпретации Орбана и Фидес, предназначены вызвать чувство негодования против иностранцев. Как лидер оппозиции в 1990-е гг. и как глава правительства в 1998–2002 гг. Орбан говорил об истории XX века как серии трагедий, которые подвергли опасности достижение освободительных целей антигабсбургского восстания 1848 г. [7, р. 717] В ознаменование 1000-летия Венгерского государства 1 января 2001 г. первое правительство Орбана передало корону Св. Стефана из Национального музея в парламент. С этого момента, по мнению венгерской исследовательницы Э. Ковач, неоиоризм стал государственной идеологией и ядром официальной пропаганды [8, р. 525–526].

Одно из важнейших мест в неоиорической политике памяти занимает оценка последствий мирного договора 1920 г. как «травмы Трианона»: почти три четверти территории и две трети населения довоенной Венгрии оказались в составе Румынии и новых независимых государствах Чехословакии и Югославии, и этнические венгры этих территорий образовали национальные меньшинства и лишились общего будущего. В июне 2010 г. венгерский парламент принял закон о Дне памяти Трианонского договора — 4-м июне — как Дне национального единства (ранее — День национальной скорби)*. И хотя «культ Трианона» складывался еще до становления нелиберальной демократии, являясь символом крайне правых партий, Фидес использовал его в качестве инструмента в своем политическом дискурсе. Трианон трактовался как конец венгерской *belle époque*, поскольку Орбан и его окружение культивируют образ Венгрии эпохи дуализма в качестве «золотого века» венгерского государства [9, р. 184].

Заметное место в культивации играет музей Трианона в г. Варпагота, основанный в 2001 г. группой правых интеллектуалов и общест-

* Термин «единство» относится к связям с этническими венграми, живущими за пределами Венгрии.

венных деятелей. Музей быстро превратился в полноценный культурный комплекс, включающий образовательный центр, магазин и веб-сайт. После победы Фидес на выборах в 2010 г. музей стал получать государственное финансирование, хотя им управляет неправительственный фонд, благодаря тесным связям с праворадикальной партией Йоббик, которая пролоббировала выделение средств для музея из госбюджета [10, p. 45–48].

Из нарратива о «трианонской травме» проистекает ревизия исторической оценки режима Миклоша Хорти, который был регентом (правителем) Венгрии в марте 1920 – октябре 1944 гг. Возрождение положительной оценки «эпохи Хорти» имеет длинную историю, включающую перенос останков Хорти из Португалии в Венгрию в 1993 г., установку статуй регента и деятелей его эпохи и т.д. [11, p. 234–235]. Однако апология Хорти обернулась проблемой для Фидес, учитывая открыто антисемитскую политику венгерских правительств в конце 1930-х гг. Поэтому была предпринята попытка уменьшить роль Хорти в преследовании евреев утверждением, что его правительства не играли активной роли в осуществлении Холокоста. Согласно версии Фидес, Венгрия была оккупирована нацистами, и большинство венгерского населения не сотрудничало с нацистами. Чтобы закрепить эту интерпретацию нацистской оккупации Венгрии, в июле 2014 г. в Будапеште был установлен новый памятник: орел, который олицетворяет нацистскую Германию, нападает на архангела Гавриила, символ невинной Венгрии. Памятник вызвал не только протесты в оппозиционных СМИ, но и сооружение альтернативного памятника в ходе флешмоба «Живой мемориал — моя история», когда сотни людей принесли семейные фотографии и другие реликвии, чтобы напомнить о преступлениях в годы Второй мировой войны [12, p. 247].

Не следует, однако, рассматривать этот протест как отражение мнения большинства. По мнению венгерского историка К. Унгвари, большинство граждан не чувствуют, что они имеют какое-либо отношение к Холокосту. Они думают, что это — в основном проблема «немцев». Именно эти общественные настроения Фидес использовала, устанавливая памятник. Предсказуемое безразличие венгерского общества и небольшое число демонстрантов косвенно превратили протест в проправительственную демонстрацию [13, p. 399–400].

При этом вряд ли пострадала международная репутация правительства Орбана, например, в глазах Израиля. В июле 2017 г. во время визита израильского премьер-министра Нетаньяху в Будапешт, Орбан заявил, что правительство Хорти «сделало ошибку и даже совершило грех [...]», потому что мы решили сотрудничать с нацистами вместо

того, чтобы защитить еврейскую общину». Как полагает венгерский политолог Ф. Лацо, просто «грех» и сокрытие его под неопределенной формулировкой «сотрудничества с нацистами» означают, что Орбан на самом деле не готов встретиться с темными сторонами венгерского прошлого [14, p. 99].

В 2010-е гг. венгерское государство сделало значительные усилия, чтобы канонизировать орбановский исторический нарратив с помощью новых учреждений (Институт изучения истории смены режима, Институт исследования коммунизма, Исторический научно-исследовательский институт VERITAS, Комитет национальной памяти, Институт национального наследия) и распространение нового канона в сфере образования [11, p. 225–226].

Политизация истории Венгрии, по мнению британского исследователя М. Туми, служила нескольким целям Орбана: перехватить повестку у конкурентов справа (Йоббик), делегитимизировать любую внутреннюю или внешнюю оппозицию, поскольку оппозиционеры воспринимаются как предатели венгерской нации, и, самое главное, представить Орбана и его партию в качестве исключительных представителей «истинных» венгров [15, p. 88–89]. И хотя орбановская политика памяти в контексте нелиберальной демократии преследовала, в основном, внутривнутриполитические цели, международный образ Венгрии также приобрел новые черты.

Литература

1. Orbán V. Prime Minister Viktor Orbán's Speech at the Conference "Reinvigorating Growth, Competitiveness and Investment — the EU from the Baltics, Through Central Europe, to the Mediterranean", 10 November 2016, Budapest. URL: <http://www.kormany.hu/en/the-prime-minister/the-prime-minister-s-speeches/prime-minister-viktor-orban-s-speech-at-the-conference-reinvigorating-growth-competitiveness-and-investment-the-eu-from-the-baltics-through-central-europe-to-the-mediterranean>.

2. Pap A.L. *Democratic Decline in Hungary: Law and Society in an Illiberal Democracy*. L., 2017.

3. Ágh A. Cultural War and Reinventing the Past in Poland and Hungary: The Politics of Historical Memory in East-Central Europe // *Polish Political Science Yearbook*. 2016. Vol. 45. DOI: 10.15804/ppsy2016003.

4. Benazzo S. Not All the Past Needs to Be Used: Features of Fidesz's Politics of Memory // *Journal of Nationalism Memory and Language Politics*. 2017. Vol. 11. №2. DOI: 10.1515/jnmlp-2017-0009.

5. Bozóki A. Nationalism and Hegemony: Symbolic Politics and Colonization of Culture // *Twenty-Five Sides of a Post-Communist Mafia State* / ed. B. Magyar, J. Vársárhelyi. Budapest, N.Y., 2017.

6. Kaposov N. Memory Laws, Memory Wars: The Politics of the Past in Europe and Russia. Cambridge, 2018.

7. Brubaker R., Feischmidt M. 1848 in 1998: The Politics of Commemoration in Hungary, Romania, and Slovakia // *Comparative Studies in Society and History*. 2002. Vol. 44. №4. DOI: 10.1017/S0010417502000336.

8. Kovács É. Overcoming History Through Trauma: the Hungarian Historikerstreit // *European Review*. 2016. Vol. 24. №4. DOI: 10.1017/S1062798716000065.

9. Стыкалин А.С. К вопросу о политике исторической памяти в Венгрии Виктора Орбана // *Историческая память и культурные символы национальной идентичности: Материалы международной научной конференции* / ред. И. В. Крючков. Ставрополь, 2017.

10. Pető A. Revisionist Histories, 'Future Memories': Far-Right Memorialization Practices in Hungary // *European Politics and Society*. 2017. Vol. 18. №1. DOI: 10.1080/23745118.2016.1269442.

11. Rainer M.J. Discourses of Contemporary History in Hungary after 1989 // *East Central Europe*. 2017. Vol. 44. №2–3. DOI: 10.1163/18763308-04402011.

12. Erőss Á. "In Memory of Victims": Monument and Counter-Monument in Liberty Square, Budapest // *Hungarian Geographical Bulletin*. 2016. Vol. 65. №3. DOI: 10.15201/hungeobull.65.3.3.

13. Ungváry K. "One Camp, One Banner": How Fidesz Views History // *Twenty-Five Sides of a Post-Communist Mafia State* / ed. B. Magyar, J. Vársárhelyi. Budapest, N.Y., 2017.

14. Laczó F. New Sensibilities, New Volatilities: Antisemitism in Contemporary Hungary // *Antisemitism Studies*. 2018. Vol.2. № 1. DOI: 10.2979/antistud.2.1.04.

15. Toomey M. History, Nationalism and Democracy: Myth and Narrative in Viktor Orban's 'Illiberal Hungary' // *New Perspectives*. 2018. Vol. 26. №1.

Обсуждение в Интернете

Ольга Аршинцева
17 апреля 2019 в 10:02

Абсолютно признавая пропагандистскую логику формирования политики памяти в случае с Венгрией, которую автор положил в основу текста, хотелось бы узнать его мнение по поводу стереотипов массового сознания, к которым эта политика апеллирует. В частности, насколько они отражают исторические черты венгерского национализма «прекрасной эпохи» существования дуалистической империи? Венгерская элита не разделяла послевоенного (1918 г.) энтузиазма по поводу «пресловутого» права наций на самоопределение? Или эти сюжеты настолько «стерлись» в коллективной памяти, что в «Трианон» можно вкладывать какое угодно пропагандистское содержание? Спасибо Алексею Михайловичу за возможность небанального взгляда на проблему.

Алексей Бетмакаев
18 апреля 2019 в 18:51

Спасибо за интересный вопрос. По моему мнению, Орбан и Фидес скорее пытаются влиять на формирование «новых» стереотипов, чем апеллируют к «старым», хотя, в случае с венгерским национализмом времен дуалистической монархии, отчасти используется представление части венгерских интеллектуалов накануне Первой мировой войны о перспективе трансформации Австро-Венгрии в Венгро-Австрию (в связи со снижением доли немецкого населения). Эта перспектива предусматривала сохранение статуса великой державы, однако была утрачена в результате военного поражения и Трианонского договора. Главное внимание в официальном дискурсе обращено на расчленение венгерской нации (утрата территорий и появление венгерских меньшинств в новых странах), чем на обретение независимости от Вены. Напрашивается аналогия – дезинтеграция СССР («крупнейшая геополитическая катастрофа») и провозглашение суверенитета России.

И.А. Вальдман
Парк-музей «Россия — моя история»
как опыт современной российской политики памяти*

Историческое сознание является важной составной частью этнического и национального сознания. Оно обеспечивает не только легити-

* Работа подготовлена при поддержке РФФИ. Проект: 19-011-31114 «Политика памяти: исторические символы и коммеморативные практики в системе социально-политической саморегуляции региона (Сибирь XX — нач. XXI в.)».

мацию существующих социальных порядков и идентичностей, но и дает локализованное в ретроспективе, содержательное и персонифицированное наполнение интерпретациям смыслов, значимых для символического универсума [1, с. 151–190]: этнического, национального, политического. Каждое общество легитимирует собственную доминирующую картину мира как концептуально организованное целое, используя и свою и чужую историю в качестве эффективного средства конструирования системы отношений как внутри социума, так и с внешним миром. К числу наиболее значимых факторов формирования исторического сознания относятся попытки целенаправленного конструирования исторических образов и нарративов, релевантных господствующей идеологии, действующих социальных субъектов. Ведущие субъекты в системе политической деятельности всегда стремятся контролировать сферу социокультурных мнемических практик, порождающих коммеморативные знаки [2, с. 4]. Исторические конструкции, создаваемые или реинтерпретируемые с подачи тех или иных политически значимых субъектов, представляют собой системы в смысловом отношении дифференцированных, хронологически и топографически локализованных образов, соединяемых в разнообразных конфигурациях, которые репрезентируют прошлое.

При всей распространенности манипуляций исторической памятью в прошлом и настоящем, возникает ключевой, основополагающий в рамках данного исследования вопрос: где граница эффективности и самой возможности идеологически и дидактически «препарированного» репрезентирования прошлого в рамках социальной трансляции тем или иным целевым аудиториям в соотношении с состоянием исторического сознания и самой спецификой исторического знания той или иной эпохи?

Важно обратить внимание в рамках данной проблематики на ряд проблем и противоречий, которые обнаруживают себя в репрезентациях общенационального и регионального прошлого, предлагаемых сетью мультимедийных исторических парков «Россия — моя история».

Представляется, что интерпретация экспозиции исторического парка-музея «Россия — моя история» на предмет соответствия имеющихся в нем репрезентаций прошлого должна производиться на основе современного научного понимания принципа историзма. Оценивая проект, важно ориентироваться и на современное состояние исследований “memory studies”, предполагающих исследование социальной и культурной памяти и их включенность в коммеморативные практики, присущие обществу той или иной эпохи, и формирующиеся под воздействием конкурирующих трендов и интерпретаций значимого про-

шлого как выражения политики памяти [3, 4]. Распространение в мире мультимедийных музеев, к категории которых целесообразно отнести и исторический парк «Россия — моя история», ошутимо отражает тенденцию развития феномена клипового сознания, активно обсуждаемого в настоящее время. Оценивая потенциальные преимущества и риски репрезентирования истории (в частности, отечественной) в музейном пространстве мультимедийными средствами, можно опереться на концепции клипового сознания, разработанные, в том числе российскими авторами — К.Г. Фрумкиным [5] и Ф.И. Гиренком [6]. Исходя из их основных работ, нужно учесть, что клиповое сознание характеризуется как присущее среднестатистическому жителю современного мегаполиса, мышление которого фрагментарно, обрывочно и упрощено. Необходимости «переваривать» и фильтровать огромные объемы новой информации, заниматься одновременно несколькими делами и жить на высокой скорости заставляють современного человека иначе воспринимать и обрабатывать информацию. Клиповость сознания характеризуется склонностью к «монтажу» реальности, обращением к воображению, а не опыту, языковым минимализмом, визуальностью мышления, разрывом связи между реальным и воображаемым. В качестве проблем клипового сознания выделяется не критичное, эмоциональное отношение к информации, неспособность к аргументации и синтезу, нарушение причинно-следственных связей в мыслительном процессе.

Масштабный проект «Россия – моя история», представленный сегодня сетью интерактивных парков-музеев, вырос из отдельных выставок, демонстрировавшихся с 2005 г. в московском Манеже. Автором идеи проекта выступил ответственный секретарь Патриаршего совета по культуре, епископ Егорьевский Тихон (Шевкунов). Идея была реализована Патриаршим советом по культуре и Фондом гуманитарных проектов. К разработке экспозиций привлекались профессиональные историки, архивисты, музейные работники и дизайнеры. В 2013 г. на базе материалов прежних выставок начала складываться серия последовательных экспозиций. По принципиальному замыслу авторов проекта парк вмещает лишь мультимедийные экспозиции, в нем не экспонируются подлинные музейные предметы. Митрополит Тихон (Шевкунов), который позиционирует себя как знаток отечественной истории, преследовал, создавая первые выставки, прежде всего, миссионерские цели. История государства представлена им в консервативном, православном контексте. Этим обусловлены «антилиберализм» и «панегирический уклон в изображении всех без исключения царей», в котором ряд профессиональных историков обвинил митрополита Тихона (Шевкунова) [7]. Московские выставки неоднократно

посещал В.В. Путин, при чем непосредственном участии проект разросся до масштабов федерального уровня, превратившись в сеть типовых мультимедийных парков-музеев, открытых более чем в 15 городах. Министерство образования и науки РФ рекомендовало использовать парки в интересах школьного образования и патриотического воспитания граждан, привлекая тем самым в исторические парки, прежде всего, школьников и студентов — учащуюся молодежь [8].

В Новосибирске активную позицию в процессе подготовки к открытию исторического парка занял митрополит Новосибирский и Бердский Тихон (Емельянов). Видя в проекте, прежде всего, миссионерский потенциал, митрополит Тихон создал оргкомитет исторического парка из числа местных историков (ученых и преподавателей истории), преимущественно «воцерковленных», священнослужителей и деятелей культуры, которым предлагалось дать экспертную оценку проекту и внести предложения по созданию регионального контента будущей новосибирской экспозиции. Параллельно работу по подготовке к открытию парка вели представители местных властей, вынужденных форсировать свои действия в условиях приближавшихся выборов президента РФ, поскольку открытие парков преподносилось как заслуга действующего президента и довольно очевидно рассматривалось как часть избирательной кампании. При этом члены оргкомитета парка-музея оценили свое участие в проекте, как потенциальную возможность реализовать собственные инициативы: коммеморативные, краеведческие, научные, культурные, образовательные. В адрес типовой экспозиции от новосибирских экспертов прозвучало немало критических замечаний, но большинство из них осталось без внимания. В новосибирском парке на стадии подготовки к его открытию среди его создателей доминировала позиция, согласно которой, исторический парк, который открывается в Новосибирске по инициативе столичных властей — это неожиданная и хорошая возможность обустроить в городе, относительно бедном памятными местами, привлекательный с точки зрения брендинга региона исторический квартал и создать недостающую Новосибирску площадку для местных историко-краеведческих дискуссий, научных конференций, просветительских, образовательных и культурных проектов. Однако в ходе подготовки к открытию парка-музея возник ряд противоречий. Так, создание регионального контента экспозиции было поручено команде Новосибирского краеведческого музея, которая подошла к решению этой задачи со светской позиции, чем вызвала недовольство митрополита и его сторонников. Шумным событием стало открытие парка, на котором присутствовали лица, непосредственно занятые в проекте, а также «высо-

кие гости» — местная администрация, политики, полпред президента РФ. Каждый из ораторов, выступивших на церемонии, достаточно явно старался использовать событие в целях «самопиара». Звучали довольно популистские призывы «остановить фальсификации истории», заявления о том, что парк решает эту задачу и обещания создать вокруг парка целый кластер, посвященный истории страны, краеведению и патриотическому воспитанию. Волна открытий исторически парков по всей стране не оставила равнодушным сообщество российских историков, ряд из которых выступил с резкой критикой концепции проекта. Наиболее заметным стало обращение Вольного исторического общества к министру образования и науки РФ О.Ю. Васильевой. Авторы обращения высказали возмущение рекомендацией министерства науки и образования России использовать исторические парки в образовательных целях [9].

Анализируя реализацию проекта «Россия — моя история», необходимо отметить следующее. Прежде всего, то, что действующая типовая экспозиция репрезентирует историю страны с точки зрения столицы, в логике последовательности «славных» правлений «великих» князей и царей, предлагая однозначные, исключительно консервативные оценки исторических деятелей и событий. При этом принципиально отсутствует попытка показать Россию как страну в многообразии региональных и этнокультурных отличий. В региональных парках представлен местный исторический контент, однако история других регионов и специфика их взаимоотношений не репрезентируется. Вся отечественная история представлена без сравнения с качественно отличным опытом, как в своей стране, так и своей страны с другими странами. История России показана как история государства, при этом в экспозиции не представлена «история народов».

Во-вторых, в основе самого феномена исторического знания лежит базовое различие прошлого и настоящего. Экспозиция проекта не отражает никакие качественные отличия в смыслах, идеях, картине мира, ментальности людей разных эпох. Собственно говоря, этой стороны истории в экспозиции вообще нет. Экспозиция не дает описания конкурирующих парадигм развития. Внешний мир представлен в парке в двух вариантах: как источник враждебного воздействия, или как объект экспансии.

В-третьих, стоит остановиться на особенностях «мультимедийности» проекта. В исторических парках представлены многие новейшие формы информационных носителей. Электронные устройства помогают сделать экспозицию более насыщенной и информативной. Ее широкие возможности вызывают интерес сами по себе. Однако воз-

возможность полного отказа от подлинных артефактов в рамках музейного пространства сомнительна. Приходится признать, что образы прошлого, представленные в экспозиции, являются собой симулякры — копии, фактически не имеющие реальных прототипов в действительности, но правдоподобно имитирующие реальность. Перенасыщенность разнообразными дополнительными вкладками, содержащими большие объемы информации, сбивает посетителя с толку, систематичность просмотра предсказуемо подменяется фрагментарностью; эстетика и динамичность инсталляций и репрезентаций, развлекающих посетителя, становится для него важнее содержания, которое перестает восприниматься критически. Смысл может теряться вовсе. Симуляция «живой истории» проявляется и в свободном, вполне постмодернистском обращении с произведениями изобразительного искусства, которые никак не аннотируются, с неточными цитатами, оторванными от контекстов и представленными в вольных сочетаниях. Экспозиция развлекает, но при этом резко снижает градус критичности восприятия увиденного. В сущности, исторический парк далек от научности, однако складывается впечатление, что это мало заботит тех учителей, которые готовы развлекать учеников и формально готовить их к ЕГЭ по истории, не берясь за решение своей основной задачи разъяснения школьникам сущности исторического знания и базовых характеристик исторического процесса. Проект позиционируется как одобренный профессиональными историками и от этого существенно страдает имидж исторической науки в обществе. Парк-музей является, хоть и специфическим, но историческим музеем, где должны быть репрезентированы не любые мнения и дорогие чьему-то сердцу исторические мифы, но максимально достоверные знания о прошлом. И в этом качестве сегодня нет и не предвидится альтернативы научным историческим знаниям со всей их вариативностью и неоднозначностью оценок прошлого.

Литература

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.
2. Святославский А.В. Среда обитания как среда памяти: к истории отечественной мемориальной культуры. Автореф. дисс. ...д-ра культурологии. М., 2012.
3. Roediger H.L., Wertsch J.V. Creating a New Discipline of Memory Studies // *Memory Studies*. 2008. Vol. 1. №1. P. 9–22.
4. Radstone S. Memory Studies: For and against // *Memory Studies*. 2008. Vol. 1 №1. P. 31–38.

5. Фрумкин К.Г. Глобальные изменения в мышлении и судьба текстовой культуры // Internum. 2010. Т. I. С. 26–36.

6. Гиренок Ф.И. Клиповое сознание. М., 2016.

7. Берг Е. Выставку под патронажем епископа Тихона предложили изучать школьникам и студентам. Историки называют ее «пропагандистской игрушкой» // Meduza. 2017. 11 декабря. URL: <https://mamlas.livejournal.com/6158154.html>

8. Минобрнауки рекомендовало школьникам выставки «Россия — моя история» // РИА Новости: Россия сегодня. 2016. 10 ноября. URL: <https://ria.ru/religion/20161110/1481121365.html>

9. Обращение Вольного исторического общества к министру образования и науки Российской Федерации О.Ю. Васильевой // Вольное историческое общество [официальный сайт]. URL: <https://volistob.ru/vio-news/obrashchenie-volnogo-istoricheskogo-obshchestva-k-ministru-obrazovaniya-i-nauki-rossiyskoy>

Обсуждение в Интернете

Аноним

21 мая 2019 в 6:35

Спасибо за Ваши слова в защиту настоящей истории!

С.В. Голунов

Территориальная идентичность по отношению к «сопредельному Другому» и меняющийся городской ландшафт: случаи Корсакова и Южно-Курильска

В настоящей статье рассматриваются особенности развития ландшафтов двух населенных пунктов российско-японского пограничья — Корсакова (население — около 33 тыс. чел.) и Южно-Курильска (более 7 тыс. чел.).

«Японский элемент» сыграл значительную роль в истории как Корсакова, так и Южно-Курильска. История Южно-Курильска (а точнее его предшественника — поселка Фурукамаппу) до 1945 г. была практически полностью связана с Японией. В истории же Корсакова продолжительность периодов российского и японского контроля была примерно сопоставимой: российский населенный пункт Корсаковский пост существовал с 1869 по 1905 гг., тогда как японский населенный пункт Отомари — с 1905 по 1945 гг. (переименование Отомари в Корсаков произошло в 1946 г.). Следует отметить, что городская террито-

рия нынешнего Корсакова развивалась гораздо более динамично именно в японский период.

Япония потеряла контроль над обоими населенными пунктами по результатам войны, которая с ее стороны носила отчетливо агрессивный и захватнический характер. При этом и Отомари, и Фурукамаппу были заняты советскими войсками в 1945 г. без сколько-нибудь значительного сопротивления и уже после того, как японское командование приказало своим войскам капитулировать. Через некоторое время после взятия советской армией под контроль Сахалина и Курильских островов японское население было депортировано, и контакты с Японией на долгие десятилетия сократились до минимума. Ныне актуальные представления Японии о «справедливых границах», вместе с вытекающими отсюда территориальными претензиями и самопозиционированием в качестве жертвы исторической несправедливости, были сконструированы не сразу, а в 1950-х гг. [1], когда Япония объявила объектами своих притязаний Южные Курилы и Хабомаи, но не остальную часть Курильских островов и Сахалин.

Советские власти проводили целенаправленную политику стирания памяти о «японском периоде», что выражалось в воспрепятствовании всестороннему изучению наследия губернаторства Карафуто и в пренебрежительном отношении к артефактам японского периода, включая здания и могилы [2; 3]. Вместе с тем, в официальном дискурсе подчеркивалась историческая роль рассматриваемых населенных пунктов в качестве форпостов не только советского, но также и дореволюционного российского присутствия в регионе, включая не совсем типичный для советской политики памяти акцент на деятельности чиновников «царского режима» (показательно, например, что город Корсаков был назван в честь видного государственного деятеля, бывшего генерал-губернатором). Присоединение Южного Сахалина и Курил объявлялось освобождением исконно российских земель от оккупации в результате героических действий военнослужащих советской армии, что было отражено в посвященных надписях на соответствующих памятниках. Центральные улицы обоих населенных пунктов были названы в честь военнослужащих или подразделений, участвовавших в соответствующих военных операциях 1945 г., например улица Гнечко в Южно-Курильске и улица Краснофлотская в Корсакове.

С конца 1980-х гг. ситуация начала серьезно меняться, все более интенсивно развивавшиеся экономические и гуманитарные контакты с Японией стали приобретать огромную значимость для соседних российских территорий. В условиях тяжелого экономического кризиса 1990-х гг. японские гуманитарная помощь и организованные визиты, а

также неформальная трансграничная активность российских предпринимателей стали важнейшими факторами функционирования местной экономики и социальной стабильности. Особенно значимой оказалась японская помощь для Южно-Курильска, очень серьезно пострадавшего от разрушительного землетрясения 1994 г. и после этого довольно долгий период не получавшего должную помощь со стороны федеральных и региональных властей. Построенный в 1999 г. на японские средства Дом дружбы надолго стал «лицом поселка» и его культурным центром, а также единственным учреждением гостиничного типа, пригодным для размещения японских гостей.

Признание важности японской помощи сочеталось с широко распространенными алармистскими представлениями о том, что Япония может использовать свою экономическую значимость для сопредельных территорий для «ползучей экспансии». При этом местные власти продолжали делать всяческий акцент на исторических символах, подчеркивающих «российскость» территорий, что, видимо, находило поддержку у населения. В центральных частях обоих населенных пунктов были сохранены памятники В.И. Ленину и советским десантникам, около этих памятников по-прежнему проводились ежегодные торжественные церемонии, посвященные «освобождению от оккупантов/милитаристов». В дополнение к прежним памятникам, в г. Корсакове в постсоветский период были сооружены новые памятники в честь генерал-губернатора М. Корсакова (1993), юбилея основанного в 1853 и недолго просуществовавшего Муравьевского поста (2003), адмирала Г. Невельского (2013) и экипажа крейсера «Новик» (2014). Сооруженный в Южно-Курильске в 1999 г. православный храм (в 2011–2012 гг. он был перестроен) рассматривался некоторыми священниками как духовный и физический форпост России [4], причем японские посетители не допускались в этот храм до 2011 г. [2]. «Логика форпоста» во многом присутствовала в федеральных целевых программах развития Курильских островов, которые полноценно начали осуществляться со второй половины 2000-х годов. Помимо стремления улучшить имидж России в глазах зарубежных гостей, одной из неформальных целей реализации этих программ, как считается, было желание показать Японии и ее представителям способность данных территорий развиваться без японской поддержки и, следовательно, тщетность надежд добиться от РФ их уступки. В рамках федерально-целевых программ были построены асфальтированные дороги (прежде в поселке почти отсутствовавшие), объекты социальной и культурно-досуговой инфраструктуры, реконструирован местный аэропорт. По некоторым свидетельствам, масштаб перемен в прежде «запущенном» Южно-Курильске в конце 2000-х и в 2010-е гг. впечатлил, а в некоторых случаях и деморализовал

японских гостей [5]. Однако вряд ли есть серьезные основания полагать, что эти усилия в ближайшей перспективе способны сделать Южно-Курильск сам по себе привлекательным направлением для японских гостей, которые, в своем большинстве, по-прежнему движимы ностальгическими мотивами.

Несмотря на связанные с территориальным спором проблемы, власти и жители рассматриваемых населенных пунктов быстро осознали, что регулярные визиты японских делегаций (включая визиты в рамках начатой в 1992 г. обменной программы между Японией и Южными Курилами) означают не только японские попытки изменить мнение россиян относительно территориальной проблемы с помощью «мягкой силы», но также и появление новых возможностей, которые открывались в связи с актуализацией интереса гостей к могилам своих предков и архитектурным памятникам периода Карафутто. Кроме того, власти разрешили возведение или реконструкцию ряда памятников, символизирующих прежнее японское присутствие и современную значимость двухсторонних отношений. В 1990-е годы в Корсакове открылся памятник, посвященный погибшим в 1945 г. жителям Отомари, а в 2001 г. — сквер «Вакканай», посвященный десятилетию побратимских отношений между городами. В 1999 г. статус охраняемого государством памятника получило самое значительное из сохранившихся в Корсакове зданий «периода Карафутто» — здание местного отделения банка Хоккайдо Такусюку. С 1990-х гг., стремясь стимулировать «ностальгический туризм», местные власти стали предпринимать относительно систематические усилия по уходу за пришедшими в упадок японскими могилами.

Со второй половины 2000-х гг., на волне «нефтегазового бума», федеральные и региональные власти стали предпринимать определенные усилия по улучшению внешнего облика ряда населенных пунктов, дабы сделать их более привлекательными для туристов. Как уже отмечалось выше, усилия по развитию Южно-Курильска связаны, прежде всего, с соответствующими федеральными целевыми программами. Город Корсаков же находился в положении «проходного двора», поскольку прибывавшие в одноименный порт японские туристы в Корсакове, как правило, надолго не задерживались, отправляясь из порта в близлежащий областной центр — город Южно-Сахалинск.

Частичная ревитализация центральных городских пространств Корсакова была связана с началом приема его портом японских и других круизных лайнеров в 2013 г. Несмотря на то, что Южно-Сахалинск по-прежнему оставался более привлекательным местом для туристов, Корсаков также приобрел определенную ценность в этом качестве. В

результате в центре города появилась пешеходная зона, были реконструированы площадь Ленина и культурно-досуговый центр «Океан», ускорилась реставрация здания банка Хоккайдо Такусюку, планируется обустройство набережной. Вместе с тем, результаты усилий по благоустройству центральной части города рядом наблюдателей оцениваются довольно критически [6]. Это дает местным лоббистам основание предлагать гораздо более широкомасштабные и дорогостоящие планы развития центральной части города с целью повысить его привлекательность в качестве самостоятельного туристического центра.

Можно сделать вывод о том, что политика территориальной идентичности обоих населенных пунктов амбивалентна, она включает в себя как алармистские элементы, так и осознание важности контактов с сопредельной стороной. Политика памяти по-прежнему остается избирательной, с преобладанием элементов, подчеркивающих исторический приоритет перспективы «своих» (т.е. России и СССР) и слабой эмпатией по отношению к японской исторической перспективе даже в напрямую не связанных с территориальными претензиями контекстах. Вместе с тем, привлекательность развития двухсторонних связей повышает слышимость голоса «японского Другого», что находит свое отражение в «открытии заново» сознательно забытого в советский период исторического наследия и в других особенностях развития городских ландшафтов. Одним из важных мотивов такого развития в последнее время является — сделать рассматриваемые населенные пункты более привлекательными для японских путешественников.

Литература

1. Gorenburg D. The Southern Kurils Islands Dispute // *Japan's Territorial Disputes* / Ed. by M. McDevitt and C. Lea. Arlington, 2013. P. 59–74.
2. Литвинцев Д. Российский остров с японской душой // *Geo.ru*. URL: <http://www.geo.ru/puteshestviya/rossiiskii-ostrov-s-yaponskoi-dushoi>
3. Пасюков П. Путеводитель «Памятники истории и культуры губернаторства Карафутто» презентован в Южно-Сахалинске // *Sakhalin.info*. 31.10.2015. URL: <https://www.sakhalin.info/news/108248>
4. 2012. На курильском острове Кунашир открыт православный храм // *Pravmir.ru*. 24.12.2012. URL: <http://www.pravmir.ru/na-kurilskom-ostrove-kunashir-otkryt-pravoslavnyj-xram>
5. Японских гостей поразило и напугало реальное преобразование Кунашира // *TIA Ostrova*. 29.05.2008. URL: <http://www.tia-ostrova.ru/?div=news&id=109064&month=05&year=2008>
6. Голубкова Н. Сахалинская хаосятина // *Sakhalin.info*. 27.05.2019. <https://sakhalin.info/weekly/171227>

А.Т. Желдыбаева
Политика памяти и культурный имидж
Республики Казахстан

За годы независимости в Казахстане были разработаны государственные программы по сохранению культурного наследия и реализации культурной политики. Важнейшими из таких программ явились: 1) «Культурное наследие – Мәдени мұра» (2004), целью которой было изучение, сохранение и восстановление историко-культурного наследия страны и 2) «Народ в потоке истории – Халық тарих толқынында» (2013) — программа и комплекс мероприятий со стратегическими задачами по осмыслению национальной истории, к одной из которых относили и формирование нового исторического мировоззрения нации. С практической стороны данная программа активизировала архивные исследования для системного изучения истории Казахстана [1, с. 3].

В этих и других государственных программах основной акцент направлен на факты, где содержание понятия исторической памяти зачастую раскрывалось в категориях этнографического, артефактного характера и в понятиях письменного (архивного) наследия [2].

Сравнивая ранние казахстанские проекты и программы в области развития культурной политики, культурного наследия с материалами комплексного плана «Мәңгілік Ел» по созданию масштабных фильмов и телевизионных проектов, повествующих об истории и культуре страны с древнейших времен до наших дней, с программным документом 2017 года «Третья модернизация Казахстана: глобальная конкурентоспособность» и статьей Президента РК Н.А. Назарбаева «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания» [3], можно отметить, что есть некое отличие, позволяющее говорить о переломе, изменении формата работы с коллективной памятью. Отличие заключается в главном эмоциональном сюжете последних инициатив, которые теперь связаны не с экономикой или политикой, как это было ранее, а с традициями и даже с такими трудно определяемыми, но эмоционально воспринимаемыми понятиями, как «культурный код нации», «каркас национальной идентичности» [1, с. 5].

Модернизационный процесс по сохранению культурного наследия в Казахстане можно представить как три этапа реформ: политической модернизации (1991–1997), экономической модернизации (1997–2012) и социальной модернизации с 2012 года, о которой начинали говорить только с начала 2000-х годов, с периода принятия первых программ по сохранению культурного наследия и разработок концепций культурной политики [4].

Стратегическим направлением культурного развития современной Республики Казахстан непременно является сохранение, исследование и развитие культурного наследия. Каждый культурный кластер осуществляет эти цели разными способами: от культурного туризма и научных изысканий до актуализации и сохранения культурного наследия через современное искусство. В этом контексте нынешняя креативная индустрия является мощным механизмом, позволяющим не только защитить культурное наследие, но и сделать его неотъемлемой частью страны, ее постоянно развивающейся традиции, актуальной для нового поколения. Все это возможно осуществить под эгидой развития программы «Культурное наследие — Мәдени мұра» и «Мәңгілік ел: одна страна — одна судьба».

Понимание Казахстана не только как политической единицы на карте мира, но и как национальной идеи общего дома и семьи — «Мәңгілік Ел» — может быть выстроено только на основе комплексного возрождения и сохранения традиций, единых для всех. Здесь уникальность Шежире как Древа поколений с единым корнем доказывает, что именно осознание духовного единства не раскалывает казахстанский народ, а объединяет [5].

С момента выхода статьи Президента РК Н.А. Назарбаева в апреле 2017 года и инициирования программ «Сакральная география Казахстана» и «Туған жер» в стране начался «экспедиционный бум». В СМИ регулярно начали писать о новых объектах, предлагаемых для включения в списки в качестве сакральных, повсеместно организуемых экспедициях как республиканского, так и местного масштаба — все это, в целом, свидетельствует о наличии определенного вакуума, накопившегося в общественном сознании. Определенное и своеобразное снятие табу с важных для населения тем и оптимизм в отношении того, что родовые места памяти или «святые места», мазары батырам, и предводителям родов, в том числе, мазары деятелям культуры и политическим лидерам, позволяет теме памяти выйти из серой зоны академического невнимания.

Проект «Актуальные практики памяти: концептуализация прошлого и конструирование идентичности в современной культуре Казахстана» стал одним из первых комплексных теоретико-методологических исследований практик памяти. В течение трех лет в рамках проекта исследовательской группой из 16 человек проводился сбор эмпирических данных 18 регионов (77 музеев, 181 «мест памяти»). В качестве консультантов-добровольцев привлекались зарубежные исследователи, местные краеведы, музейные работники [1, с. 7].

Праздник как социальный феномен несет особо важную функциональную нагрузку в условиях глобализации современного мира, снижения общего уровня культуры и смены идеалов. Возникают новые праздники и претерпевают серьезные перемены старые. Национальные праздники объединяют богатство и разнообразие традиций и обычаев, обрядов, игр, торжеств и др. Празднования общенародных, общенациональных торжеств и мероприятий являются консолидирующим фактором общественного сознания, направляя его в позитивное русло, формируя чувства гордости и патриотизма. Поэтому здесь огромную роль играет формирование национальных образов, культивирование традиций праздничных мероприятий, способных сплотить нацию. Примером таких праздников становятся День Независимости, День Конституции, День Первого Президента, День Столицы и другие. Казахская культура, ее прошлое и настоящее являются ядром социокультурного развития РК. Жизнеспособная культура проходит свой естественный путь развития и трансформаций, сохраняя свой стержень, но идентичность может дать сбой в случае, когда ценности культуры страны окажутся малопривлекательными, оказавшись далеко от истоков духовных и нравственных ценностей исконной культуры [6].

Основополагающие ценностно-ориентированное мировоззрение и мироотношение любого народа остаются неизменными. В этом понимании семейные ценности и хозяйственные системы должны органично вписываться в общую национальную идею, культуру, направленные на формирование единства и дальнейшего развития. Поддержка традиционных ценностей, формирование и развитие новых ориентиров, определяющих национальную самоидентификацию, осуществляется, главным образом, через развитие языка, возрождение исторических традиций, национальных праздников, традиционных промыслов, стремление нации к новаторству и новизне. Подытоживая, можно заметить, что культурный код нации — не просто ядро новой культурной политики Казахстана, но и важный концепт евразийской культуры, ставящей единство во главу угла. Толерантность, духовность, предприимчивость и творческий потенциал присущи только тем народам, что «продолжают культурную традицию и превращают ее в элемент духовного бытия, то есть воссоздают заново» [7, с.79].

Также немаловажной частью культурного наследия является тема религиозных практик памяти. В советское время многие религиозные практики существовали во фронтальном формате. Возвращение к вере, к возможности открытого проведения ритуалов привело к появлению новых практик памяти, например, к созданию музейных коллекций при церквях и храмах. Мечети также становились общедоступным

центром в регионах, все чаще принимая на себя функции, связанные с коммеморацией. При мечетях можно посмотреть небольшие экспозиционные стенды, рассказывающие о судьбах людей, благодаря которым они были построены и активно поддерживались.

Еще одним критерием, связанным с практикой памяти и культурой, является паломничество к сакральным объектам, которые популярны отражением текущей коммеморативной политики в Казахстане. Суть данного сакрального и социального явления заключается в объединении различных культурных практик, многоплановых исторических реконструкций и прототипов. Сосредоточенность на сакральном используется для достижения особого уровня понимания истоков культуры, нации и государства. Современная сакральная география как отрасль научного знания сформировалась в результате междисциплинарного подхода, где важную роль играет не география, а геополитика и культурология. Исторически под сакральной географией понимали способы пространственного обозначения культурных и духовных центров, где высшей формой сакрализации пространства является образ Родины. Другое значение сакральной географии в Казахстане связано с распространением ислама и иных мировых религий, с изменением социально-политической структуры управления, особенностями духовных практик и традиций.

Таким образом, совершенствование культурной политики, сохранение культурного наследия через воспроизводство его в коллективной памяти общества является важной составляющей стратегического развития современного Казахстана. В этом процессе активно участвуют регионы, которые инициируют как программы развития местного туризма, так и программы, направленные на поддержание культуры, сохранение и реставрацию культурного наследия. В то же время участниками сохранения и развития памяти являются не только республиканские и региональные органы власти, но и местные сообщества, в том числе бизнес-структуры, представители общин (казахских родов), этнокультурных объединений, различных религиозных конфессий.

Литература

1. Медеуова К.А., Сандыбаева У.М., Наурызбаева З.Ж., Толгамбаева Д.Т. и др. Практики и места памяти в Казахстане. Астана, 2017.
2. Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж. де, Винок М. Франция-память / Пер. с фр.: Д. Хапаева. СПб., 1999.
3. Посольство Республики Казахстан в Японии. Официальный сайт. URL: [http://mfa.gov.kz/ru/tokyo/content-view/treta-modernizacia-](http://mfa.gov.kz/ru/tokyo/content-view/treta-modernizacia)

kazahstana-globalnaa-konkurentosposobnost-poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-nnazarbaeva-narodu-kazahstana

4. Medeuova K., Medeuov Zh. Biographical Disjunctures in the Experience of Modernization in Kazakhstan // The Abstracts of Papers of the Biennial Conference of the European Society for Central Asia Studies (ESCAS) “The Steppe and the Sown”. Astana, 2013.

5. Назарбаев Н.А. Послание Президента Республики Казахстан — Лидера нации народу Казахстана Стратегия «Казахстан-2050» — новый политический курс состоявшегося государства. URL: http://akorda.kz/ru/page/page_kazakistan-respublikasynynprezidenti

6. Хазбулатов А., Султанова М. Культурный код нации в концептуальном понимании современной культурной политики Казахстана // Философский и общественно-гуманитарный журнал «Адам әлемі». 2015. С. 85–94.

7. Шалабаева Г.К. Евразийство сквозь призму изобразительного искусства Казахстана. Алматы, 2010.

О.В. Жидкова
Политика памяти и популяризация
исторического знания в России

В настоящее время ведение информационных войн является одной из составляющих как внутренней, так и внешней политики ряда государств современного мира. Одним из применяемых методов данных войн является дезинформация населения той или иной страны, а также мирового сообщества в целом об историческом прошлом. Подобного рода мероприятия и действия в последнее время можно наблюдать на территории стран Прибалтики, Украины, ряда западноевропейских государств, которые занижают, например, роль СССР в деле победы над фашистской Германией во Второй мировой войне.

В этой связи Российская Федерация вынуждена противостоять продвижению разного рода ложной информации, искажающей события прошлого и влияющей на восприятие мировым сообществом места и роли России на современной политической карте мира. При этом официальные российские власти не ставят перед собой задачу участвовать в аналогичных кампаниях по переписыванию событий прошлого для дискредитации, например, роли других участников в упомянутых выше событиях. Так, президент Российской Федерации В.В. Путин заявлял о том, что «предпринимаются попытки перекодировать общество во многих странах, в том числе и перекодировать общество в нашей стране, это не может быть не связано с попытками переписать

историю», отметив, что невозможно «переписать историю под чьи-то геополитические интересы» [1]. Президент также называл «попытки переписать историю недопустимыми и безнравственными, попытками скрыть свой собственный позор» [2]. В поздравительной телеграмме участникам торжественного мероприятия по случаю 110-летия Императорского Русского военно-исторического общества Владимир Путин отметил, что «важно уделять неустанное внимание серьезной научной деятельности, твердо противостоять всем попыткам фальсификации истории» [3].

Аналогичное мнение о проблеме политизации истории в современном мире высказывал в 2009 г. и глава российского МИД Сергей Лавров в своей статье, приуроченной к празднованию 70-й годовщины начала Второй мировой войны: «Политизация истории превратилась в государственное дело в целом ряде стран. Соответствующим должен быть и ответ... Россия не собирается подвергать цензуре историческую науку или переписывать историю на свой лад. Мы выступаем за ее деполитизацию, за ее комплексное изучение — во всей целостности фактов, обстоятельств и причинно-следственных связей. Это будет делаться открыто, с опорой на сотрудничество ученых различных стран по прояснению трудных вопросов общей истории, в том числе в рамках уже существующих двусторонних комиссий историков» [4]. Также министр иностранных дел России заявлял в марте 2018 г., что «на протяжении последних лет мы являемся свидетелями беспрецедентных по масштабам кампаний по политизации и переписыванию истории в угоду политической конъюнктуре. Действия эти носят явно выраженную антироссийскую направленность, стали составным элементом так называемой политики сдерживания России» [5].

Большую озабоченность необходимостью восстановить историческую правду и справедливость выражает и российское научное сообщество [6–11].

Российские власти и научное историческое сообщество считают единственно верным путем решения данной проблемы путь просвещения широких масс населения страны о событиях прошлого, популяризации исторических знаний, прежде всего среди молодого поколения.

Деятельность российских государственных и общественных организаций в этом направлении опирается на утвержденную в 2015 г. постановлением Правительства РФ государственную программу «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» [12]. Среди многочисленных задач, поставленных в Программе, большое внимание уделяется активизации интереса к изучению истории России и формированию чувства уважения к прошлому нашей

страны; углубление знаний граждан о событиях, ставших основой государственных праздников и памятных дат России и ее регионов; повышение интереса граждан к гуманитарным и естественно-географическим наукам; повышение интереса граждан к военной истории Отечества и памятным датам; популяризацию подвигов героев и видных деятелей российской истории и культуры от древних времен до наших дней; активизацию экспертной деятельности по противодействию попыткам фальсификации истории.

Программа ориентирована на все социальные слои и возрастные группы граждан при сохранении приоритета патриотического воспитания детей и молодежи. При этом функции координатора при реализации госпрограммы возложены на Федеральное агентство по делам молодежи.

Так как срок действия данной Программы заканчивается в 2020 г., уже в ближайшем будущем можно будет подводить итоги эффективности данной программы, насколько полно она будет реализована и какие из поставленных задач будут выполнены.

Зачинателями в благородном деле содействия изучению и популяризации истории стали созданные еще в 2012 г. Ассоциация «Русское историческое общество» и общероссийская общественно-государственная организация «Российское военно-историческое общество». Целью Русского исторического общества заявлено объединение усилий государственных и общественных деятелей, ученых, искусствоведов и любителей истории для формирования общероссийской исторической культуры на основе объективного изучения, освещения и популяризации отечественной и мировой истории, сохранения национальной памяти [13]. Общество объединяет в настоящее время более 60 организаций и имеет более 20 региональных отделений. Одним из важных направлений деятельности общества в настоящее время является развитие Федерального историко-документального просветительского портала, посредством которого создаются документальные базы данных, виртуальные выставки и веб-ресурсы, а также единое информационное пространство для любителей истории.

Одним из направлений деятельности Российского военно-исторического общества стал организованный в 2016 г. образовательный проект — лекторий «Исторические субботы», посвященный как известным, так и малоизученным страницам прошлого России. Проводимые регулярно в формате научно-популярных и просветительских лекций историков-профессионалов, данные мероприятия призваны помочь понять причины, предпосылки и результаты многих важней-

ших исторических событий, заставляют задуматься о прошлом, без которого, конечно, нет настоящего и будущего.

Также большой вклад в направлении популяризации российской истории внутри страны и за рубежом, сохранения исторического наследия и традиций народов России, а также поддержки программ исторического просвещения вносит деятельность созданного по указу Президента РФ в 2016 г. фонда «История Отечества» [14]. Среди направлений деятельности фонда стоит отметить многочисленные мероприятия по поддержке издания научных трудов, организации и проведении выставок и экспозиций, производства фильмов на исторические сюжеты, проведение конференций. Также фонд уделяет большое внимание поощрению педагогических работников, от деятельности которых во многом зависит и уровень знаний школьников и студентов, и интерес к историческому прошлому, и чувство патриотизма среди молодого поколения.

Помимо государственной программы, призванной прививать любовь к истории своей страны, воспитывать уважение и гордость за события прошлого, в современной России проводится много просветительских мероприятий и акций, целью которых как раз и является решение задач, поставленных в государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы».

Значимую роль в этом направлении играет деятельность молодежного парламента при Государственной Думе, который, в целях патриотического воспитания, сохранения и популяризации исторических знаний, формирования национальной идентичности у граждан Российской Федерации реализует федеральный проект «Каждый день горжусь Россией». За время реализации проекта было проведено шесть исторических тестирований («Тест по истории Отечества», «Тест по истории Великой Отечественной войны»), которые охватили более чем 3 млн человек из 33 стран мира [15].

Также большим мероприятием стала международная просветительно-патриотическая акция «Диктант Победы», посвященная 74-й годовщине победы Советского Союза в Великой Отечественной войне над фашистской Германией. Всероссийский исторический диктант на тему событий Великой Отечественной войны проводился 7 мая 2019 г. впервые, организаторами стали партия «Единая Россия», Российское историческое общество, Российское военно-историческое общество, Российский союз ветеранов и Всероссийская организация «Волонтеры Победы». Участники акции проверили знание истории на более чем 1,4 тысячи площадок в России и за рубежом. Также тест на знание исто-

рии можно было пройти в режиме онлайн на сайте проекта. В качестве поощрения участников, которые покажут лучший результат, будет почетное приглашение на Парад Победы на Красной площади в 2020 году [16].

Потребность в популяризации истории, в расширении и углублении исторических знаний показал и проводившийся в 2014–2015 гг. опрос 2051 студента из восьми московских вузов, показавший, что только чуть больше половины опрошенных имеют «верхний» уровень исторической осведомленности, получая знания преимущественно из учебников (78% опрошенных) и из Интернета (60,1%) [17]. Зачастую именно Интернет дает не только поверхностную, но и неточную информацию по истории, а также активно способствует распространению исторических мифов и фальсификации истории. Поэтому так важно привлечь и заинтересовать, прежде всего, молодое поколение изучать историю посредством чтения научно-популярной исторической литературы и исторических источников, многие из которых в настоящее время доступны в электронном виде, прослушивания лекций профессиональных историков, также доступных в интернет-пространстве.

Таким образом, можно сделать вывод, что такого рода мероприятия имеют своей целью не столько оценить уровень знаний о событиях прошлого, сколько привлечь внимание общества к затрагиваемым темам, подтолкнуть граждан прослушать лекцию, посмотреть документальный фильм, почитать исторические документы, познакомиться с новыми историческими исследованиями. Обладание такой информацией и знаниями не позволит манипулировать взглядами и умами общества, навязывать другую, так называемую альтернативную точку зрения на те или иные события как далекого, так и недавнего прошлого.

Литература

1. Путин выступил против попыток «перекодировать общество» и переписать историю // Государственное информационное агентство ТАСС. URL: <https://tass.ru/politika/1552609>

2. Путин: за попытками переписать историю стоит желание скрыть собственный позор // Информационное агентство «РИА Новости». URL: <https://ria.ru/20150127/1044538693.html>

3. Путин В.В. Участникам и гостям торжественного мероприятия, посвященного 110-летию Императорского Русского военно-исторического общества // Сайт Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/letters/56124>

4. Лавров С.В. Трагедия Второй мировой: кто виноват? // Российская газета. 01.09.2009. № 162(4986). URL: <https://rg.ru/2009/09/01/voyna.html>

5. Когалов Ю. Лавров: Переписывание истории стало частью политики «сдерживания» России // Российская газета. 14.05.2018 URL: <https://rg.ru/2018/05/14/lavrov-perepisyvanie-istorii-stalo-chastiu-politiki-sderzhivaniia-rossii.html>

6. Давидсон А.Б. История — поле битв. И примирений // Новая и новейшая история. 2015. №2. С. 44–54.

7. Лушин А.Н. Фальсификация истории: теоретический подход к проблеме (на примере России). // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. №23. С. 21–25.

8. Покида А.Н. Отношение населения к историческим событиям и личностям в отечественной истории // Диалог мировоззрений: историческая память в условиях общественных изменений. Материалы XIII Международного симпозиума. А.В. Дахина. Н. Новгород, 2015. С. 114–118.

9. Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. Динамика исторической памяти в российском обществе (по результатам социологического мониторинга) // Социологические исследования. 2016. №3. С. 98–117.

10. Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2014. №4. С. 106–126.

11. Чубарьян А.О. Вторая мировая война в современной историографии и общественном сознании // Вестник Российской академии наук. 2016. Т. 86. №5. С. 387.

12. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы. URL: <http://static.government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkJ1jsKAErrx2dE4q0ws.pdf>

13. Российское историческое общество [сайт]. URL: <https://historyrussia.org/ob-obshchestve/o-nas.html>

14. Фонд «История Отечества» [сайт]. URL: <https://fond.historyrussia.org>

15. Проект Молодежного парламента при Государственной Думе «Каждый день горжусь Россией!» [сайт]. URL: <http://кдгр.рф/o-proekte>

16. Всероссийский исторический диктант на тему событий Великой Отечественной войны [сайт]. URL: <https://диктантпобеды.рф>

17. Алексеев С., Плотнокова О. Между учебником и интернетом. Об историческом знании современной российской молодежи // Российская газета. 01.06.2015. № 6(615). URL: <https://rg.ru/2015/06/23/rodina-internet.html>

Ф.Е. Золотарев
Имидж России и энергетическая сфера
в российско-европейских отношениях

Энергетическая сфера представляет особый интерес для огромного количества стран. В мире наблюдается систематический рост спроса на энергоресурсы разных видов, что ведет к наращиванию взаимодействия между странами-экспортерами и странами-импортерами [1]. В основе лежит стремление обеспечить энергетические потребности для поддержания баланса между уровнем энергетических запасов и энергопотреблением. Другой задачей для них остается необходимость обеспечить собственную энергетическую безопасность, под которой понимается долгосрочное, надежное и экономически выгодное сотрудничество в стабильных энергетических поставках [2]. Это заставляет страны осуществлять множество сделок в энергетической сфере, что формирует огромный энергетический рынок «спроса и предложений». Одним из таких сюжетов в мировой энергетической сфере являются отношения между Российской Федерацией и Европейским союзом.

Институциональной рамкой для современных российско-европейских отношений в энергетической сфере является серия договоров и межправительственных соглашений, заключенных в период 1990–2010-х гг. Так, Соглашение о партнерстве и сотрудничестве от 1997 года и заключенный спустя два года Меморандум о правительственном сотрудничестве в энергетическом секторе открыли доступ для подписания двусторонних соглашений [3, 4]. Отдельно в Дорожной карте энергетического сотрудничества России и ЕС до 2050 года обе стороны предприняли попытки координировать долгосрочные энергетические интересы, урегулировав их через создание механизмов раннего предупреждения и гармонизировав торговлю различными видами ресурсов: нефтью, газом, углем и атомным топливом [5].

Тем не менее, современные российско-европейские отношения в энергетической сфере, которые изначально характеризовались как прагматичные и преследовали исключительно экономические интересы, стали приобретать политический оттенок. Газовые конфликты 2006 и 2009 гг., а также события 2014 г. по-своему осложнили общий энергодиалог между Россией и странами ЕС [6]. Сумма этих факторов воздействует на внешнеполитический имидж России, который понимается в качестве формирующегося образа из комбинаций многочисленных фрагментов [7, с. 269]. Важным при этом остается то, каким образом и с каким идеологическим контекстом будет создаваться модель под страну [8, с. 180]. Это по-особому сказывается на отдельных

сферах российско-европейских энергетических отношений: газовой, нефтяной и атомной отрасли.

В газовой сфере на европейском направлении Россия сегодня реализует энергетические проекты по двум направлениям: экспорт газа по центральному коридору через Украину и по северному коридору напрямую в Германию. Транзит газа через Украину связан с разветвленной сетью газораспределительных систем и операторов, с последующей доставкой в страны Восточной и Юго-Восточной Европы. Перебои с поставками в 2009 г. из-за конфликта по газовым тарифам между украинским Нафтогазом и российским Газпромом, от которых пострадали домашние хозяйства в европейских странах, не только сказались на формировании настороженного отношения к России, но также повлияли на принятие Третьего энергетического пакета и созданию децентрализованного внутреннего энергорынка ЕС. В период с 2014 по 2019 гг. из-за событий на Востоке Украины и на новом витке конфликтов между энергетическими компаниями вопрос по транзиту газа решается в трехстороннем формате РФ–Украина–ЕС. Стабильные встречи и консультации сторон отражают обоюдный интерес к сохранению украинского коридора, но отсутствие договоренностей и контрактов на срок более одного года говорит также о сохраняющемся недоверии между ними. В отношении Северного потока-2, который должен быть введен в эксплуатацию в 2020 году, позиция ЕС отличается кардинальным образом. Несмотря на стабильные поставки газа по северному коридору и стремление удвоить пропускную способность с 55 до 110 млрд м³ газа, а вместе с этим компенсировать потенциальные потери от рисков с украинским маршрутом, проект Газпрома позиционируется как угроза для всей энергетической безопасности ЕС. При этом сама компания транслируется в качестве опасного монополиста, деятельность которого отражает геополитические намерения стоящей за ней страны [9]. Все эти факты говорят о формировании в ЕС преимущественно негативного образа России в газовой сфере.

В нефтяной сфере отношения между Россией и ЕС не являются настолько напряженными. Взятый странами ЕС курс на постепенную декарбонизацию и переход на возобновляемые источники энергии призван сократить энергетическую зависимость от ископаемого вида топлива, что в свою очередь ведет к сокращению поставок не только из России. Кроме того, страны ЕС взяли обязательства по созданию единого Энергетического союза, где будут реализовываться все практики и механизмы по созданию низко-углеродной и безвредной для окружающей среды экономики [10]. Даже случай с загрязнением российской нефти по трубопроводу Дружба сказался лишь на изменении

количественных показателей поставок нефти, не затронув политические взаимоотношения между импортерами и экспортерами. Страны ЕС вместо нагнетания ситуации и перевода ее в политическую плоскость приняли практические меры по ликвидации ущерба и проводят серию мероприятий по замещению нефтяных поставок [11]. Следовательно, имидж России в нефтяной сфере мало восприимчив к воздействию со стороны европейских партнеров.

В атомной сфере Россия реализует свою внешнюю энергетическую политику при помощи госкорпорации Росатом и ее дочерних предприятий. На протяжении длительного времени она позиционирует себя в качестве надежного партнера, который активно сотрудничает со многими европейскими странами. Это сотрудничество включает в себя широкий спектр деятельности по сооружению АЭС и энергоблоков вместе с поставками обогащенного уранового продукта и компонентов к ним. Вместе с этим трагедия на Фукусиме в 2011 году стала показательной для стран ЕС, часть из которых приняли решение о постепенном отказе от атомной энергетики и решительно осуждают расширение ядерной энергетики в Европе [12]. В отсутствие фактов, подтверждающих опасность и стигматизирующих российскую атомную компанию на европейском рынке, в атомной сфере ЕС пытается оспорить лидерство Росатома через бюрократические механизмы, затягивающие процесс согласования позиций. Так, соглашение с Венгрией по энергоблоку «Пакш-2» было одобрено Еврокомиссией лишь после серии проверок и изменения срока контракта с Росатомом до 10 лет [13, с. 124]. Реализуемый в Финляндии проект по строительству атомной электростанции Ханхикиви-1 также понес временные издержки в связи с затянутой системой лицензирования проекта Еврокомиссией [14]. В результате в атомной сфере ЕС не участвует в формировании негативного образа России, однако через бюрократические механизмы создает препятствия для деятельности ее компаний, что косвенным образом способно сказаться на доверии к российскому производителю в этой области.

Итак, имидж России в российско-европейских энергетических отношениях отличается своей сложностью. С одной стороны, в газовой сфере ЕС стремится сконструировать образ России в качестве экзистенциальной угрозы энергетической безопасности всего Объединения при объективных выгодах от кооперации с восточным соседом, в то время как в атомной сфере на институциональном уровне создаются бюрократические препятствия с последующими репутационными издержками для России. В нефтяной же сфере наблюдается сотрудничество и прагматичный экономический интерес при реализации энерге-

тических проектов и сделок. В результате имидж России становится комплексным и осложняется контекстом ее внешнеполитической деятельности. Основу имиджа составляет сумма образов «выполняющего обязательства по соглашениям партнера» и «угрожающий энергетической безопасности геополитический сосед».

Литература

1. Внутреннее потребление электроэнергии // Статистический Ежегодник мировой энергетики. 2018. URL: <https://yearbook.enerdata.ru/electricity/electricity-domestic-consumption-data.html>

2. Жизнин С.З. Российская энергетическая дипломатия и международная энергетическая безопасность (геополитика и экономика) // Балтийский регион. 2010. №1. С. 8–21.

3. Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, 1 декабря 1997 г. // Постоянное представительство Российской Федерации при Европейском союзе. URL: https://russiaeu.ru/userfiles/file/partnership_and_cooperation_agreement_1997_russian.pdf

4. Меморандум о промышленном сотрудничестве в энергетическом секторе между министерством топлива и энергетики Российской Федерации и Европейской комиссией, 11 февраля 1999 г. // Постоянное представительство Российской Федерации при Европейском союзе. URL: https://russiaeu.ru/userfiles/file/memorandum_on_industrial_cooperation_in_energy_sector_1999_russian.pdf

5. Дорожная карта энергетического сотрудничества России и ЕС до 2050 г., март 2013 // Постоянное представительство Российской Федерации при Европейском союзе [сайт]. URL: https://russiaeu.ru/sites/default/files/user/Roadmap%20Russia-EU%20Energy%20Cooperation%20until%202050_Rus.pdf

6. Вестфаль К., Лихачев В. Доклад отношения России и ЕС в сфере энергетики // Российский совет по международным делам. 2017. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/Russia-EU-Energy-RIAC-DGAP-Report35ru.pdf>

7. Нейматова А.Я. Проблема имиджа в политике и политической науке // Вестник МГИМО. 2011. №2. С. 268–274.

8. Чернышов Ю.Г. Имидж страны как фактор «мягкой силы» в международных отношениях: история и современность (итоги интернет-конференции) // Известия АлтГУ. 2017. №5 (97). С. 178–183. DOI: [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2017\)5-32](https://doi.org/10.14258/izvasu(2017)5-32).

9. Schmidt-Felzmann A. Instrument russischer Geopolitik // Deutsche Gesellschaft für Auswärtige Politik e.V. Publikationen 2018. URL: <https://zeitschrift-ip.dgap.org/de/article/instrument-russischer-geopolitik>

10. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee, the Committee of the Regions and the European Investment Bank. A Framework Strategy for a Resilient Energy Union with a Forward-looking Climate Change Policy (com/2015/080 final) // EUR-Lex. Access to European Union Law. 2015. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:52015DC0080&from=EN>

11. Грушевенко Е. От Европы до Urals: чем рискует Россия из-за скандала с «Дружбой» // РБК. 30 апреля 2019. URL: <https://www.rbc.ru/politics/04/05/2019/5cccc3a59a7947e921d5df58>

12. Watson N. Czechs Risk Wrath of EU over Nuclear Power Project // Politico. 22.02.2018. URL: <https://www.politico.eu/article/dukovany-czech-risk-wrath-of-eu-over-nuclear-power-project>

13. Боровский Ю. В. Международное соперничество в энергетике: на примере восточноевропейского рынка атомной энергии // Вестник МГИМО-Университета. 2017. №6. С. 114–129.

14. Путешествия атома на суше и на море // Интерфакс. 4 января 2019. URL: <https://www.interfax.ru/business/644029>

Ю.В. Ирхин

***Анализ стадий генезиса России как уникальной
евразийской цивилизации и российского государства
в парадигме политики памяти***

В современном мире социокультурные и цивилизационные факторы играют возрастающую роль. Проблемы «столкновения цивилизаций», «линий разлома» между ними, как, собственно, и «притяжения» — одна из актуальных междисциплинарных тем. Многие исследователи полагают, что в международной и российской повестке дня цивилизационные проблемы и их осмысление все отчетливее выходят на ведущее место.

Цивилизация — культурная общность людей, обладающих некоторым социальным (этническим) генотипом, социальным стереотипом, при этом прошедшая ряд этапов в своем развитии и освоившая определенное (большое) пространство. Под цивилизацией понимается устойчивое единство всех оснований объединения людей, их общностей и культур, опирающееся на преобладающую совокупность технологий, информационных и ценностных отношений.

Категория «цивилизация» отражает уникальность той или иной национально-культурной, исторической традиции, ее специфическое содержание, способы передачи и воздействия на облик общества и

человека. Ей присущ определенный культурный релятивизм, отказ от расстановки обществ по ступеням прогресса, перенос внимания на структуры культурной традиции.

Понятие «цивилизация» в первую очередь определяет уровень и результат поступательного развития общества, в то время как «культура» выражает или отражает механизмы и процессы освоения этого уровня и достигнутого результата.

Своеобразие российского политического развития и исторического генезиса России во многом определяются тем, что она является евразийской цивилизацией. Многие известные российские (Н.Я. Данилевский, Н.А. Бердяев и др.) и зарубежные (А. Тойнби, С. Хантингтон) ученые полагали правомерной постановку вопроса о российском обществе как о самостоятельном цивилизационном феномене.

Российская цивилизация отличается от других цивилизационных образований по своим древне-историческим, лингвистическим и религиозным корням, основным ценностям, характеру, доминантам и своеобразию развития. «Евразийцы» (Н. Трубецкой, П. Савицкий и др.) и их последователи рассматривали Россию, как Евразию, особое географическое и культурное пространство, «срединный материк» между Азией и Европой и др.

С одной стороны, особенность российской цивилизации состоит в том, что она колоссальна по территории: на две трети (по количеству населения) находится в Европе, а пространственно — значительной частью в Азии (с 1772 по 1867 гг. включала Аляску в Америке с территорией площадью 1 млн 519 тыс. км²). С 8 апреля 1783 г., в соответствии с Указом императрицы Екатерины II, Крым вошел в состав России.

С другой стороны, российская цивилизационная система ценностей, разумеется, имеет свои имманентные сущностные черты, их своеобразное взаимодействие. Основные ценности и ориентации: русский (древнерусский) язык; державность; системообразующая роль государства; ориентация на верховную власть и активизация (организация) народа (гражданского общества) в критические моменты истории; многонациональное, равноправное взаимодействие и уважение наций и народов в ее составе; традиционно позитивные взаимоотношения религий (православие, ислам и др.); соборность; особое значение ценности патриотизма; сложные разрывы и взаимодействия между элитами и массами; имманентная тяга к коллективистским действиям и решениям, доминанта «справедливости» в массовом сознании др.

Понятие «российская цивилизация» все шире используется в заявлениях государственных и общественных деятелей Российской Федерации, документах. Так, например, в платформе партии «Единая Россия» отмечается, что одной из ее важнейших задач на ближайшие годы является «дальнейшее развитие России как уникальной цивилизации, защита общего культурного пространства, русского языка, наших исторических традиций».

Выделяя основные стадии в историческом генезисе России и отмечая их прерывность и своеобразие, тем не менее, целесообразно рассматривать их в рамках единого исторического (цивилизационного) процесса. Действительно, для исторической судьбы России были характерны разрывность, резкое отличие стадий ее генезиса. Н.А. Бердяев писал, что «русский народ развивался... катастрофическим темпом, через прерывность и изменение типа цивилизации» [1, с. 7].

Так, в работе Ю.К. Бегунова, А.В. Лукашева и А.В. Пониделко обращается внимание на то, что исторический процесс на Руси, в России шел довольно длительным и сложным образом [2, с. 146]. Они полагают, что Россия знала и пережила семь крупных цивилизационных периодов: «первый» (I–X вв.), «второй» (988–1240 гг.), «третий» (сер. XIII в. — 1547 г.), «четвертый» (1547–1700 гг.), «пятый» (1700–1917 гг.), «шестой» (1917–1985 гг.), «седьмой» (с рубежа 90-х гг. XX в. до современности).

Эти авторы значительно углубляют во времени первый период. Следует заметить, что официально признанным временем организации начал российской государственности, как известно, является более поздний этап — вторая половина IX в. (862 год).

Целесообразно учитывать характерные черты, коды и особенности генезиса российской цивилизации, влияющие и на государственную организацию общества. Среди них: 1. Стадиальная прерывность и ценностно-языковая целостность в историческом развитии. 2. Особая роль государства в обеспечении безопасности и существовании населения; в обеспечении условий для назревшей модернизации общества. 3. Материальный успех имеет подчиненное по отношению к социальным нормативам и идеалам значение; диспаритеты материальной успешности противоречат социальной гармонии. 4. Идеал соборности. Общинно-эгалитарный критерий индивидуальной деятельности. 5. Государственный патернализм. Высокий уровень социальной мобильности определяется активностью государства. 6. Персонифицированность политических ориентиров. Царистский культ. Феномен народной монархии. Общественная активность иницируема сверху. 7. Основопо-

лагающее ценностное и коммуникационное значение праславянского, древнерусского и русского языка, а также соответствующих мифологических кодов и принципов.

В связи с указанным полистадиальным подходом к анализу генезиса российской цивилизации определенным интерес представляет статья В.Л. Суркова. Им выделены четыре основные модели российского государства, которые условно названы именами, скажем так, Лидеров: 1. Государство Ивана Третьего (Великое княжество/Царство Московское и всея Руси, XV–XVII вв.). 2. Государство Петра Великого (Российская империя, XVIII–XIX вв.). 3. Государство Ленина (Советский Союз, XX в.). 4. Государство Путина (Российская Федерация, XXI в.) [см.: 3; 4].

В принципе, такая постановка вопроса вполне коррелируется с определенными стадиями российской цивилизации и соответствующими им типами политической организации.

Другой вопрос, что лидеров можно было бы назвать и побольше, обозначив подвижки внутри обозначенных четырех моделей. Например, — период в третьей модели, — государство Александра I («Он взял Париж, он основал Лицей» (А.С. Пушкин)). Александр I создал систему министерств, а в состав России при нем входили, в частности, Аляска, Финляндия (с 1809 по 1917 г.), Польша и давно уже Крым. Или, скажем, Хрущевский период «оттепели», период Горбачевской «перестройки, ускорения, гласности» и игнорирования национальных интересов России и т.д.

Предложенная В.Л. Сурковым четырехфазовая модель российского государства достаточно рациональна. Но ее можно было бы дополнить и более ранним типом российской государственности — Древней Русью (страной многих городов, разбросанных на огромных территориях, со слабыми связями).

Тезис В.Л. Суркова о «глубинном народе» России также естественен, историчен. Глубинный народ спас Россию от поляков, он победил в 1812 году. С ним неразрывно связаны все революции в России в XX в., и от него зависит генезис России XXI в.

Сегодня следует обратить внимание и на значение технологических вызовов российской цивилизации на основных этапах ее генезиса и, разумеется, в современных условиях. Это важно еще и в связи с тем, что исторически, для определенных этапов генезиса России, был характерен мобилизационный тип развития. Сегодня для нее необходимы «прорывные» технологии, институты, решения [см.: 5].

В современных условиях перед российской цивилизацией снова стоят модернизационные вызовы, связанные со вступлением человечества в информационно-цифровую эпоху и острейшей конкуренцией, серьезными конфликтами между государствами и цивилизациями в изменяющемся мировом порядке.

Для дальнейшего генезиса российской цивилизации жизненно необходимо обеспечение высоких темпов формирования передового научно-технологического базиса производства, нового поколения эффективных управленцев [6, с. 640]. В целом можно говорить о начале вступления России в новую цивилизационную стадию развития.

В этой связи на повестке дня стоит задача формирования эффективного проектного, платформенно-цифрового, социально ориентированного управления Россией при координации всех ее основных общественных институтов и сил: государство — бизнес — научные сообщества — гражданское общество, причем как по линии прямого, так и постоянного обратного взаимодействия. Соответственно, российское государство может медленно трансформироваться [7].

Речь идет о формировании модели высокотехнологичного, прозрачного, ответственного перед гражданами государства, под руководством компетентной, патриотической элиты как продолжения российского цивилизационного генезиса.

Литература

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
2. Бегунов Ю.К., Лукашев А.В., Пониделко А.В. 13 теорий демократии. СПб. 2002.
3. Сурков В.Л. Долгое государство Путина. Идеи и люди // Независимая газета. 2019. 11 февраля. URL: http://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html
4. Болтенкова Л.Ф. О Долгом государстве Путина (размышления по поводу статьи Владислава Суркова) // Вопросы политологии. 2019. Вып. 4. 2019. С. 614–625.
5. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года. Указ Президента РФ от 7.05.2018. №204.
6. Ирхин Ю.В. Лидеры России: новые кадры для решения новых задач // Вопросы политологии. 2019. Вып. 4. Т. 9. С. 639–649.
7. Государство как платформа: люди и трансформации / Ред. М.С. Шклярук. М., 2019.

О.Ю. Курныкин
Политика памяти в Индии
и формирование имиджа страны

Целью статьи является рассмотрение во взаимодействии двух сравнительно недавно появившихся в политическом лексиконе конструктов — имиджа государства и политики памяти на индийском материале. Это позволяет вывести данную проблематику за пределы западного политического ландшафта и исторического опыта, учесть своеобразие незападных (нередко именуемых «неклассическими») вариантов.

Среди двух сотен существующих в современном мире государств можно встретить различные модели их позиционирования на мировой арене и формирования имиджа как инструмента внешней политики. Выбор той или иной модели обусловлен многими обстоятельствами (экономическим и военным потенциалом, внешнеполитическими целями и задачами, политической культурой, историческим багажом и т. д.). Имидж того или иного государства складывается как суммирующий результат взаимодействия различных факторов и условий, носящих объективный характер, а также сознательных усилий государственных и медиа-структур, определяемых целеполаганием правящей элиты. Имидж — это конструкт, плод сознательных усилий, но его невозможно сформировать в отрыве как от сложившихся устойчивых исторических, социокультурных характеристик и ресурсного потенциала той или иной страны, так и конкретных действий властной элиты на международной арене и внутри страны (что не всегда учитывается в должной мере). Расхождение «экспортного варианта» имиджа государства и его образа, продвигаемого для внутреннего употребления, может сохраняться какой-то период, но не бесконечно долго.

Другой рассматриваемый феномен — политика памяти — также возник на основе западного (европейского) исторического опыта, но затем нашел применение в практике мобилизации масс и межгосударственных отношений в других регионах мира. В известном смысле политика памяти, как в линзе, отражает комплексы, а подчас и травмы национального самосознания. Политика памяти многофункциональна; она может стать способом осмысления исторической вины и решительного разрыва с нацистским прошлым в послевоенной Германии; средством мобилизации населения и стимуляции общественного энтузиазма в условиях экономической депрессии (складывание «культы Победы» в Российской Федерации); политика памяти может проявляться в написании этноцентричных и мифологизированных вариантов национальной истории, прежде всего в «молодых» государствах, возникших в результате деколонизации или вышедших из состава рас-

павшихся многонациональных государственных образований. Наконец, историческая память может оказывать угнетающее, депрессивное влияние на ментальное состояние общества (о чем свидетельствует сообщение В.Р. Филиппова на конференции АШПИ).

Политика памяти в отличие от истории как научной дисциплины избирательна. Она находит отражение в ритуализации через государственные праздники, в открытии памятников тем или иным государственным деятелям, в инициированных сверху кампаниях в СМИ к определенным историческим датам. При этом поминовение становится политическим выбором [1, с. 77].

Политика памяти затрагивает духовную, ценностно-смысловую сферу национальной идентичности, формируя ориентиры и подводя основу под историческое бытование того или иного этноса. Вместе с тем она является инструментом манипуляции общественным сознанием, а значит, и компонентом внутривнутриполитического процесса. Правда, общество не всегда готово откликнуться на предлагаемые ему трактовки исторических событий или памятных дат национальной истории, определяемые запросами и целеполаганием государства.

Однако практика последних десятилетий свидетельствует о том, что политика памяти может быть обращена и вовне, за пределы национальных границ, тем самым вторгаясь в сферу межгосударственных отношений. Речь идет о предъявлении «исторических счетов» за массовую гибель населения в ходе военных и межэтнических конфликтов, за колониальное унижение и лишение суверенитета в результате принудительного включения в имперские комплексы. Уже не являются единичными попытки предъявления бывшим метрополиям требований о выплате компенсаций за страдания местного населения и выкачку ресурсов из стран, составлявших прежде колониальную периферию, и следует быть готовыми к расширению подобной практики.

Рассмотрим теперь, как соотносятся рассматриваемые концепты «имиджа государства» и «политики памяти» с индийскими реалиями. Очевидно, Индия вписывается в общемировые тренды современного глобализирующегося и вместе с тем все более многокрасочного и конкурентного мироустройства. При этом конкуренция на мировой сцене не только охватывает в современных условиях привычные сферы (военные технологии, финансово-экономические и природные ресурсы, политико-дипломатическое влияние и т. д.), но и проявляется в «конкуренции образов», т.е. способности государств вызывать благожелательный интерес и симпатию со стороны других членов мирового сообщества, тем самым укрепляя свой «престижный ресурс». Казалось бы, Индия обладает явным преимуществом в создании привлекатель-

ного образа страны благодаря мощной историко-культурной традиции, характеризующейся отсутствием склонности к военно-политической агрессии и этноцентристскому высокомерию. Усилиями индуистских проповедников Вивекананды, Ауробиндо Гхоша, Махатмы Ганди на Западе возникает устойчивый интерес к индийской культуре, религиозным практикам, философии. Культурная элита Запада стала воспринимать Индию как кладезь духовности и мистических откровений. При этом Ганди удалось капитализировать этот образ в практику ненасильственной борьбы с британским колониализмом (сатьяграху).

Освободившись от власти англичан без революционного насилия, что не вписывалось в опыт революционных движений как на Западе, так и на Востоке, Индия пыталась закрепить за собой особую роль и особое место в мировом сообществе. Действительно внешнеполитический курс добившейся независимости Индии отличался очевидной своеобычностью (политика неприсоединения в условиях bipolarного мироустройства, которая мотивировалась, в том числе, этико-религиозными традициями индийской цивилизации). Мирная риторика и акцентирование на политико-дипломатических методах построения ненасильственного и справедливого миропорядка предполагали скромное финансирование индийских вооруженных сил. Однако «мирное наступление» Индии на мировой арене как определяющая черта внешнеполитического курса первого премьер-министра независимой Индии Джавахарлала Неру и «сугубо оборонительная», по оценкам ряда экспертов [2, с. 55], военная стратегия обернулись унижительным поражением индийской армии в пограничном конфликте с Китаем в 1962 г. Индийские вооруженные силы не прошли тест на боеспособность, выявилось значительное отставание Индии (даже от Китая) в военно-технической сфере.

Травмировавшая индийское самосознание неудача в военном конфликте с Китаем побудила внести коррективы в формировавшийся имидж Индии как знаменосца и апологета ненасильственного и справедливого мироустройства и мирного разрешения конфликтов. В образ Индии стала привноситься «мускулистость», был взят курс на модернизацию вооруженных сил и приобретение собственного ядерного потенциала. Индийская ядерная программа, запущенная в середине 1950-х гг., первоначально имела сугубо гражданский характер, но затем, в середине 1960-х гг., была дополнена военной составляющей. Суровые реалии мировой политики (приобретение Китаем в 1964 г. ядерного оружия, неудача попыток получить гарантии безопасности от ядерных держав) побудили Индию сделать решительный шаг: в 1974 г. было проведено первое «мирное» испытание индийского ядерного

устройства (операция под характерным названием «Улыбающийся Будда»), а после серии ядерных испытаний в 1998 г. (операция «Шакти») Индия де-факто (хотя не де-юре) становится ядерной державой. Показательно, что произошло это после прихода к власти оппозиционной «Бхаратия Джаната Парти», не связанной наследием и авторитетом «апостола ненасилия» Махатмы Ганди. Разворот Индии в сторону приобретения ядерного статуса происходил не просто, с колебаниями и задержками, что связано было не столько с технологическими проблемами (Индия довольно быстро продвигалась в освоении ядерных технологий), сколько с принятием политической ответственности за это решение. Сдерживающим фактором, как представляется, были также имиджевые издержки, связанные с отказом от прежних внешнеполитических установок, побуждавших премьер-министра Дж. Неру заявить в 1949 г., что страна «не помышляет о создании ядерного оружия», а в 1954 г. выступить с инициативой о введении моратория на ядерные испытания [3].

Впрочем, на протяжении первых десятилетий существования Республики Индия ее имидж на мировой арене был не столько результатом целенаправленных усилий, сколько побочным продуктом внешнеполитической стратегии и дипломатической практики. На рубеже XX–XXI вв. в условиях нарастания конкуренции культур и образов в мировом политическом и информационном пространстве актуализировалась задача создания и продвижения «государственного бренда» Индии вовне.

Формирование имиджа Индии в современных условиях обусловлено все более проявляющимся в индийском обществе самоуважением, в основе которого возрастающий экономический и научно-технический потенциал, глубокая культурная традиция, претензии на лидерство не только в южноазиатском регионе, но и в Азии в целом, что сталкивает ее с Китаем.

После прихода к власти Бхаратия Джаната Парти в 2014 г. внешняя политика Индии приобрела больший динамизм, новое руководство государства во главе с Нарендра Моди стало больше внимания уделять формированию и продвижению образа страны как сильной, технологически развитой, демократической и ответственной державы мирового уровня. Индия стремится закрепить за собой статус великой державы, обладающей собственным ракетно-ядерным потенциалом, подкрепленный растущей экономической мощью. Этим усилиям придается системный характер, правительством выделяются дополнительные материально-финансовые и кадровые ресурсы. По оценкам индийских экспертов, именно после прихода к власти Н. Моди «впервые пред-

принимаются последовательные усилия по повышению стоимости бренда Индии за рубежом» [4]. Однако некоторые аспекты внутренней политики Бхаратия Джаната Парти могут скорректировать образ Индии как демократического, плюралистического общества, в котором защищаются интересы всех граждан независимо от их этнической, религиозной, кастовой принадлежности. Эти аспекты имеют отношение к содержательному наполнению и способам реализации политики памяти в ее индийском варианте.

Отметим, что феномен «политики памяти» применительно к Индии недостаточно исследован, что, возможно, отражает ситуацию ее меньшей востребованности или же ее специфичности. Мощные культурные пласты, формировавшиеся на протяжении тысячелетий и составившие основу индийской цивилизации, избавляют от необходимости удревления национальной истории или других проявлений комплексов «молодых наций».

Вместе с тем, опыт Индии свидетельствует о том, что политика памяти, обращаясь к доиндустриальным социальным стратам и институциональным связям, может стать фактором архаизации общественного сознания. Политика памяти может использоваться не только государственными структурами / правящими партиями, но и иными акторами (религиозно-политические группировки, касты, этнические общины и т. д.). Очевидно, что востребованность историко-культурных символов и знаковых исторических фигур особенно возрастает в период проведения электоральных кампаний.

Симбиоз архаики и модерна, характерный для Индии, определяет специфику как содержания, так и инструментария политики памяти. Эта специфика обуславливается, прежде всего, задачами (мобилизация определенных социальных страт) и учетом особенностей адресата (степень модернизированности этих страт).

Свойственная Индии мифологизированная историческая память становится прибежищем патриархального коллективистского сознания, религиозных суеверий и негативной мобилизации (объединение на основе противостояния «иноверию»). Вместе с тем индийское общество уже продолжительное время (еще со времен британского колониального правления) погружено в глобальные политико-идеологические процессы, определяемые в научной терминологии как модернизация и глобализация, что обуславливает раздвоенность, а возможно и более сложную конструкцию массового сознания и стереотипов поведения.

Подключение традиционалистски настроенных слоев индийского общества к политическим процессам (политическая социализация)

неизбежно ведет к актуализации соответствующих символических образов и ментальных конструкций, укладывающихся в представления о величии индуистской цивилизации.

Отмеченные черты политики памяти в индийском преломлении фокусируются в так называемом «деле храма», оказавшем заметное влияние на расстановку политических сил и межконфессиональные отношения в стране в течение последних трех десятилетий.

Индуистские ортодоксы придали символическое значение строительству храма Рамы в священном для индуистов городе Айодхья на месте разрушенной мечети Бабура. Завершение строительства грандиозного индуистского храма трактуется как исправление исторической несправедливости, совершенной в отношении индусов во времена Великих Моголов. При этом индуистских ортодоксов мало беспокоит реакция 190-миллионной мусульманской общины Индии. События вокруг храма в честь бога Рамы в Айодхья, по сути, подрывают идейно-политические заветы Ганди и Дж. Неру, видевших Индию в качестве многоконфессионального, плюралистического сообщества равноправных граждан.

Нарендра Моди, вновь занявший в мае 2019 г. пост премьер-министра Индии после победы Бхаратия Джаната Парти на парламентских выборах, дает основание оппонентам в упреках в благосклонности к идеям и деятельности сторонников превращения Индии в индуистское государство. Для мобилизации индуистского большинства БДЖП широко использует мифологемы о «золотом веке Индии», якобы утраченном в результате вторжения в XIII веке арабских и среднеазиатских захватчиков-мусульман, положившего начало «тысячелетнему рабству», когда индусы жили под властью мусульман, а затем англичан. Стержневым элементом политики памяти для индуистских религиозно-политических организаций стало активно продвигаемое и даже культивируемое утверждение об осквернении священных индуистских памятников иностранными захватчиками и необходимости исправления этих «исторических ошибок». Таким образом, события прошлого, трактуемые соответствующим образом, подчас без опоры на надежные научные доказательства, опрокидываются в современность и небезуспешно используются для расширения собственной электоральной базы.

Показательно, что риторика «хиндутвы» (индусскости, т.е. приверженности индуистскому образу жизни) находит приверженцев не только среди традиционалистски настроенных слоев общества, но и среди образованных представителей среднего класса — IT-инженеров, корпоративных менеджеров, банковских служащих, воодушевленных призывами к возрождению Индии на основе индуистских ценностей.

Оказываясь за пределами страны, образованные и преуспевающие индийцы нередко сталкиваются со снисходительным отношением к индуистским религиозным практикам, но при этом они жаждут уважительного отношения к своей стране.

На практике хиндутва трансформируется в индуистский национализм с призывами к возрождению Хинду раштра (Нации индусов) и с лозунгом «Индия должна принадлежать индусам». Мусульмане и христиане, по мнению идеологов хиндутвы, представляют экзистенциальную угрозу индийской нации и не могут претендовать на равное участие в ее формировании. Для обоснования подобных утверждений дается соответствующая трактовка истории Индии с акцентом на историческую несправедливость, допущенную мусульманскими и европейскими завоевателями в отношении индусов. Сторонники Нарендра Моди, отмечая его вклад в защиту индуистских ценностей, присвоили ему почетное имя Хинду Храдей Самрат (Император индуистских сердец) [5]. Политика правительства Бхаратия Джаната Парти ведет к маргинализации мусульман в государственных органах, представительных структурах, системе образования и т.д., что порождает у них настроения обиды и неуверенности в завтрашнем дне.

Таким образом, апелляция к индуистским ценностям находит отклик в различных слоях индийского общества, что лишним раз свидетельствует о том, что религия в современных условиях становится важнейшим маркером национально-культурной идентификации. Сторонники сохранения секуляристских основ индийского государства сохраняют пока сильные позиции в политическом пространстве Индии, но находятся в обороне. Победный марш индуистского национализма в дальнейшем может ослабить культурное обаяние Индии и ее имидж как плюралистического, толерантного общества, вбирающего в себя многообразие культур, языков, верований. Следующее десятилетие покажет, какой выбор между секуляризмом (в трактовке Махатмы Ганди и Дж. Неру) и индуистским проектом сделает страна.

Литература

1. Палат М.К. История и память. Часть вторая // Идеи и идеалы. 2012. № 1 (11).

2. Зайцев М.С. О военной стратегии Индии // Вестник МГИМО-Университета. 2017. №2 (53).

3. Мустафин Р. Когда улынулся Будда. URL: <https://zvezdaweekly.ru/news/t/20193111128-49zkm.html>

4. Pant H.V. India's Soft-Power Strategy // Outlook. 31.08.2015. URL: <https://www.outlookindia.com/website/story/indias-soft-power-strategy/295206>

5. Kazmin A. How Hindy Nationalism Went Mainstream in Mody's India // Financial Times. 2019. May, 9. URL: <https://www.ft.com/content/4b68c89c-711c-11e9-bf5c-6eeb837566c5>

Е.И. Красильникова, О.А. Громова
Политика и память: Гражданская война в Сибири
в отражении монументов разных эпох*

Мы живем в мемориальную эпоху. Проблемы увековечивания памяти о значимых для общества событиях стоят как никогда остро. Современный мир охвачен «войнами памяти», отражающими острую конкуренцию между разными версиями исторического прошлого, порожденными его переоценками, «ревизиями», «переоткрытиями», «фальсификациями». На наших глазах меняются созданные предшествующими поколениями системы памятных мест, куда включены мемориалы, исторические музеи, заповедники, некрополи и др. Разрушение и снос памятников и надгробий, открытие мультимедийных парков-музеев и новых мемориалов — все это, с одной стороны, отражает динамику культурных традиций, а с другой — тенденции идеологизации прошлого, или политики памяти, которая выражается как в открытой пропаганде, так и в индоктринации — латентной манипуляции общественным сознанием. В современной науке «политика памяти» понимается как совокупность всех видов действий политиков и чиновников, имеющая формальную легитимацию, целью которой является поддержание, вытеснение или переопределение тех или иных элементов коллективной памяти [1, 60–61]. Намеренная идеологизация прошлого и воздействие на сознание методами монументальной пропаганды нередко приводят общество в состояние напряжения и конфронтации. Именно поэтому в процессы мемориализации должны включаться эксперты — профессиональные историки, философы, краеведы, культурологи и политологи, способные давать глубокую, научно обоснованную оценку минувшим событиям, уводя общественную дискуссию на темы памяти от переживания прошлого к его рациональному осмыслению.

Стараниями разных субъектов память о неоднозначно переживаемых и сложных для понимания исторических этапах неизбежно воплощается в многообразных и противоречивых «твердых» монументальных формах, создающих определенные смысловые акценты в го-

* Работа подготовлена при поддержке РФФИ. Проект: 19-011-31114 «Политика памяти: исторические символы и коммеморативные практики в системе социально-политической саморегуляции региона (Сибирь XX — нач. XXI в.)».

родской среде. До сих пор основу мемориального пространства сибирских городов составляют памятные места, связанные с Гражданской войной, главные события которой произошли сто лет назад. Цель данного исследования — охарактеризовать мемориальную инфраструктуру, связанную с Гражданской войной в городах Сибири и предложить возможные варианты ее преобразования в связи со столетием начала Гражданской войны в нашем регионе.

Памятные места — коммеморации (на языке “memory studies”), представляют собой сознательные социальные акты передачи нравственно, эстетически, мировоззренчески или технологически значимой информации (или актуализации ее) путем увековечения определенных лиц и событий, то есть введения образов прошлого в пласт современной культуры [2, с. 1]. Коммеморация также может быть понята как процесс, который мобилизует разнообразные дискурсы и практики в репрезентации события, содержит в себе социальное и культурное видение памяти о событии и служит выражением солидарности группы [3, р. 7]. Историческая память общества выражается в коммеморациях, которые могут быть как индивидуальными, так и коллективными. Однако и в индивидуальной коммеморации обычно отражен социальный контекст.

Формы коммемораций разнообразны: от надгробия до юбилейных торжеств, от фотографии до реабилитации жертв политических репрессий. Широко известный французский историк П. Нора — автор концепции «мест памяти» еще в 1990-х гг. высказал мнение, что применительно к современности можно говорить о «срастании» понятий коммеморации и места памяти. «Места памяти» П. Нора не являются местами в географическом или туристическом смысле. Скорее, это — материальные места, превратившиеся в культурные символы. Личность, событие, текст, здание, гимн, любой другой объект, окруженный «символической аурой» и «способный удерживать в обществе представление о самом себе и своей истории» может быть назван «местом памяти». Места памяти неизбежно отражают напластования смыслов, которые им придают разные поколения и социальные группы. Смыслы могут быть противоречивыми и взаимоисключающими. Это связано с тем, что различные сообщества используют места памяти для конструирования собственной идентичности и самоопределения. Традиционные для российских городов памятные места, некогда выражавшие строго определенный смысл, к настоящему моменту превращаются в места памяти, отражающие веера смыслов [4]. Системы памятных мест российских городов хранят смыслы, заложенные в разные исторические эпохи разными коммемораторами. Со временем эти

смыслы меняются под воздействием контекстов политики памяти, меняются и сами системы памятных мест: одни бесследно исчезают, другие реконструируются и вновь создаются.

Отличительная черта городских памятных мест — их публичность, то есть общедоступность, общественность, нахождение вне пределов частного пространства. Памятное место репрезентирует прошлое в публичном пространстве, как правило, делая «мертвое», «незримое» прошлое «великим», «славным», «героическим», «живым» и актуальным. Для местного сообщества, в отличие от туристов и прочих чужаков, городские памятные места — части коммеморативной инфраструктуры, включаются в строй городской идентичности, служат необходимым условием для работы коллективной памяти («памятования»). Другим условием выступает функционирование городского топонимического глоссария, а также идей — исторических образов, известных из местного фольклора и литературы [5, с. 167–169]. Сохраняя связь с живой, вариативной социальной памятью, памятное место становится местом памяти, символом, который используется в процессе самоидентификации обитателей локуса.

Коллективная память придает прошлому ценностное и дидактическое значение. Памятные места включаются в экскурсионные маршруты и путеводители по городам, их образы используются в краеведческой литературе, в учебных пособиях по местной истории, в музейных репрезентациях, в документальном кино. Становясь таким образом частью дискурса публичной истории, памятник репрезентирует «уроки истории», смысл которых обычно неоднозначен с позиции ученого. Сама по себе публичная история на практике нередко сводится к упрощенным репрезентациям прошлого и отстаиванию субъективной дефиниции, далеко не всегда отвечающей научной исторической реконструкции, конкурирует с профессиональной историографией [6, с. 219]. Д. Тош считает, что публичная история обычно не поднимается до больших общенациональных проблем, преимущественно обращая внимание на сюжеты локальной истории, на основе которых конструируется локальная идентичность [7, р. 191]. Однако отдельные события, происходившие на локальном уровне, могут обретать глобальный смысл. Таковы события Гражданской войны в Сибири, во многом непонятные и плохо известные сибирякам — нашим современникам, однако в силу своего огромного значения достойные нового этапа мемориализации.

Памятная дата актуализирует извечный вопрос об уроках истории и адекватных формах увековечивания памяти о значимом и сложном прошлом, во многом определяющем нашу сегодняшнюю идентичность. Си-

бирь, по выражению современников тех драматичных и кровопролитных событий, стала в 1918–1919 гг. одним из основных «нервов Гражданской войны». Современная историография показывает, что события, происходившие в нашем регионе: мятеж чехословацкого корпуса и падение власти первых совдепов, установление режима А.В. Колчака и его быстрый сход с политической арены, имели колоссальное значение не только для Сибири, они определяли ход Гражданской войны и дальнейшую судьбу России [8]. Однако глубина современной научной рефлексии над событиями столетней давности слабо связана с существующей мемориальной инфраструктурой, доставшейся нам в наследство преимущественно от советского времени. Основные мемориалы создавались в начале 1920-х гг., преимущественно как надгробия на братских могилах героев и жертв Гражданской войны. Однако символика этих мемориалов предельно абстрактна (рука, сжимающая факел, столп и т.п.), она не связана с конкретным местом. Аналогичные монументы могли бы находиться и в других советских городах, увековечивая память об иных событиях. Пластические формы этих памятников отвлечены, они восходят к символике классицизма и романтизма, к культурным эпохам, хронологически соответствующим Великой французской революции и трагедии Парижской коммуны. Некоторые из советских монументов дополнялись новыми элементами в более поздние 1950-е — 1960-е гг. Так, в Новосибирске появилась аллея бюстов героических жертв «колчаковщины», проясняющая местные события, возвращающая городу имена местных героев — революционеров, деятелей большевистского подполья, партизан. Углублению и конкретизации памяти о событиях Гражданской войны, связанных с конкретным местом, помогали и советские мемориальные доски, многие из которых сохранились до сих пор.

Однако память о Гражданской войне в Сибири, отраженная в монументах, до сих пор биполярна. Советские мемориалы и сегодня включаются в политизированные коммеморации: коммунистические и государственные, приуроченные ко дню Победы. Белогвардейских мемориалов, равновесных советским, не существует. Однако уместно вспомнить пример Казачьего парка в Омске — созданного в 2005 г. по инициативе потомков белых эмигрантов на месте разрушенного мемориального Казачьего кладбища. Этот мемориал символически противостоит советским и порицает варварское отношение большевиков к ценностям православной веры и семейной памяти. Посещение Казачьего парка — «бывшего» некрополя побуждает задуматься о забвении бесчисленных негероических жертв Гражданской войны, память о которых до сих пор никак не увековечена. К примеру, в Новосибирске, потерявшем в результате боев, эпидемии тифа и эмиграции половину

населения, нет ни одного памятника, который бы напоминал об этой трагедии.

Попытка выразить идею примирения сторон отражена в памятнике Колчаку, установленном в Иркутске на месте расстрела «черного адмирала» у реки Ангары (скульптор Александр Клыкков, 2004). Фигура Колчака, облаченного в военную форму, выполнена в полный рост. Он задумчив, его голова опущена, он делает шаг навстречу тем, кто на него смотрит, его шинель расстегнута, чем подчеркнута открытость героя. Однако традиционное художественное решение памятника скорее героизирует Колчака, как фигуру памяти, нежели выражает неоднозначность его режима. На постаменте изображены непримиримые враги — красноармеец и белоармеец, опустившие оружие. Так выражается символическое примирение сторон, которое реально едва ли достигнуто и сегодня.

Сегодня сибирские города нуждаются в памятных символах нового типа. Этап формирования политического культа Гражданской войны был пройден в советское время и исчерпал себя. Реабилитация и героизация белого движения, обусловленная политикой памяти 1990-х гг., не содержит в себе иного потенциала, кроме продолжения войны на поле брани коллективной памяти. В настоящее время актуально сделать акцент на признании трагедии войны, в которой невозможно установить объективно чью-то правоту или вину. Еще одной задачей современного этапа мемориализации Гражданской войны в Сибири может стать поиск неотмеченных мест погребения массовых, негероических ее жертв, фактически существующих в каждом сибирском городе. Такие места должны быть отмечены мемориальными знаками, с тем чтобы служить напоминанием о той страшной цене, которую платит общество, идущее по пути экстремизма в разрешении политического конфликта. При этом стоит учитывать, что погибшие были людьми разных взглядов и религиозных убеждений. Поэтому к выбору соответствующих символов следует подходить максимально деликатно.

Литература

1. Васильев А.Г. Политика памяти: Российский опыт в свете теоретико-методологической рефлексии // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2014. С. 59–68.

2. Святославский А.С. Среда обитания как среда памяти: к истории отечественной мемориальной культуры: автореф. дис. ... д-ра культурологии. М., 2012.

3. Sherman D. The Construction of Memory in Interwar France. Chicago, 1999.

4. Франция — память. СПб., 1999.

5. Дахин А.В. Город как место памятования // Гуманитарная география. Альманах. №4. М., 2006. С. 164–172.

6. Ходнев А.С. Культура памяти и публичная история // Ярославский педагогический вестник. 2015. №6. С. 218–221.

7. Tosh J. Public History, Civic Engagement and the Historical Profession in Britain // History. The Journal of Historical Association. 2014. Vol. 99. №335. P. 191–212.

8. Круглый стол «Начало гражданской войны в Новониколаевске и России» прошел на территории исторического парка «Россия — моя история» // Образование и православие. URL: <http://www.orthedu.ru/eparh/19181-kruglyy-stol-nachalo-grazhdanskoy-voyny-v-novonikolaevske-i-rossii-proshel-na-territorii-istoricheskogo-parka-rossiya-moya-istoriya.html>

А.В. Кремлев, О.Г. Лекаренко
Политика памяти и формирование
международного имиджа Республики Северная Македония

Распад Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ) привел к образованию ряда независимых государств. В результате данного процесса югославская республика Македония стала независимым государством Республика Македония. Унаследованное страной название сразу же породило острый конфликт с соседней Грецией, который препятствовал международному признанию Македонии и ее вступлению в различные международные организации. В итоге название страны стало частью ее международного имиджа.

Под термином имидж принято понимать целенаправленно формируемый образ кого- или чего-либо [1, с. 7]. При изучении имиджа той или иной страны важно различать внутренний образ страны как набор представлений граждан о своей стране и ее месте в мире, и внешний образ, ориентированный на представления о стране, сложившиеся за пределами национального культурного поля и определяющие ее репутацию [1, с. 10]. В формировании имиджа страны политика памяти занимает не последнее место, создавая образ страны как для внутреннего потребителя, так и для международного сообщества.

Суть проблемы названия «Македония» состоит в том, что на Балканах, кроме Республики Македония, есть еще Пиринская Македония, которая примерно соответствует Благоевградской области Болгарии, а также греческий регион Македония, на территории которого находится

ся второй по величине город Греции — Салоники. Все вместе эти три территориальных образования примерно соответствуют историческому региону античного Македонского царства.

Проблема не ограничивается только названием. Парадокс заключается в том, что современные македонцы, будучи южнославянским народом, попытались присвоить себе историческое наследие древних македонцев [2, р. 56]. Правящая элита Республики Македония старалась создать образ древних македонцев как отдельного этноса, который не имеет никакого отношения к грекам. Греки же считают, что древние македонцы были греками или родственным грекам народом. О древнемакедонском языке известно немного, так как во времена завоеваний Александра Македонского древнегреческий почти вытеснил древнемакедонский язык из употребления. В связи с этим ученые-лингвисты не могут точно определить, каков был характер родственных связей между этими двумя языками, но то, что эти языки родственные, является бесспорным фактом [3, с. 168].

Спор о том, кому принадлежит наследие древних македонцев, выглядит достаточно странным. Во-первых, славяне поселились на Балканах лишь в V в. н.э. [4, с. 8]. Во-вторых, этноним македонцы, применяемый для обозначения одного из южнославянских народов, заселивших часть территории древнего Македонского царства, появился только в конце XIX в. [5, р. 7]. Период конца XIX — начала XX в. характеризовался ростом националистических настроений в Европе. Македония в этом плане была довольно сложным регионом. Здесь, кроме славян и греков, жили еще албанцы, румыны, турки, евреи и цыгане. Однако в плане идентичности большую роль для местного населения играла религиозная, нежели национальная принадлежность.

После Второй мировой войны в результате предпринятой И. Броз Тито реорганизации довоенного трехстороннего устройства Югославии (сербы — хорваты — словенцы) в федерацию из шести республик возникла югославская республика Македония. В тот момент это не вызвало никакого беспокойства со стороны Греции, так как Македония была лишь одной из республик в составе СФРЮ. Отношение греков резко изменилось в 1991 г., когда Республика Македония стала независимым государством. В Греции возникли опасения, что македонцы могут предъявить претензии на территорию исторической Македонии. В 1992 г. в городе Салоники прошла одна из крупнейших в истории современной Греции демонстраций. Около миллиона греков собрались под транспарантами, на которых было написано «Македония — это Греция» [6].

Чтобы предотвратить нарастающий конфликт между независимой Македонией и Грецией, в 1992 г. международным сообществом было принято решение закрепить за Македонией временное название «Бывшая Югославская Республика Македония». Именно под таким названием она вступила в ООН, участвовала в Международном олимпийском комитете и других международных организациях. Однако данное название не устраивало греков из-за слова «Македония», а македонцев из-за слова «югославская».

Первый крупный конфликт между Македонией и Грецией произошёл по поводу использования македонцами символики древней Македонии. Вергинская звезда, служившая украшением гробницы македонского царя, стала предметом спора двух современных государств. Эта звезда изображена на флаге греческого региона Македония. Однако, когда в 1991 г. Республика Македония стала независимой, вергинская звезда появилась и на ее флаге. Конфликт был настолько острым, что Греция в итоге ввела запрет на торговлю с Республикой Македония и сняла его только в 1995 г., когда македонцы заменили древний символ «новым солнцем свободы», воспетым в национальном гимне страны [7].

Новая волна спора за наследие древней Македонии была спровоцирована действиями партии Внутренняя македонская революционная организация — Демократическая партия за македонское национальное единство (ВМРО–ДПНЕ), которая пришла к власти в 2006 г. [4, с. 355]. Данная партия считает себя преемницей организации, борющейся за независимость от Османской империи в конце XIX — начале XX в. Период правления ВМРО–ДПНЕ был ознаменован появлением по всей стране многочисленных памятников Александру Македонскому и его отцу Филиппу Второму. В рамках проекта «Скопье–2014» центр столицы Республики Македония оказался перегружен памятниками различным историческим деятелям, в том числе античного периода. Архитектурный ансамбль города пополнился зданиями, напоминающими об античной культуре. Проводимая ВМРО–ДПНЕ политика антиквизации вызвала возмущение и протесты в соседней Греции [8]. Греция заблокировала вступление Республики Македония в состав Европейского союза (ЕС) и Организации Североатлантического договора (НАТО), требуя изменить название страны.

Изменения стали возможны после прихода к власти партии Социал-демократический союз Македонии. Новое правительство Македонии, сформированное в 2017 г., предприняло шаги для урегулирования спора с Грецией, что открыло бы стране путь в ЕС и НАТО. К этому времени греческие власти также стали более спокойно относиться к наличию слова «Македо-

ния» в названии соседнего государства. Для них главное, чтобы название было составным. В итоге 17 июня 2018 г. министры иностранных дел Греции и Республики Македония Никос Кодзиас и Никола Димитров на озере Преспа торжественно подписали договор, согласно которому Республика Македония должна принять новое название Республика Северная Македония. В этом случае Греция была готова снять свои претензии к названию страны.

Именно этот договор, вступивший в силу после его ратификации парламентами обеих стран, позволил разрешить конфликт Македонии с Грецией и начать процесс ее вступления в НАТО. Новое название страны оказалось приемлемым и для македонцев, и для греков. Несмотря на наличие как на македонской, так и на греческой стороне радикалов и недовольных новым названием страны, на государственном уровне конфликт между Грецией и Македонией был улажен. Благодаря этому, 6 февраля 2019 г. в Брюсселе был подписан протокол о вступлении Республики Северная Македония в НАТО [9]. После ратификации протокола парламентами всех подписавших его стран, на что может уйти примерно год, Македония сможет стать полноправным членом Североатлантического альянса.

2 апреля 2019 г. премьер-министр Греции Алексис Ципрас стал первым высокопоставленным греческим политиком, посетившем Республику Северная Македония. В ходе визита А. Ципрас, которого сопровождали министры правительства и представители греческого бизнеса, и премьер-министр Северной Македонии Зоран Заев договорились о сотрудничестве между двумя странами, включая работу совместной комиссии экспертов по анализу школьных учебников на предмет предвзятости. Накануне визита в целях улучшения отношений с Грецией шоссе Александра Македонского в Скопье было переименовано в шоссе дружбы [10].

Греческо-македонский конфликт является наглядным примером того, как политика памяти, используемая для достижения внутривнутриполитических целей (формирование определенной идентичности для укрепления государства), одновременно создает проблемы для международного имиджа страны, препятствующие реализации ее внешнеполитических задач (международное признание, вступление в существующие международные организации). После обретения независимости Республика Македония решила позиционировать себя как преемница древней Македонии в историческом и культурном плане. «Славное прошлое» должно было объединить жителей многонациональной Македонии. Однако такое присвоение прошлого не способствовало формированию позитивного международного имиджа страны в глазах ее ближайших соседей и мирового сообщества. Только изменение названия страны, снимающее

опасения соседей о возможных территориальных и иных претензиях со стороны Македонии, открыло ей путь для выстраивания отношений с европейскими и атлантическими структурами.

Литература

1. Семененко И.С. Образы и имиджи в дискурсе национальной идентичности // Полис. Политические исследования. 2008. №5. С. 7–18.

2. Danforth L.M. The Macedonian Conflict: Ethnic Nationalism in a Transnational World. Princeton, 1995.

3. Нерознак В.П. Палеобалканские языки. М., 1978.

4. История южных и западных славян / Под ред. Г.Ф. Матвеева, З.С. Ненашевой. Т. I. М., 2008.

5. Cowan J. Macedonia: The Politics of Identity and Difference. L., 2000.

6. When Greeks Rallied against FYROM Name in 1992. URL: <https://greece.greekreporter.com/2018/01/22/when-greeks-rallied-against-fyrom-name-in-1992>

7. Greece and the Former Yugoslav Republic of Macedonia. Interim Accord (with related letters and translations of the Interim Accord in the languages of the Contracting Parties). Signed at New York on 13 September 1995. URL: http://untreaty.un.org/unts/120001_144071/6/3/00004456.pdf

8. Macedonia Statue: Alexander the Great or a Warrior on a Horse? // The Guardian. 14.08.2011 URL: <https://www.theguardian.com/world/2011/aug/14/alexander-great-macedonia-warrior-horse>

9. Македония вступает в НАТО. Разговоры о «руке Москвы» затихают // Русская служба BBC. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-47147228>

10. Селфи мира: исторический визит премьера Греции в Северную Македонию // Русская служба BBC. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-47793374>

Обсуждение в Интернете

jav streaming

25 июня 2019 в 15:36

Thank you so much, your article is excellent. Hard to pass such a great information like that.

Д.В. Леденев
«Войны памяти» на постсоветском пространстве

В 1991 г. произошло событие, которое в корне изменило сложившуюся ситуацию в мире — распался Советский Союз. Если ранее все произошедшие в стране изменения еще можно было как-то замедлить или повернуть вспять, то после путча ГКЧП и встречи глав России, Украины и Белоруссии в декабре 1991 г. это стало невозможным. Вместе с советским государством распалась и формировавшаяся десятилетиями система международных отношений: вместо биполярной структуры эпохи Холодной войны начала складываться тенденция к однополярности, которая и определяла международные процессы в 1990-х годах. Россия в качестве нового субъекта международных отношений должна была выстраивать внешние связи как с традиционными, так и с новыми партнерами. Персонально эта задача легла на плечи Президента РФ Б.Н. Ельцина и тогдашнего министра иностранных дел А.В. Козырева.

При этом Российская Федерация выступала как официальная преемница СССР, который оставил после себя значительное наследие, включающее в себя как материальные факторы — государственную собственность на территории страны и за рубежом, внешний долг, архивы, так и не материальные — подписанные международные договоры, членство в Организации Объединенных Наций и других международных организациях. Особое место в этом наследии занимал нематериальный компонент — концепция общей истории, которая преподавалась на его территории до распада. По объективным и субъективным причинам не все государства бывшего СССР позитивно восприняли эту концепцию, а выработанные за следующие три десятилетия собственные альтернативные версии национальной истории зачастую входили в противоречие друг с другом, что привело к так называемым «войнам памяти».

Коренное изменение подхода к изучению истории в государствах бывшего СССР подтверждает исследование, проведенное российскими учеными в 2008 году на основании ряда проектов. По их результатам был подготовлен доклад под названием «Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории новых независимых государств» [1].

Целью проведенного исследования являлось изучение преподавания истории в школах на постсоветском пространстве и, прежде всего, оценка восприятия истории XX века. Учеными были исследованы 187 школьных учебников и учебных пособий Азербайджана, Армении, Беларуси, Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Латвии, Литвы, Молдовы,

Узбекистана, Украины и Эстонии. Одновременно были проведены массовые опросы, результаты которых оказались противоречивыми, в том числе из-за примененных методов выборки.

В результате исследования ученые пришли к выводу, что общей чертой школьных учебников новых национальных государств является стремление представить контакты с русскими и Россией как источник бедствий, а советское прошлое и вовсе подвергается забвению. В числе исключений упоминаются лишь Белоруссия и Армения [1, с. 11].

Именно по этой причине, по мнению авторов доклада, молодые люди в возрасте 18–30 лет ничего не слышали о таких событиях, как Февральская революция, или о XX съезде КПСС. В этом вопросе по результатам особенно выделяются Узбекистан и Армения.

Следует отдельно отметить и вопрос отношения к И. Сталину, который абсолютно во всех концепциях истории постсоветских государств оценивается как отрицательный персонаж, злодей, кровавый тиран и жестокий диктатор, который проводил политику истребления народа [1, с. 233].

Но здесь также присутствует интересная закономерность: наиболее позитивно образ И. Сталина воспринимался в конце нулевых в Узбекистане (53%) и Кыргызстане (61%), в то время как в той же Белоруссии, которая воспринимает себя правопреемницей БССР, положительно Сталина оценивают лишь 19% опрошенных при негативном отношении 55%.

Эти показатели меньше лишь в государствах Прибалтики, что объясняется памятью о массовых репрессиях, которые привели к уничтожению значительной части национальной интеллигенции и депортации населения в 1940–1941 годах. В то же время в учебнике по истории Белоруссии для 10 класса Е.К. Новика говорится: «С середины 1950-х до середины 1990-х гг. в Беларуси было реабилитировано более 160 тыс. граждан, пострадавших от политических репрессий. Вместе с тем десятки миллионов жертв политических репрессий в СССР, о которых рассказывается в публикациях последних десятилетий, — не что иное, как миф, запущенный в общественное сознание для дискредитации социалистической системы. Требуются усилия и время для научной разработки проблемы политических репрессий, с тем чтобы подобное больше нигде и никогда не повторилось» [2, с. 85].

Однако совсем недавно памятник Сталину был открыт на территории мемориального комплекса «Линия Сталина». Это показывает двойственный характер отношения современной Беларуси как к фигуре И.В. Сталина, так и к советскому периоду в целом [3].

Наиболее ярким примером создания новой концепции национальной истории и последующего за этим конфликта с другими государствами при ее продвижении и отстаивании в рамках «войны памяти» выступает, на наш взгляд, Украина. Стержнем новой исторической концепции Украины выступает теория «тысячелетней традиции», ведущая свои корни от «Киевской Руси» как первого протоукраинского государства. Этот тезис вступает в прямое противоречие с концепциями российских историков, которые рассматривают период «Киевской Руси» как этап формирования первого русского государства. Без Киевского периода Россия становится более молодым государством, чем Украина.

По мнению ряда украинских исследователей, праздничные мероприятия по случаю 1150-летнего юбилея России, проходившие в 2012

году, в рамках которых точкой отсчета стало прибытие Рюрика и варягов в Старую Ладугу, позволяют подчеркнуть древность российской государственной традиции без упоминания Киева [4].

В своей новой национальной концепции Украина предстает европейским миролюбивым государством, ставшим жертвой иноземных завоеваний (со стороны Польши и России). Она имеет традицию демократических институтов казачества, а также долгую историю, подтверждающую ее право на независимость. Краеугольным камнем новой украинской истории выступает утверждение, что голодомор 1932–33 годов, унесший 7 миллионов жизней, Чернобыльская катастрофа 1986 года и другие трагедии случились лишь потому, что Украина в то время не была суверенным государством. Таким образом, самостоятельность рассматривается как несомненное благо, интеллектуальная и властная элита прославляет ее как единственную возможность избежать повторения былых трагедий. История играет значительную роль и в том, чтобы отстоять исконное право украинцев на свои земли, когда его начинают оспаривать другие государства, прежде всего Россия. В основу новой исторической теории легла концепция историка Михаила Грушевского, являющегося одним из родоначальников украинской государственности, который разработал концепцию исторического развития украинского народа. «История Украины-Руси» Грушевского, в 11 томах, называется украинскими исследователями «исторической Библией украинского народа» [4].

Оценки украинских историков, как и содержание школьных учебников, изменились в постсоветский период по семи ключевым вопросам:

1. Киевская Русь рассматривается либо как протоукраинское государство, либо как образование, на наследие которого украинцы имеют преимущественное право. Государственным символом Киевской Руси был трезубец, а денежной единицей — гривна, что оценивается как дополнительный аргумент в пользу 1000-летней традиции государственности.

2. Переяславский договор 1654 года считается уже не «воссоединением» двух ветвей одного народа, а скорее конфедеративным договором равных. Украину (точнее — украинское казачество) к нему принудило нежелание Польши признать ее третьим членом Польско-Литовской конфедерации.

3. Царская власть оценивается сугубо отрицательно, ибо принесла в Украину крепостничество, ликвидацию национальной элиты и денационализацию.

4. Австрийское господство в Галиции оценивается более положительно, ибо оно позволило сформировать украинскую нацию.

5. Украинская Народная Республика, Гетманщина и Директория в период 1917–1921 годов объявлены законными попытками создания собственного государства.

6. Сталинизм назван инициатором открытой войны против украинского языка, культуры, национальной элиты. Искусственно вызванный голодомор 1932–1933 годов признан геноцидом украинцев.

7. Партизаны-националисты из Украинской Повстанческой Армии в годы Второй мировой войны изображаются борцами и против нацистов, и против коммунистов. Тем не менее, для украинской постсоветской историографии это самый противоречивый и сложный период [4].

По всем указанным вопросам новая концепция украинской истории напрямую противоречит российской историографии указанных событий, что создает реальные предпосылки для «войны памяти» и пропагандистских спекуляций с обеих сторон.

В 2014 году на постсоветском пространстве появилось новое интеграционное объединение — Евразийский экономический союз (ЕАЭС), который, несмотря на ведущую роль экономической составляющей, пытается сформировать и общее гуманитарное ядро. В этих условиях, по нашему мнению, особенно важными становятся усилия по преодолению «войн памяти», разделяющих, а не объединяющих государства бывшего СССР. Тем более успешные примеры таких усилий присутствуют как на Западе, так в Союзном государстве России и Белоруссии [5]. Есть также опыт альтернативного представления об общей истории региона, предпринятый редакцией российско-американского журнала «Ab Imperio» и изначально задуманный как экспериментальный учебник по истории всей Северной Евразии [6].

Однако конфликты по вопросу общей истории и «войны памяти» далеки от завершения, что подтверждается примером Украины, и, по нашему мнению, создание общей исторической концепции хотя бы в рамках СНГ, как и общего учебника истории потребует долгого периода экономической и политической интеграции.

Литература

1. Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории новых независимых государств / ред. А.А. Данилов, А.В. Филиппов. М., 2009.

2. Новик Е.К. История Беларуси, 1917–1945 гг.: учеб. пособие для 10-го класса учреждений общего среднего образования с русским языком обучения. Минск, 2012.

3. Герасимчик В. «Война памяти». Как изменилось восприятие общей истории гражданами постсоветских стран. URL: <http://eurasia.expert/voyna-pamyati-kak-izmenilos-voxpriyatie-obshchey-istorii-grazhdanami-postsovetskikh-stran>

4. Kuzio T. History, Memory and Nation Building in the Post-Soviet Colonial Space // Nationalities Papers. Vol. 30. №2. P. 241–264. DOI: 10.1080/00905990220140649.

5. Антонович И.И. Союзное государство Беларуси и России: история и современность. М., 2014.

6. Новая имперская история Северной Евразии / Под ред. И. Герасимова. Казань, 2017.

Т.Н. Литвинова
Политизация результатов Кавказской войны
в деятельности черкесских организаций
России и Турции

В 1864 г. закончилась Кавказская война в России, которая сопровождалась исходом горских племен Северо-Западного Кавказа (преимущественно черкесов) в Османскую империю. Их земли были предназначены для заселения казаками и русскими переселенцами. Беженцы из района военных действий считали Стамбул, который являлся центром мусульманского мира, более безопасным местом для жизни. Первое массовое переселение черкесов произошло в 1860–1865 гг., следующая волна миграции стала результатом Русско-Турецкой войны и охватила 1877–1878 гг. Сведения о численности выходцев из Северо-Западного Кавказа, оказавшихся за пределами родины, не точны, но примерно оценивались в 500 тыс. — 2 млн человек [1; 2; 3, с. 315]. В настоящее время черкесская диаспора, проживающая не только в Турции, на Ближнем Востоке, но и в Европе и США, оценивается в 2–2,5 млн человек. В литературе называют и большие цифры, до 7 млн человек [4, с. 217–218].

21 мая 1864 г. на черноморском побережье пал последний свободный аул Ахчипский. Эта дата стала памятной как для черкесских народов, проживающих в России (черкесов, адыгейцев, шапсугов и кабардинцев), так и для зарубежной диаспоры. В настоящее время в программных документах этнических организаций, резолюциях национальных съездов, при проведении памятных мероприятий результаты Кавказской войны, которую вела Российская империя, оцениваются в терминах геноцида адыгов и политизируются.

Этническое возрождение черкесской диаспоры в Турции началось около тридцати лет назад. Турецкие черкесы организовали первую церемонию поминовения через 125 лет после исхода. Первый день памяти, проведенный в Анкаре в 1989 году, стал началом культурного и политического возрождения черкесской диаспоры. Результатом возрождения исторической памяти стало появление этнических объединений, нацеленных на организацию языковых курсов, культурных вечеров и поездок на родину. Широкие сети связали черкесов Турции и Северного Кавказа: радиопрограммы, преподаватели и коллективы народных танцев, обмен студентами. Этнические ассоциации играют инструментальную роль в процессах конструирования и артикуляции идентичности черкесской диаспоры.

В Турции действует около 80 ассоциаций адыгов. Большинство из этих ассоциаций объединились в Федерацию кавказских ассоциаций (Kaffed (Каффед)) в 2003 г. Все ассоциации-члены Каффед расположены в регионах со значительным черкесским населением.

Черкесские ассоциации со всего мира в 1991 г. создали в г. Нальчике зонтичную организацию, называемую Международной Черкесской Ассоциацией. Через свои членские организации Международная Черкесская Ассоциация представлена в Российской Федерации (Адыгее, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Краснодарском крае и Москве), а также в Абхазии, Турции, Иордании, Сирии, Израиле, ЕС, США.

Одной из наиболее острых и болезненных проблем национального движения адыгов во всем мире является требование признания геноцида черкесов во время Кавказской войны российскими властями и международным сообществом. В октябре 2006 г. черкесские общественные организации девяти стран — России, Турции, Израиля, Иордании, Сирии, США, Бельгии, Канады и Германии — направили Президенту Европейского парламента И.Б. Фонтеллесу обращение с просьбой о признании геноцида черкесского народа в период и после Кавказской войны XIX века. Согласно их обращению, результатом насильственной депортации адыгов (черкесов) с территории Северо-Западного Кавказа стала утрата родины, языка и культуры.

Таким образом, заявления о признании геноцида против черкесов, озвученные лидерами их национальных организаций, служат идее этнической консолидации всех адыгов в единую нацию с общей историей и целью.

С первого дня своего основания в 2003 г. Каффед систематически проводил ряд мероприятий для понимания и объяснения значения Дня геноцида и изгнания 21 мая. Вокруг этой даты организовывались научные встречи, публиковались академические исследования. В резуль-

тате настойчивых действий Каффед в церемонии поминовения 21 мая ежегодно принимают участие тысячи людей.

Каффед также создал специальный интернет-сайт «21 мая» в следующих целях [5]:

- предоставить результаты исследований и информацию, необходимую для понимания трагической истории черкесского народа;
- способствовать признанию факта черкесского геноцида и изгнания черкесов международным сообществом, включая Российскую Федерацию, Турцию и все другие страны;
- предоставить площадку ознаменования памяти жертв геноцида и изгнания, сосредоточив на ней информацию о поминальных мероприятиях и материалы для тех, кто хотел бы организовать такие мероприятия.

Для черкесских народов, проживающих в России, наиболее важными вопросами этнического возрождения также являются: этническая консолидация, признание геноцида и репатриация соотечественников на историческую родину.

3 октября 2009 года в г. Майкопе состоялся VIII Конгресс Международной Черкесской Ассоциации (МЧА). На Конгрессе было составлено два обращения к тогдашнему Президенту Российской Федерации Д.А. Медведеву. В первом обращении делегаты МЧА выступили за охрану национальных памятников культуры и культурно-исторического наследия адыгов, которым угрожало возведение спортивных сооружений и инфраструктуры в окрестностях Сочи. Во втором — депутаты Конгресса обратились к Президенту Российской Федерации с просьбой предоставить представителям черкесской диаспоры за рубежом правовой статус соотечественников, что могло бы облегчить процесс репатриации [6].

Между тем, за последние двадцать лет всего около 3 тысяч человек вернулись на историческую родину в Кабардино-Балкарию, Республику Адыгея, Карачаево-Черкесскую Республику и Абхазию из-за рубежа.

Тот факт, что зимние Олимпийские игры 2014 г. были проведены в Сочи, также был чувствительным вопросом для черкесов. Красная Поляна, место проведения зимних Олимпийских игр в Сочи, является районом, где 21 мая 1864 г. российские войска провели парад в честь окончания Кавказской войны. Эта дата и место для черкесов были ярким напоминанием о поражении в войне.

В 2007 г. расположенная в Турции организация «Кавказский форум» провела кампанию под названием «Олимпийский геноцид», собрав и предоставив 10 000 подписей в Международный олимпийский комитет. После выбора Сочи в качестве места проведения зимней

Олимпиады кампания по признанию геноцида превратилась в кампанию «Нет Сочи 2014». Наконец, 15 февраля 2014 г. группа активистов черкесской диаспоры провела акции протеста перед Генеральным консульством России в Стамбуле, заявляя, что факт геноцида не может быть сокрыт проведением Олимпийских игр [7, с. 181].

Одним из актуальных вопросов последних лет являются беженцы из Сирии. Обе организации — Международная Черкесская Ассоциация в России и Каффед в Турции — серьезно обеспокоены репатриацией черкесов из зон боевых действий на родину. 29 ноября 2014 года в Нальчике состоялась встреча, посвященная этой проблеме. Делегаты обсудили работу, проводимую МЧА и республиканскими властями по обустройству сирийских черкесов в Кабардино-Балкарии, Адыгее и Карачаево-Черкесии.

После инцидента с российским Су-24 российско-турецкие отношения оказались в кризисе, что отразилось и на замораживании некоторых плановых мероприятий Каффед и МЧА.

30 июня 2018 г. в Анкаре состоялось очередное заседание Совета Международной Черкесской Ассоциации (МКА). Совет обсудил вопросы деятельности Федерации кавказских обществ в Турции, положение черкесов в Сирии и меры по оказанию помощи соотечественникам, проживающим в Российской Федерации, подготовку иностранной черкесской молодежи в российских вузах, состояние и перспективы развития черкесского языка, подготовку и проведение 12-го Конгресса Международной Черкесской Ассоциации, принятие новых общественных организаций адыгов в МЧА и другие вопросы.

21 мая 2019 г. как в России, так и в Турции проводились массовые мероприятия в ознаменование 155-го Дня памяти и скорби по жертвам Кавказской войны. По сообщению «Кавказского узла», мероприятия в Турции прошли не без инцидентов. Например, власти Стамбула запретили траурное шествие к стенам российского Генерального консульства [8].

В Нальчике памятное мероприятие собрало около 3000 человек. Руководитель МЧА Хаути Сохроков выступил с обращением: «Память об этой войне продолжает жить в сознании нашего народа. <...> Масштаб этой трагедии непостижим: практически погибло или было изгнано со своей родной земли 9 из 10 адыгов. Сотни адыгских селений были стерты с лица земли, а изгнанные оказались разбросанными по всему миру. Если сейчас в Российской Федерации проживает всего около 700 тысяч адыгов, то в мире, в разных странах и континентах

проживает свыше шести миллионов этнических адыгов, помнящих о трагедии своего народа» [9].

Таким образом, историческая память адыгов бережно хранит воспоминания о борьбе и поражении в Кавказской войне и имеет серьезный потенциал политизации в целях консолидации черкесов, проживающих в разных странах. Данный аспект следует учитывать в современной внутренней национальной политике России, а также во внешнеполитических отношениях РФ со странами со значительными черкесскими диаспорами, прежде всего Турцией.

Литература

1. Karpat K. *Ottoman Population 1830–1914: Demographic and Social Characteristics*. Madison, 1985.
2. Karpat K. *The Hijra from Russia and the Balkans: The Process of Self-Determination in the Late Ottoman State // Muslim Travellers: Pilgrimage, Migration, and the Religious Imagination* / ed. D.F. Eickelman and J. Piscatori. L., 1990.
3. Дегоев В.В. Кавказский вопрос в международных отношениях 30–60-х годов XIX в. Владикавказ, 1992.
4. Kaya A. *Circassian Diaspora in Turkey: Stereotypes, Prejudice and Ethnic Relations // Representations of the Others in the Mediterranean World and Their Impact on the Region* / ed. Nedret Kuran-Burcoglu and S. G. Miller. Istanbul, 2005.
5. 21 May. 2019. [сайт]. URL: <http://www.21mayis.org/index.php/en>
6. Документы. VIII Конгресс Международной Черкесской Ассоциации. 2009 // Международная Черкесская Ассоциация [Электронный ресурс]. URL: http://mcha.kbsu.ru/m_ispolkom28.htm
7. Gafarli O. *The Role of North Caucasus Diaspora Groups in Turkey-Russian Relations // Turkish Policy Quarterly*. 2014. Vol. 13. №1. P. 172–182.
8. Туаев М. *Власти Стамбула запретили шествие черкесов к генконсульству России // Кавказский Узел*. 21 мая 2019. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/335738>
9. Маратова Л. *Митинг памяти жертв Кавказской войны собрал в Нальчике 3000 человек // Кавказский Узел*. 21 мая 2019. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/335725>

Ю.А. Лысенко, Н.П. Гончарова, Е.В. Тарасова
Гражданская война 1918–1921 гг. в исторической памяти
населения постсоветской Центральной Азии*

От революций 1917 г. и Гражданской войны 1918–1921 гг. нас отделяет целое столетие, но эти события не перестают вызывать научные и политические дискуссии. Гражданская война, во многом обусловленная сложными, незавершенными и противоречивыми модернизационными процессами, остается одним из наиболее значимых событий истории народов бывшей Российской империи.

Трактовка произошедшего в ходе этой войны неоднократно пересматривалась в России и других постсоветских странах в зависимости от политической ситуации. В республиках бывшего Советского Союза стали возникать «новые национальные истории», изменились представления о героях и антигероях, укрепилась отличная от советской интерпретация исторических событий. Историческое сознание современной молодежи формировалось уже в условиях «независимости», на базе нового видения истории, отраженного в «патриотических» учебниках.

Процессы «переписывания» истории в новых независимых государствах неизбежно устанавливают новые границы в некогда общем культурно-историческом пространстве. Эта ситуация усугубляется ускорившимся естественным «выбытием» носителей советской идентичности, следствием чего является невозможность трансляции молодежи непосредственного исторического опыта предков.

Историческая память о Гражданской войне 1918–1921 гг. является одним из значимых идентификаторов постсоветского общества. Современные тенденции изучения этой войны связаны преимущественно с переосмыслением сущности и причин событий того периода, содержания и характера противостояния большевиков и белогвардейского движения, взаимоотношений большевистского центра с периферией и их методов борьбы за влияние в регионах.

Для анализа отражения событий Гражданской войны 1918–1921 гг. в исторической памяти населения центрально-азиатских республик был проведен социологический опрос. Выборочная совокупность опрошенных составила 400 респондентов из стран Центральной Азии в возрасте до 35 лет.

* Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00180 «Социально-экономическая модернизация центральноазиатских окраин Российской империи: междисциплинарные методы реконструкции и оценка эффективности».

Рассмотрим основные результаты проведенного исследования. Респондентам было предложено несколько вариантов определения Гражданской войны. Классическое определение этого гражданского конфликта как «противостояние между красными и белыми» поддержала большая часть (48,5%) опрошенных. Второе по распространенности мнение (20,5%) связано с оценкой Гражданской войны как борьбы угнетенных народов за свои права.

Одной из гипотез исследования было определяющее влияние на мировоззрение молодежи особенностей освещения событий Гражданской войны 1918–1921 гг. в школьном курсе истории. Около половины (44,5%) опрошенных ответили, что Гражданская война освещалась не более, чем другие исторические события. Треть участников опроса (33,5%) считают, что этот период освещался недостаточно подробно.

Не менее важна для исследования оценка респондентами факторов, в наибольшей степени определивших их представления о событиях Гражданской войны 1918–1922 гг. На первом месте по значимости оказались материалы учебников в школе, колледже, вузе. На втором месте — мнение школьных учителей, преподавателей в колледже, вузе, на третьем — художественная литература, кино.

Наиболее распространенной среди молодежи центральноазиатских государств является точка зрения, что причиной Гражданской войны 1918–1921 гг. стало несогласие части общества с политикой большевиков. На втором месте по распространенности находится мнение, что к Гражданской войне привело стремление свергнутых классов сохранить собственность и привилегии. Следующая причина, по мнению респондентов, — угнетение народов национальных окраин.

Событие, ставшее отправной точкой начала Гражданской войны 1918–1921 гг., также является дискуссионной темой и по-разному освещается в школьных и вузовских курсах истории постсоветских стран. Две трети опрошенных (66,5%) считают началом Гражданской войны Октябрьскую революцию, что не вполне соответствует научным подходам к хронологическим рамкам этой войны. Восстание чехословацкого корпуса считают началом Гражданской войны 17% респондентов. Меньшее количество (12%) участников опроса полагают, что Гражданская война началась с разгона Учредительного собрания. Корниловский мятеж и подписание Брест-Литовского мирного договора в качестве начала войны назвали 6,3% и 3,3% опрошенных соответственно.

Группа открытых вопросов была направлена на выявление представлений об особенностях Гражданской войны 1918–1921 гг.

Респондентам был задан открытый вопрос: «Между какими общественно-политическими силами развернулось основное противостояние в годы Гражданской войны 1918–1921 гг. в России в целом?» Значительное число опрошенных (59%) затруднились ответить на этот вопрос. Четверть участников опроса поддержали наиболее распространенную точку зрения, что основное противостояние в России развернулось между красными и белыми. Нечеткость представлений отдельных респондентов по данному вопросу иллюстрируется тем, что они иногда относят к противоборствующим сторонам силы, фактически воевавшие на одной стороне.

Серьезный интерес для исследования представляет образ басмачества в глазах молодежи, сформировавшийся как под воздействием народных преданий, так и научно-идеологических концепций. В ходе опроса было выявлено, что 26,3% респондентов считают басмачей партизанами. Еще четверть опрошенных (24,5%) считают их борцами за свободу. Чуть меньше доля респондентов, считающих басмачей вооруженными бандформированиями (22%). Как угнетателей народа определяют басмачей 13,5% опрошенных. Еще 9% респондентов относят басмачей к частям Белой армии, а еще 6,8% полагают, что басмачи были частями Красной армии.

Вопрос «Кто, по Вашему мнению, победил в Гражданской войне 1918–1921 гг.?» выявил различия, обусловленные как идеологическими воззрениями, так и степенью информированности молодежи. Несмотря на то, что 61,8% считают победителями в Гражданской войне «красных», у других точек зрения также нашлись сторонники. Мнение о том, что в гражданской войне не может быть победителей, разделяют 22,3% респондентов; 9,8% опрошенных убеждены, что в Гражданской войне 1918–1921 гг. победили белые; басмачей считают победителями в вышеназванном конфликте 4,5% участников опроса. Иностранцев интервентов сочли победителями 2,3% опрошенных.

Вопрос о влиянии Гражданской войны 1918–1921 гг. на семью респондента, судьбы его предков вызвал большие затруднения. Не смогли на него ответить 63,5% (часть из них ссылались на отсутствие информации, позволяющей сделать выводы о характере и степени такого воздействия). Около четверти (24%) опрошенных уверенно ответили, что события Гражданской войны на их семью и биографию предков никак не повлияли. Те, кто назвали конкретные проявления влияния Гражданской войны на свою семью, преимущественно отмечали негативные ее последствия (как имеющие широкий массовый характер, так и индивидуальный).

Опрос выявил фактическое отсутствие внутрисемейных каналов передачи памяти о событиях Гражданской войны 1918–1921 гг.: в семьях 71,3% опрошенных эти вопросы не обсуждались. Лишь 28,8% участников опроса получили какие-либо сведения об этом периоде от старших родственников.

Участникам опроса было предложено дать оценку полноте освещения проблем истории Гражданской войны 1918–1921 гг. современными средствами массовой информации (телевидение, газеты, журналы, радио) в государстве их гражданской принадлежности (постоянного проживания). В том, что информации достаточно, убеждены 39% опрошенных, еще 34,8% испытывают потребность в дополнительной информации («Информация есть, но хотелось бы узнать больше»). Существенную нехватку информации о событиях гражданского противостояния 1918–1921 гг. признали 22,8% респондентов. Лишь 3,5% считают, что информации о Гражданской войне избыточно много, на их взгляд.

На вопрос о приоритетных источниках дополнительной информации о событиях Гражданской войны 1918–1921 гг. затруднились ответить 28,1% респондентов. Свыше 50% опрошенных обратятся за дополнительными сведениями к интернет-ресурсам (этот источник был назван как в качестве единственного, так и в сочетании с другими видами источников информации). Также в качестве источников информации о Гражданской войне были названы книги (научная, справочная, художественная литература, публицистика), архивные материалы, художественные и документальные фильмы, СМИ. Отдельные респонденты подчеркнули, что обратятся за помощью к специалистам — преподавателям, исследователям («к тем, кто в этом разбирается»).

Проведенное исследование позволило проанализировать уровень информированности молодежи из центрально-азиатских государств о событиях Гражданской войны 1918–1921 гг., выявить оценку отдельных общественно-политических сил, отражение итогов и последствий Гражданской войны в общественном сознании. Было установлено, что мнения респондентов заметно дифференцированы в зависимости от страны гражданской принадлежности/страны, в которой они получили среднее общее образование. При определении потенциальных источников дополнительной информации о событиях Гражданской войны значительная часть опрошенных отдает предпочтение интернет-ресурсам, что предопределяет дальнейший рост их значимости как образовательного ресурса, площадки для научного диалога и средства информационной войны.

Выявленные в ходе исследования особенности интерпретации молодежью данного исторического периода свидетельствуют о том, что социальные, идеологические, межэтнические конфликты столетней давности могут стать элементом нового витка гражданского и/или межгосударственного противостояния, особенно в условиях распространенности неполной, не вполне достоверной информации о событиях и личностях. Существенно усугубляет ситуацию рост различных форм функциональной неграмотности населения — распространяющейся на фоне развития интернет-технологий утрате способности самостоятельно осуществлять поиск научной информации, работать с различными видами источников данных, проверять их достоверность. Все это в комплексе делает современную молодежь потенциальной жертвой различных манипуляций историческим (и в целом — общественным) сознанием.

Н.С. Малышева
Формирование ЕС в политике памяти
европейских государств

На национальном уровне формирование общей исторической памяти, то есть памяти, обеспечивающей не только общий взгляд на прошлое, но и его «чувство», является одним из самых мощных инструментов формирования коллективной идентичности. Так, несколько составляющих коллективной идентичности напрямую связаны с историей: общие исторические воспоминания, с одной стороны, и представления об исторической территории или родине, с другой. Тем не менее, несмотря на все усилия, предпринимаемые в политике, образовании и культуре, формирование исторической памяти не является легкой задачей даже на национальном уровне. При ближайшем рассмотрении выясняется, что большинство обществ, в том числе в западном мире, гораздо менее однородны, чем они могут показаться на первый взгляд. Еще более проблематичной для исследования, чем национальная историческая память, является коллективная память о прошлом на наднациональном уровне, особенно в Европе.

Когда речь идет о Европе, довольно сложно представить себе однородное политическое сообщество, несмотря на все значительные достижения в процессе европейской интеграции во второй половине XX века. В межгосударственных отношениях, где нередко один участник выступает как победитель, другой как побежденный, восприятие прошлого часто диаметрально противоположно. Хотя бы по этой причине простое, механическое «перемещение» одного или нескольких

конкретных исторических сюжетов на общеевропейский уровень крайне проблематично.

Попытки добавить наднациональный слой к существующим национальным коллективным идентичностям и воспоминаниям были предприняты европейскими политическими элитами еще несколько десятилетий назад. В 1973 г. девятью странами-участницами Европейского экономического сообщества была подписана Декларация европейской идентичности, в которой провозглашалось наличие общего «европейского наследия» [1, р. 2]. В 1985 г. Европейский совет утвердил символы объединенной Европы — флаг, гимн и День Европы, отмечаемый 9 мая.

Безусловно, европейская политика памяти не предполагает обращения только к истории европейской интеграции. Как отмечает старший научный сотрудник Комитета по культуре и образованию при Европарламенте М. Прутш, европейская политика памяти включает три составляющие. Во-первых, это общее понятие «европейского наследия», в котором подчеркивается роль общей культуры как важнейшего элемента европейской идентичности — без фокусирования внимания на каком-либо конкретном историческом периоде или явлении. Во-вторых, это воспоминания о двух мировых войнах, которые дали импульс для создания европейского наднационального проекта, призванного предотвратить вероятную войну в будущем. Третьей составляющей является европейская интеграция, исторические вехи которой сопровождаются принятием официальных символов (европейский флаг, гимн Европы и День Европы) [2, р. 15].

Таким образом, обращение к истории европейской интеграции может служить лишь одним из способов формирования европейской идентичности и коллективной исторической памяти. При этом, на наш взгляд, наблюдается и обратный эффект: обращение к исторической памяти может использоваться как средство разрешения проблем на пути к дальнейшей интеграции, таких как, к примеру, разногласия по выработке единой миграционной политики или предстоящий «Брекзит». Неслучайно усилия ЕС по формированию политики памяти заметно активизировались после 2005 г., когда под угрозой оказалась реализация проекта Конституции ЕС. В 2006 г. при Европейской Комиссии было основано Исполнительное агентство по образованию, аудиовизуальной информации и культуре (ЕАСЕА), которое в настоящее время по праву можно считать одним из механизмов реализации политики памяти ЕС. Уже в 2007 г. под эгидой ЕАСЕА начала функционировать программа «Европа для граждан», целью которой было провозглашено «содействие пониманию гражданами Европейского союза, его истории и разнообра-

зия, а также содействие демократическому участию граждан на уровне ЕС» [3]. Помимо этого, в задачи Программы, рассчитанной на период 2007–2013 гг., входили формирование чувства европейской идентичности на основе общих ценностей, истории и культуры; намерение сделать идею Европы более осязаемой для ее граждан путем пропаганды европейских ценностей и достижений и сохранения памяти о своем прошлом. В частности, деятельность Программы была направлена на спонсирование проектов по сохранению музеев — бывших концентрационных лагерей, а также памятных мест и архивов, связанных с массовыми депортациями народов Европы в XX в.

Вторая программа «Европа для граждан» (2014–2020 гг.), реализуемая в настоящее время, получила большую финансовую поддержку из бюджета ЕС. Так, только на ежегодную грантовую поддержку проектов в рамках этой программы было выделено около 3,3 млн евро [4]. Кроме того, в мае 2017 г. в Брюсселе был открыт Дом европейской истории, посвященный европейской интеграции и новейшей истории Европы, где среди постоянно действующих экспозиций располагаются выставки под названием «Восстановление разделенного континента» и «Вехи европейской интеграции» [5].

В то же время, признавая возрастающее значение политики памяти для сохранения европейского единства, нельзя не отметить и следующее обстоятельство. Прежде всего, обращает на себя внимание сосредоточенность политики памяти преимущественно на негативных, если не сказать трагичных событиях европейской истории. Упомянутая выше программа «Европа для граждан» направлена на финансирование проектов, посвященных исследованию становления тоталитарных режимов в Европе и памяти жертв их преступлений. И хотя в данном контексте положительный опыт европейской интеграции мог бы выступить как альтернатива мрачному прошлому двух мировых войн, появлению нацизма, распространению недемократических режимов в Центральной и Восточной Европе, — на практике это происходит далеко не всегда. Так, в последние годы международный день памяти жертв Холокоста 27 января оказывается более значимой и информационно освещаемой исторической датой, нежели 9 мая — день подписания Декларации Шумана, обозначившей начало европейской интеграции. В то же время есть надежда, что, после периода погруженности в темные страницы своей истории, страны ЕС смогут примириться с собственным прошлым и перейти к конструктивным шагам по формированию коллективной идентичности. Тем более что потребность в создании культурно-исторической основы Европейского союза, который долгое время был сведен к экономическому проекту, действительно существует.

Литература

1. Declaration on European Identity (Copenhagen, 14 December, 1973) // CVCE Website. URL: https://www.cvce.eu/content/publication/1999/1/1/02798dc9-9c69-4b7d-b2c9-f03a8db7da32/publishable_en.pdf
2. European Historical Memory: Policy, Challenges and Perspectives. URL: http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/540364/IPOL_STU%282015%29540364_EN.pdf
3. Europe for Citizens // EACEA. Education, Audiovisual and Culture Executive Agency. URL: https://eacea.ec.europa.eu/europe-for-citizens_en
4. Europe for Citizens Programme. European Remembrance Project. Selection 2018. List of Successful Applicants. URL: https://eacea.ec.europa.eu/sites/eacea-site/files/european_remembrance_selection_2018.pdf
5. House of European History. URL: <https://www.historia-europa.ep.eu/en>

С.Ф. Назаршоева ***Гражданская война и политика памяти*** ***в Республике Таджикистан***

Конец 1980-х – начало 1990-х гг. стали одним из тех поворотных моментов в истории, которые кардинально изменили всю существующую систему международных отношений. Изменения коснулись в основном СССР и Восточной Европы, в то же время они косвенно затронули и другие регионы мира. Перестройка, начавшаяся в середине 1980-х гг. в СССР, должна была способствовать идеологическому, политическому и экономическому обновлению не только самого Советского Союза, но и международных отношений в целом, однако попытки демократизации привели к распаду всей системы в целом, включая распад крупнейших многонациональных государств. Распад Советского Союза сопровождался усилением межэтнической напряженности. Конфликты, которые до тех пор находились в латентном состоянии, стали проявляться более отчетливо по мере того, как центральная власть ослабевала, а центристремительные процессы окончательно вышли из-под контроля, что привело к распаду советского государства.

Одним из последствий распада многонациональных государств является рождение новых независимых стран, становление которых часто сопровождается обострением социальных и этнополитических конфликтов. Появление новых независимых государств в Центральной Азии резко изменило геополитическую ситуацию в регионе, которая еще до этого была нестабильной. Особенность ситуации здесь заклю-

чалась в том, что постсоветские государства Центральной Азии в современной истории не существовали в качестве самостоятельных государств. Современные границы в Центральной Азии являются результатом политики сначала Российской империи, а затем и Советского Союза. До прихода русскоязычных жителей в регион национальных границ как таковых не существовало. В начале XX века Центральная Азия представляла собой сообщество разнообразных этнических групп, самоидентификацию которых было трудно установить. Этнические конфликты при формировании новых политических образований были неизбежны. Надо признать, что распад СССР в целом был относительно бескровным (по сравнению, например, с распадом Югославии). Однако на периферии противоречия не только не разрешались мирными средствами, но, наоборот, приводили к началу вооруженного конфликта. Самым продолжительным по времени и самым кровопролитным конфликтом на территории бывшего Советского Союза стала гражданская война в Таджикистане.

Историография гражданской войны и межтаджикского урегулирования насчитывает уже достаточно большое количество работ, которые можно разделить на следующие группы.

Проправительственные исследования. В работах этой группы исследователей преобладающее место занимает тема истории государственного строительства и разрешения конфликтов в рамках действующей конституции. Естественно, что большое значение в этом плане имеют материалы, непосредственно подготовленные правительством Таджикистана и имеющие официальный характер. Речь идет главным образом о докладах Президента Республики Таджикистан Э. Рахмона на заседаниях Маджлиси Оли (Парламента Республики) [1], на торжественном собрании, посвященном 11-летию государственной независимости Таджикистана [2], 10-летию Форума таджиков и персоязычных народов мира (2002) [3], на церемониях при заключении межправительственных соглашений и на различных конференциях и встречах глав государств [4]. Во всех вышеупомянутых работах прослеживается мысль о необходимости продолжения межтаджикского диалога и поиска взаимопонимания между правительством и оппозицией.

Значительное место в историографии межтаджикского конфликта занимают работы, подготовленные представителями оппозиции. Видными представителями оппозиции, в частности Д. Усмоном [5, с. 54–64] и М. Кабири [6, с. 290–303] рассматриваются многие острые проблемы, касающиеся истории гражданской войны. Представители оппозиции уделяют значительное внимание в своих работах вопросу о месте в обществе и государстве ислама (который, по их мнению, стал

важнейшим для разрешения межтаджикского конфликта), о проблемах религии и атеизма, истории распространения ислама в Центральной Азии. Следует отметить, что это совершенно отдельное направление в изучении истории гражданской войны в Таджикистане, которое можно противопоставить работам политиков, ученых, писателей и журналистов, поддерживавших официальный Душанбе.

Отдельная группа работ включает исследования зарубежных исследователей, не поддерживающих официальную власть Таджикистана и политику России в Центральной Азии. К таким исследованиям относятся работы Р. Алиссона [7], М. Эткина [8] и др. В целом почти все исследователи этой группы сходятся во мнении, что Россия во второй половине 1990-х годов начала проводить более активную политику в Центральной Азии в целом, и в Таджикистане в частности, и большинство из них считают ее влияние в регионе негативным. Например, М. Эткин, профессор университета им. Джорджа Вашингтона (США), критически оценивает роль России во время гражданской войны в Таджикистане, считая, что ее вмешательство на стороне правительства позволило сохранить недемократический душанбинский режим.

Отдельную группу составляют работы исследователей-аналитиков исторических событий, занимающих нейтральную позицию в изучении своего объекта исследования. Наиболее обобщенный и полный анализ событий гражданской войны в Таджикистане приводится в монографиях В.И. Бушкова и Д.В. Микульского [9; 10, с. 310]. Эти книги также содержат обширный документальный материал. Среди таджикских исследователей стоит отметить работы М.А. Олимова [11] и С.К. Олимовой [12], в которых приводятся оценки политических партий, характеризуются взаимоотношения партий и кланов, освещаются некоторые аспекты урегулирования конфликта, на основании которых можно сделать вывод, насколько успешно происходило преобразование режима и интеграция бывшей вооруженной оппозиции во властные структуры.

Можно сделать вывод, что кризис, в котором Таджикистан оказался в конце 1980-х – начале 1990-х гг., явился результатом сочетания действия ряда факторов, как глобальных, охвативших Советский Союз и Восточную Европу, так и местного значения. Исторически сложившаяся территориальная неоднородность и кризис во всех сферах общественной и политической жизни привели Таджикистан в начале 1990-х годов к гражданской войне.

Автор придерживается мнения, что конфликт в Таджикистане – это гражданская война, а не этнополитический конфликт, поскольку

его основными участниками были региональные кланы, которые нельзя считать полноценными этническими группами (за исключением памирской). Именно эта составляющая позволяет выделить конфликт в Таджикистане среди всех конфликтов, произошедших на постсоветском пространстве в начале 1990-х годов после распада Советского Союза.

Гражданская война 1992–1997 гг. в Республике Таджикистан привела к эмиграции большинства этнических меньшинств и к массовым демографическим потрясениям. Около 1 млн человек (это каждый шестой гражданин Республики Таджикистан) стали переселенцами. Из них примерно 250 тыс. человек покинули страну, а около 700 тыс. стали мигрантами в пределах Республики Таджикистан [13, с. 111]. За короткий промежуток времени были утрачены многие экономические и социально-культурные достижения, которые были накоплены в течение предшествующего периода развития. Все это негативным образом повлияло на масштабы бедности населения страны.

Положение в Таджикистане немного стабилизировало достигнутое в 1997 году соглашение о национальном примирении между Правительством Республики Таджикистан и оппозиционными силами [14]. Частью соглашения был «Протокол о беженцах» [15]. Протокол помог реинтегрировать оставшихся беженцев, пожелавших вернуться домой.

Гражданская война 1992–1997 гг. может по праву считаться историческим событием, оказавшим наиболее значительное воздействие на миграционные процессы и международный имидж страны. В настоящий момент именно внешняя трудовая миграция является фактором, стабилизирующим перенасыщенность внутреннего рынка труда и рост социальной напряженности (за счет поступающих в Республику Таджикистан денежных средств от внешних трудовых мигрантов), что оказывает положительное воздействие на экономику республики в целом.

Литература

1. Рахмон Э. Доклад на Первой сессии Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 7 апреля 1995 г. Душанбе, 1995.

2. Рахмон Э. Тоҷикистон: даҳ соли истиқлолият, ваҳдади милли ва бунедкори. Душанбе, 2001.

3. Достойное место в мировом сообществе: выступление Э. Рахмона на торжественном собрании, посвященном 11-й годовщине государственной независимости Таджикистана и 10-летию Форума таджиков и персоязычных народов мира. Душанбе, 2002.

4. Меморандумы и обращения межтаджикского диалога в рамках Дартмутской конференции, 1993–1997 // Российский центр стратегических и международных исследований. М., 1997.

5. Усмонов И. Применение принципа отделения религии от государства в условиях таджикского государства // Построение доверия между исламистами и секуляристами – таджикский эксперимент. Душанбе, 2004.

6. Кабири М. ПИВТ и «Хизб-ут-тахрир» (общность и различие) // О совместимости политического ислама и безопасности на пространстве ОБСЕ. Душанбе, 2004.

7. Allison R. Peacekeeping in the Soviet Successor States // Institute for Security Studies. Chaillot Papers. 1994. № 18. URL: <http://www.iss-eu.org/chaillot/chai18e.html>

8. Эткин М. Россия и Таджикистан. URL: <http://www.ca-c.org/iournal/09-1997/st12 etkin.shtml>

9. Бушков В.И., Микульский Д.В. Анатомия гражданской войны в Таджикистане (Этносоциальные процессы и политическая борьба, 1992-1995). М., 1996. URL: <http://www.ca-c.org/datarus/st08bush.shtml>

10. Бушков В.И., Микульский Д.В. «Таджикская революция» и гражданская война (1989-1994 гг.). М., 1994.

11. Олимов М.А. Об этнополитической и конфессиональной ситуации в Таджикистане и вероятности межэтнических конфликтов. URL: <http://www.cac.org/datarus/st 12 olimov.shtml>

12. Олимова С.К. Политический ислам и конфликт в Таджикистане. URL: <http://www.analitika.org/article.php?storv=20050904025711330>

13. Бабаханов М.Б. История таджиков мира. Душанбе, 2005.

14. Общее соглашение об установлении мира и национального согласия в Таджикистане // Народная газета. 4–11 июля 1997.

15. Протокол по вопросам беженцев // Бизнес и политика. 24–31 января 1997.

О.Ч. Реут

Противоречия современной российской мемориальной политики

Практики возведения и низвержения памятников на протяжении вот уже нескольких десятилетий являются объектом всестороннего изучения со стороны отечественных исследователей в общественно-политических науках. Часто используемый термин «мемориальная политика» в определенной степени несет на себе отпечаток идейного

наследия прежней парадигмы, наделявшей памятники неким субстанциональным, то есть практически неизменным, инвариантным содержанием и рассматривавшей их в качестве структурообразующего элемента при формировании политики памяти. «Увековечивание» памятных дат, событий и персонажей подспудно «овеществляется» кажущимся неизменным набором характеристик, задающих «связь времен» и традиции Отечества. Памятники выступают неистощимыми в своей смысловой глубине высказываниями о национальной, региональной и локальной идентичностях.

Мемориальная политика рассматривает общество как объект усилий по строительству нации исключительно «сверху», со стороны якобы единственно возможного субъекта этого процесса — центральной власти. И хотя довольно трудно оспорить тезис, заключающийся в том, что решающую роль в данном процессе играют политические элиты, было бы неверным исключать из него граждан и роль их ассоциаций, активно претендующих на представительство своих интересов как в структурах власти, так и вне их с целью формирования открытого доступа к дискуссиям о манифестациях идентичности. При этом без наполнения формы идентичности содержанием гражданского участия первая остается в лучшем случае ощущением некоторой общности по жизни в пределах предзаданной локальности, а в худшем — обыкновенной фикцией.

В современной России сочетание «административного» конструктивизма и государствоцентричного взгляда на историческую память способствует вытеснению того, что должно выступать основным предметом политики. Именно вопросы о механизмах распределения власти и ресурсов, о «легитимном праве на насилие», о противоречиях властно-общественного диалога по поводу общего блага формируют пространство политического. Однако политика памяти трактуется, а главное — прагматически осуществляется в обстоятельствах усиливающейся деполитизации, вытеснения на периферию общественной жизни и медийно-публичного поля. В дискурсивном плане она все больше позиционируется в категориях обязательного социального консенсуса, в отношении которого действуют требования нормативно-этической непротиворечивости. Под последней понимается отсутствие логических противоречий с действующей в политической культуре системой нормативно установленных принципов и идеологием.

Естественным следствием рассматриваемых процессов является неготовность к гражданскому участию, интерпретируемая исследователями как состояние политической аномии, а властью — как проявление лояльности, видимым следствием которой стоит считать согла-

сие на утрату институтов и механизмов социального контроля. В таких условиях практически невозможно говорить о содержательном наполнении самоидентификации граждан с государством. Применительно к мемориальной политике критическое переосмысление имперского, а затем советского наследия с учетом новых вызовов современности оказывается затрудненным.

Декларируемая преемственность морально реабилитирует режим замалчивания, а порой и символического изъятия «неудобных» элементов официального дискурса, описывающего картины прошлого. Но одновременно она запускает новые витки переплетающихся процессов позитивизации и глорификации прошлого. В таких условиях памятники не только музеефицируют прошлое, в т.ч. посредством «духовного и патриотического воспитания», борьбы с «фальсификациями истории в ущерб интересам», но и сакрализируют его образы, невольно встраиваясь в проведение мобилизационной политики памяти, поддерживающей доминирующей политической дискурс.

Общественности предъявляются идеализированные манифестации реализованной российским государством политики. Этот зачастую мифологизированный опыт все чаще противопоставляется тому образу прошлого, которое создается и поддерживается странами-соседями. Современная история изобилует примерами того, каким образом рассматриваемая линия поведения способствует накоплению конфликтного потенциала, препятствует созданию горизонтальных связей между сообществами и территориями.

В контексте глобализации речь, разумеется, не идет об искусственной консервации проявлений традиционных культур, способствующей «войнам памяти». Реконструкция недискретного прошлого проявляется в иных, «гибридных» формах — в воссоздании, например, пространства «имперской ситуации», то есть системы, в которой отсутствуют универсальные правила и где невозможно или по крайней мере затруднено найти решение конфликта в публичном поле.

Повышению степени «гибридности» способствуют и глобальные медиа, для которых непересматриваемым представляется некий набор идей о коллективной памяти как маркере разделяемой ответственности за деяния прошлого. Повышенное медийное внимание к этим вопросам, их зримому и осязаемому присутствию в настоящем стоит воспринимать как естественную стратегию движения к транснациональной памяти, для которой суверенность выступает лишь факультативным элементом субъектности.

В современной России продвижение идеи транснациональной памяти зачастую воспринимается в качестве исторического обоснования

евроинтеграции и атлантического диалога. Этому в немалой степени способствует и внедрение на уровне практик коммеморации принципов общей ответственности за прошлое во имя настоящего и будущего, где центральным образом этой стратегии выбран Холокост. Он признается символом общей ответственности за мрачные страницы прошлого, а память о трагедии является гарантией неповторения в самом широком контексте — не только как предохранителя от ксенофобии, расизма, нетерпимости, национальной вражды, но и исключения того, что могло бы привести к мировой войне. В таких условиях политика в области увековечения памяти о Холокосте ориентирована на формирование транснационального мемориального сообщества.

Принятие российскими властями режима «осажденной крепости» и демонстрация решительности проводить «державный» курс во внешней политике предъявляют требования по уточнению акцентов реализуемой мемориальной политики. Некоторые из них ориентированы на внеисторическое существование поддерживаемой государством духовности. В то время как другие в систему целеполагания включают сознательный отказ от проведения различия между имперским, постимперским и национально-гражданским типами взаимоотношений общества и государства.

Следствием подобного «акцентирования» является производство пропагандистских (все чаще популистских) суррогатов, соединяющих ностальгию по временам классических империй и «холодной войны», ресентимент и различного рода этнические фобии. В определенной мере такое положение вещей в своей концептуальной неопределенности опирается на некоторые теоретические основания. Так, в последнее время в общественно-политических науках утверждается релятивистский подход, постулирующий доминирование баумановской «текучей современности» при описании и объяснении социальной реальности — нет ни мира, ни войны, ни друзей, ни врагов, границы принципов и норм не столько размыты, сколько эклектичны и самоопределяемы.

Современная мемориальная политика неотделима от проявлений феноменов транс- и постнационализма, глобального гражданского общества, медиатизированной постправды. На пересечении процессов глобализации, десуверенизации и традиционалистской, а порой и архаичной реакции на прогресс возникает необходимость легитимации де- и ресакрализации символов памяти. Смысл исторической политики в большей или меньшей степени уже несводим к культивированию «самостийного» нарратива памяти, который в своем радикальном исполнении противоречит принципам глобальной истории. А это значит,

что попытки предложить адекватные пути разрешения противоречия упираются в необходимость смены привычной для политической элиты оптики. Однако готова ли она отказаться от единственной дискурсо-формирующей рамки, в которой власть может себя представить и описать только через рассказанную собственным государством историю с ее событийными рядами и пантеонами?

Обсуждение в Интернете

Ольга Аршинцева

15 апреля 2019 в 10:06

Представленный текст сам по себе выражает примечательную потребность в сложном осмыслении сложного предмета – прошлого страны, которое с трудом подлежит мифологизации в виде простейших стереотипных образов, доступных коллективному сознанию. Интересно было бы узнать мнение автора по вопросам, которые возникли в рамках поставленной им проблемы. Первый — отношение к «советскому проекту» в коллективной памяти в связи с тем, что в обыденном историческом сознании еще активного поколения «беби-бум» (1950–1960-х гг. рождения) и следующего за ним поколения «х» сохранились собственные воспоминания о нем, а из представителей этих поколений в основном рекрутируется современная политическая элита России. И второй — какими доступными инструментами можно выявить эти представления? Спасибо автору за нестандартные формулировки актуальных проблем.

А.М. Савоськин

Использование политики памяти в рамках формирования национальных государств на Балканах после Югославских войн

Политика памяти наиболее ярко проявляется в поствоенное время. Югославские войны остаются последним крупным конфликтом на территории Европы. Сегодня, более двух десятилетий спустя с момента начала кризиса, народы юго-восточной Европы все еще переживают последствия тех событий. Ответом на поствоенную депрессию стало создание множества общественных организаций, занимающихся изучением событий Югославского кризиса. Целью данных организаций является попытка не допустить забвения случившихся преступлений

или их неправильной трактовки. Их деятельность стала одним из двигателей процесса создания независимых государств на Балканах. Она стала возможной благодаря общемировой практике по отстаиванию прав человека и созданию правовой среды, регламентирующей военные преступления.

В классическом виде термин «политика памяти» чаще всего используется в контексте стран Восточной Европы, так или иначе связанных с социалистическим блоком в прошлом. Подобный сюжет также характерен для территории бывшей Югославии, в которой бывшие народные республики, стремясь к независимости и формированию новой национальной идентичности, выстраивали свою политику исходя из противостояния существовавшим прежде центростремительным тенденциям и коммунистическому прошлому. Различные акторы поддерживали и финансировали «право на память», становившееся постепенно «обязанностью помнить».

Политика памяти оказала различное влияние на восприятие войны в балканских странах. Для каждого из народов существовали свои «моменты памяти», связанные с событиями Югославского кризиса. Наиболее характерно полярные позиции проявились в рамках хорватского и сербского общественно-политических дискурсов.

Для исторического восприятия эпизодов войны со стороны хорват ключевыми моментами являются осада Вуковара (октябрь 1991 — май 1992), осада Дубровника (октябрь 1991) и Операция «Буря» (август 1995). Именно с этими событиями связана ключевая мифология Хорватской войны, именуемой хорватами не иначе как «Отечественной» («Domovinski rat»). С подачи бывшего тогда президентом Хорватии Туджмана, независимость стала реализацией «тысячелетней мечты» («tisućgodišnjisan»). «Domovinski rat» для хорватов тесно переплетен с религиозным символизмом, отождествляясь с борьбой не только за независимость, но и за веру. Монумены памяти хорватским солдатам чаще всего построены в форме крестов.

Восприятие войны в Хорватии раскрывается через такие широко употребляемые в прессе, в том числе на государственном уровне, наименования, как «KRVatska» (кровь + Хорватия), «Branitelji» («защитники», ВС Хорватии и другие вооруженные формирования, принимавшие участие в борьбе с РСК), «Žrtve» («жертвы», погибшие и пострадавшие в рамках борьбы с РСК). Точка зрения о Хорватской войне как Отечественно-освободительной прослеживается в хорватских учебниках. Сохранением исторического наследия Хорватской войны занимается множество общественных организаций, например «U ime obitelji» («Во имя семьи») или «Udruga dragovoljaca i veterana

Domovinskog rata Republike Hrvatske» (UDVDR, «Ассоциация добровольцев и ветеранов Отечественной войны в Хорватии»). С событиями «Отечественной войны» связан национальный праздник «Dan pobjede i domovinske zahvalnosti i Dan hrvatskih branitelja» («День победы и благодарности отчизне и день хорватских защитников») отмечающийся 5 августа, в связи со взятием хорватскими ВС Книна в 1995 г. Сами события, произошедшие в рамках операции «Буря», расценивались в Хорватии как реинтеграция захваченных сербами районов, однако в дальнейшем, после смерти Ф. Туджмана и под давлением сербской стороны, отношение к данному инциденту было пересмотрено [1]. Сам военный прецедент лег в основу включения в хорватскую конституцию (с 1997 г.) пункта, запрещающего интеграцию Хорватии в любые общеполитические национальные проекты (ст. 135) [2].

Другие принципы рассмотрения событий 1990-х годов существуют в Сербии. Существует несколько наиболее характерных оценок Югославского кризиса в сербском информационном пространстве: 1) военные преступления — дело рук отдельных сепаратистов, а не сербского народа; 2) Сербия (СРЮ) — жертва международной агрессии и «демонизации сербов», масштаб военных преступлений преувеличен; 3) военные действия были реакцией на хорватский сепаратизм и не были направлены против мирного населения; 4) военные преступления — вина коммунистического экспансионистского режима, преемственность которому современная Сербия носит лишь условно.

Обращение к исторической памяти также широко распространено в Сербии и чаще всего связано с другими событиями сербской истории. 1990-е годы — время активной «мемориализации» Сербии. В это время было построено множество памятников, связанных как с современными, так и с историческими событиями. Еще с конца 80-х годов началась реабилитация движения четников. Четничество стало идеологической основой для многих воюющих сербов. Схожая тенденция наблюдалась в отношении хорватов, которых вне зависимости от реальных идеологических воззрений приравнивали к усташам [3].

Проведение специфической исторической политики связано в этот период с налетами НАТО. Образ «Давида и Голиафа» активно использовался сербскими СМИ и лично Милошевичем в период наиболее активного конфликта. Данные события до сих пор используются многими сербскими политиками (в частности, нынешним президентом А. Вучичем) как характеристика сербского упорства [4].

Несмотря на очевидные различия в восприятии исторических событий, в странах бывшей Югославии существуют организации, стремящиеся к сглаживанию исторических противоречий между бывшими

участниками конфликта и демократизации процесса освещения событий конфликта. Ярким примером подобного подхода является созданная в 2003 г. либеральная неправительственная организация «Youth Initiative for Human Rights» или YIHR («Молодая инициатива за права человека»), существующая в Боснии и Герцеговине, Косово, Сербии, Хорватии и Черногории. Либерально настроенная молодежь выступает за признание исторической вины каждой из сторон и попытку найти диалог в рамках единой точки зрения на военные преступления [5].

Историческая повестка играла важную роль в истории балканских национальных государств с самого начала кризиса, несмотря на изменение ее содержания в зависимости от конъюнктурных интересов. Национальный конструктивизм на Балканах этносимволичен, а символом чаще всего выступают как раз моменты сплочения нации перед внешней угрозой. Потому «моменты памяти» в Сербии и Хорватии чаще всего связаны именно с угрозой извне, а не с собственной агрессией, которая так или иначе имела место с обеих сторон.

В отличие от множества примеров использования политики памяти в странах, например, Восточной Европы, на Балканах объектом этой политики стало относительно недавнее прошлое. Зачастую люди сами были свидетелями этих событий и имели возможность составить о них свое мнение. Можно ли считать столь недавнее прошлое историей? Сегодня исследователи, как правило, не отождествляют историческую память с исторической «глубиной»: «живая память» об относительно недавнем прошлом считается частью исторической памяти [6]. Таким образом, в наши дни мы можем быть свидетелями прямого воздействия различных политических акторов на восприятие прошлого на Балканах. Результатом данной политики становится все большее отвержение в балканских странах политических сил, связанных с прошлым, в особенности в Хорватии и Словении. Политика памяти послужила важным инструментом в процессе транзита власти на территории постъюгославского пространства и теперь остается одной из важных составляющих легитимности этой власти.

Литература

1. Taylor A. War and Identity in the Balkans and the Middle East. URL: [https://www.liverpool.ac.uk/media/livacuk/ewc/docs/Taylor,McConnell_Working_paper_KRVatska,Branitelj,Z%CC%8Crtve-\(Re-framing,Croatias,politics,of,memory,and,identity.pdf](https://www.liverpool.ac.uk/media/livacuk/ewc/docs/Taylor,McConnell_Working_paper_KRVatska,Branitelj,Z%CC%8Crtve-(Re-framing,Croatias,politics,of,memory,and,identity.pdf)
2. Ustav Republike Hrvatske. URL: <https://www.usud.hr/hr/ustav-RH>

3. Milosevic A. Placing All Bets on Memorials: Memory Mania Goes Balkans. URL: <https://balkanist.net/placing-all-bets-on-memorials-memory-mania-goes-balkans/>

4. Satjukow E. The NATO Air Strikes in Serbia's Memory Politics. URL: <https://en.zois-berlin.de/publications/zois-spotlight-2018/the-nato-air-strikes-in-serbias-memory-politics/>

5. Kurze A. Youth, Performance Activism and the Politics of Memory. URL: <https://ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/649a00e2-b300-4c06-b0cc-920a72c14bec.pdf>

6. Алексеева И. Философия исторической памяти // Вопросы философии. 2018. № 10.

Н.Ю. Самойлов
Североирландский конфликт в массовой культуре
Великобритании и Ирландии (1998–2018 гг.)

В современном мире кинематограф и музыкальная индустрия являются важными инструментами формирования «политики памяти». В тоталитарном или, реже, авторитарном государстве создание культурного продукта подчинено политической власти и призвано формировать ту повестку, которая ей нужна. Однако и в демократических странах культура является важным звеном в формировании исторического нарратива, при этом выступая не только и не столько от лица государства, сколько от лица общества. В данной статье мы рассмотрим, как кинематограф и музыка Великобритании и Ирландии интерпретируют историю североирландского конфликта, история которого традиционно ведется с конца 1960-х годов, формируя «политику памяти» о тех событиях.

В январе 2019 г. в североирландском городе Дерри (Лондондерри) прогремел взрыв [1]. По счастливому стечению обстоятельств обошлось без жертв, однако данное событие вновь актуализировало для мировой общественности проблему взаимоотношений Ирландии и Великобритании по поводу статуса Северной Ирландии (Ольстера). Данный конфликт широко известен за пределами Великобритании и Ирландии прежде всего благодаря произведениям массовой культуры, созданным, преимущественно, уроженцами данных стран. Впрочем, относительное спокойствие, установившееся в регионе после 1998 г., не привело к заметному снижению интереса к этой проблеме в музыке и кинематографе. Цель данной статьи — изучить, как память и представление о событиях интерпретируются в массовой культуре обеими сторонами. Для анализа были отобраны художественные фильмы,

произведенные в период 1998–2018 гг. в Ирландии, Великобритании (фильмы, созданные в Великобритании совместно с другими странами, кроме Ирландии, учитывались как британские) или созданные двумя данными государствами совместно. Также были проанализированы оригинальные (кавер-версии ранее созданных песен не учитывались) музыкальные композиции, созданные британскими и ирландскими музыкантами и выпущенные не ранее 1998 года. Хронологические рамки работы обусловлены подписанием в апреле 1998 года в Белфасте Соглашения Страстной Пятницы [2], создавшего политико-правовую реальность, сохраняющуюся в Северной Ирландии по настоящее время.

Художественные фильмы были сгруппированы по следующим критериям: страна производства, год выпуска, жанр. В общей сложности за 1998–2018 гг. в обеих странах было произведено 16 художественных фильмов, из них в Ирландии — 1 фильм, в Великобритании — 7, совместно — 8. В Ирландии был снят фильм «НЗ» (2001 г.). В Великобритании были созданы следующие фильмы: «Titanic Town» (1998 г.), «Mickybo and Me» (2004 г.), «Johnny Was» (2005 г.), «Closing the Ring» (2007 г.), «Fifty Dead Man Walking» (2008 г.), «'71» (2014 г.), «Foreigner» (2017 г.). Совместно были созданы следующие кинокартины: «Bloody Sunday» (2001 г.), «Sunday» (2002 г.), «Omagh» (2004 г.), «Breakfast on Pluto» (2005 г.), «Hunger» (2008 г.), «Five Minutes of Heaven» (2008 г.), «Shadow Dancer» (2012 г.), «Good Vibrations» (2012 г.).

По отношению к истории вышеперечисленные фильмы можно разделить на четыре категории. Во-первых, это фильмы, реконструирующие реальные события. Это такие картины, как «Sunday», «Bloody Sunday», повествующие о событиях 30 января 1972 г., когда британские военные расстреляли мирную демонстрацию местных жителей в городе Дерри (Лондондерри). К этой же категории относится фильм «Omagh», рассказывающий историю одного из крупнейших террористических актов за время конфликта, совершенного 15 августа 1998 года в городе Ома. Во-вторых, это биографические картины, где по возможности выстроен реальный исторический контекст, например: «Fifty Dead Man Walking», «Good Vibrations», «НЗ» и «Hunger». Фильм «Five Minutes of Heaven» можно отнести к этой категории, с той оговоркой, что история реальных людей там творчески переработана и продолжена в современности. В-третьих, это произведения, где главными действующими лицами являются вымышленные персонажи, помещенные в контекст реальных событий, как в фильмах «Titanic Town», «Mickybo and Me», «'71», «Shadow Dancer». В данных картинах на первом плане находятся судьбы одного или двух главных геро-

ев, что позволяет зрителю почувствовать к ним эмпатию и острее ощутить трагедию конфликта. И в-четвертых, это картины, где сам конфликт присутствует лишь опосредованно, например, через темное прошлое главного героя («Johnny Was»), либо конфликт представлен как одна из сюжетных линий («Closing the Ring», «Breakfast on Pluto»). В фильме «Foreigner» главный герой невольно вовлекается в историю конфликта по причине гибели своей дочери в устроенном одной из сторон противостояния террористическом акте, при этом события происходят в современности.

Главным антагонистом в подавляющем большинстве фильмов выступает многоликая ИРА — Ирландская республиканская армия, неоднократно раскалывавшаяся на разные фракции и самостоятельные организации («Подлинная» ИРА, «Преемственная» ИРА и другие). Но и выступающие за сохранение Северной Ирландии в составе Великобритании вооруженные организации тоже не выступают в положительном свете. К примеру, находящееся в центре сюжета фильма «Five Minutes of Heaven» преступление совершает участник Ольстерских добровольческих сил. В фильме «'71» ожесточение проявляют обе стороны конфликта. Это свидетельствует о декларируемом посредством данных фильмов неприятии насильственных действий, таких как похищение людей и террористические акты.

Пагубность насилия в целом является лейтмотивом многих картин (в частности, «Sunday», «Bloody Sunday», «Omagh», «Five Minutes of Heaven»). В жанровой принадлежности большинства фильмов заметен уклон в сторону драмы: в пятнадцати из шестнадцати картин «драма» указана как основной жанр или один из жанров фильма (информация о жанровой принадлежности основывается на данных сайта IMDb [3]). Это может быть обусловлено тем, что ольстерский конфликт по-прежнему актуален, что делает затруднительным его восприятие и осознание через комедию или сатиру. Совместное производство большинства фильмов в Ирландии и Великобритании может свидетельствовать о стремлении этих стран сотрудничать в решении конфликта мирным путем и снижении напряженности через пропаганду пагубности насилия. Ярким примером служит фильм «Mickybo and Me», повествующий о дружбе юных католика и протестанта. При этом в самой Северной Ирландии опросы общественного мнения показывают неоднозначные результаты: менее половины жителей региона ощущают себя британцами, в то время как 58,6% респондентов ощущают себя ирландцами [4].

В музыкальной индустрии за период 1998–2018 гг. ольстерский конфликт тоже освещался, но менее интенсивно, чем в предыдущие

десятилетия. Стоит отметить, что широкому кругу людей о трагедии Северной Ирландии стало известно благодаря музыке, а именно — композиции «Zombie» (альбом «No Need to Argue», 1994, лейбл Island Records) группы «The Cranberries». Сопоставимых по резонансу песен в рассматриваемый промежуток времени не было создано.

За период 1998–2018 гг. тему ольстерского конфликта в своих композициях затрагивали три музыкальных коллектива из Ирландии и Великобритании. Две группы из Ирландии — «Flogging Molly» (данная группа может быть названа американо-ирландской, но поскольку исполняет т.н. Celtic Punk, включена в число ирландских) и «U2», а также одна британская, причем основанная в Северной Ирландии — «The Divine Comedy». Стоит отметить, что в силу особенностей музыкальной лирики многие песни либо не сообщают напрямую о тех или иных событиях, либо конкретные исторические сюжеты отражены в тексте песни как составная часть общей композиции. К примеру, в тексте песни «Drunken Lullabies» (альбом «Drunken Lullabies», 2002, лейбл SideOneDummy Records) группы «Flogging Molly» есть несколько отсылок к истории конфликта (перевод текста данной и последующих композиций выполнен автором): «Must we starve on crumbs from long ago / Through bars these men made steel / Is it a great or little thing we fought / Knelt the conscience blessed to kill» («Должны ли мы питаться крошками так много лет / Что достаются нам через выкованную ими решетку / Была ли наша цель высокой или низкой / Преклонись пред совестью, что благословила убить»). Данная композиция, энергичная по звучанию, содержит мотивацию к борьбе.

Этого нельзя сказать об остальных песнях, явно рассматривающих ольстерский конфликт как общую беду. Начало выпущенной в 1998-м году песни «Sunrise» (альбом «Fin de Si?cle», 1998, лейбл «Setanta Records») коллектива «The Divine Comedy» повествует о человеке, выросшем в затронутом конфликтом регионе: «I was born in Londonderry / I was born in Derry City too / Oh what a special child / To see such things and still to smile / I know that there was something wrong / But I kept my head down and carried on / I grew up in Enniskillen / I grew up in Inis Ceithleann too («Я родился в Лондондерри / Я родился в Дерри тоже / О, какой особенный ребенок / Видит все это и по-прежнему улыбается / Я знал, что что-то было не так / Но я опустил голову и жил дальше / Я вырос в Эннискиллене / И вырос в Инис Цейтлин»). Автор текста Нил Хэннон задается вопросом: «Who cares where national borders lie? / Who cares whose laws you're governed by? / Who cares what name you call a town? / Who'll care when you're six feet beneath the ground?» («Кого волнует, где простираются национальные границы? / Кого волнует, по

чьим законам ты живешь? / Кого волнует, как ты называешь город? / Кого волнует, что ты лежишь в земле?»). Конец песни проникнут надеждой на прекращение конфликта: «From the corner of my eye / A hint of blue in the black sky / A ray of hope, a beam of light / An end to thirty years of night» («Краем глаза / Я вижу свет в черном небе / Луч надежды, луч света / Конец тридцатилетней ночи»). Чаще всего об ольстерском конфликте в своих песнях упоминает ирландская рок-группа «U2». В 2000-м году коллектив выпустил песню «Peace on Earth» (альбом «All That You Can't Leave Behind», 2000, лейблы Island / Interscope Records), в которой наряду с призывом к миру во всем мире упоминаются некоторые жертвы террористического акта, совершенного в городе Ома 15 августа 1998 года: «Sean and Julia, Gareth, Ann and Brenda / Their lives are bigger than any big idea» («Шон и Джулия, Гарет, Энн и Бренда / Их жизни стоят гораздо больше любой идеи»). В 2014-м году, в сороковую годовщину взрывов 17 мая 1974 года в Дублине и Монахане, группа выпустила песню «Raised by Wolves» (альбом «Songs of Innocence», 2014, лейбл Island Records). В песне упоминается регистрационный номер одной из начиненных взрывчаткой машин, ее марка и цвет, описываются чудовищные последствия взрыва. Кроме того, в данной композиции есть строки, отсылающие слушателя к профессиональной (в том числе) природе ольстерского противостояния: «The worst things in the world / Are justified by belief» («Худшие вещи в мире / Оправдывают верой»). Стоит отметить, что во многих композициях «U2» есть религиозные мотивы и прямые воззвания к Богу, то есть в данном случае музыканты критикуют использование религии для оправдания своих действий.

В заключение отметим, что тема ольстерского конфликта в культуре современных Великобритании и Ирландии остается весьма заметной. В данной статье мы рассмотрели кинематограф и музыкальную индустрию, но не затронули театр, литературу, изобразительное искусство. К примеру, североирландская монументальная живопись (мураль) [5; 6, pp. 77–98] является важным источником, который содержит одновременно и сведения о конфликте, и его интерпретацию в массовом сознании. Несмотря на усилия политиков, предпринимаемые с обеих сторон, североирландский конфликт не исчерпал себя. Жаркие дискуссии по поводу статуса ирландского языка в регионе, обострившиеся на волне вопроса о Brexit, демографический рост католического ирландского населения [7] свидетельствуют о том, что конфликт продолжит свое существование.

Судя по всему, острая фаза его уже пройдена в прошлые десятилетия, но противостояние сохранится в культурном поле. А значит, со-

бытия прошлых лет будут по-прежнему интерпретироваться в музыке, кинематографе, литературе, живописи и театральных постановках, что будет играть весомую роль в формировании «политики памяти» в современных Ирландии и Великобритании.

Литература

1. Derry Bomb Attack: Northern Ireland Police Arrest Four Men // The Guardian. 20.01.2019. URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2019/jan/20/northern-ireland-police-condemn-reckless-derry-bomb-attack>

2. Agreement between the Government of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the Government of Ireland [Belfast Agreement (The Good Friday Agreement) / Белфастское соглашение 10 апреля 1998 г. (Соглашение Страстной Пятницы)]. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/136652/agreement.pdf

3. Internet Movie Database. URL: <https://www.imdb.com>

4. Devenport M. Fewer NI People Feel British than Other UK Regions – Survey // BBC.com. 18.06.2018. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-northern-ireland-44398502>

5. Political Wall Murals in Northern Ireland // CAIN Web Service. URL: <https://cain.ulster.ac.uk/murals>

6. McAttackney L. Peace Maintenance and Political Messages: the Significance of Walls during and after the Northern Irish «Troubles» // Journal of Social Archeology. 2011. Vol. 11. Iss. 1.

7. Gordon G. «Catholic Majority Possible» in NI by 2021 // BBC.com. 19.04.2019. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-northern-ireland-43823506>

А.В. Сковородников ***Фактор Косовской битвы в формировании*** ***сербской национальной идентичности***

Нередко в угоду каким-либо идеологическим, конъюнктурным или иным соображениям происходит искажение, замалчивание или откровенная фальсификация деятельности исторических личностей, событий, процессов или целых эпох. Здесь можно говорить как о провалах в исторической памяти, так и о попытках внедрения в нее, порой сознательно, а иногда бессознательно, различного рода мистификаций, мифов и легенд. Именно так появляются стереотипы, навешиваются соответствующие ярлыки. Часто данные клише и предрассудки, являю-

щиеся своеобразным экраном перед разумом отдельного человека, а иногда и всего общества, формируют особую картину бытия и исторического сознания. Достаточно показательным в этом отношении является восприятие исторической роли Косовской битвы конца XIV века в выстраивании внешнеполитических приоритетов современной Сербии и формировании ее образа на международной арене.

На Косовом поле сербы выступили против значительно превосходящих сил противника. Это самое популярное историческое событие, которое ярче прочих врезалось в сербское народное сознание. Легенды о битве вплоть до XX века служили, с одной стороны, для призыва к героическим подвигам и самопожертвованию, а с другой — для осуждения предательства [1]. Так что же значит Косово для сербов? Для них итог данного сражения с точки зрения влияния на самосознание и складывание духовных основ был подобен эффекту Куликовской битвы для русских.

Значение Косово, по существу, выходит за рамки истории одной Сербии. Это, в значительной степени, память о великой Косовской битве 1389 года между объединенными войсками южных славян под командованием сербского князя Лазаря и турецкой армией султана Мурада, которая завершилась тяжелым поражением славян. После Косовской битвы Сербия превратилась в вассала Османской империи. Все же в национальном восприятии южных славян, это не «сражение на Калке», а «Куликовская битва». Для сербов важно то, что с Косова поля начался трудный многовековой процесс самоопределения, а затем и самоорганизации балканских народов. Здесь, как считают сербы, впервые прозвучал призыв, достойный памяти всех грядущих поколений славян: «Слобода али смрт!» («Свобода или смерть!»). И здесь был сделан выбор в пользу Небесной Сербии, в противовес могущества Царства земного. В военном отношении сражение завершилось поражением, а в духовном плане стала победой сербского духа над смертью и призрачными идеалами материального мира.

Косово — это центр Сербии, отсюда все началось. Здесь происходило зарождение сербской нации, становление сербской государственности, закладывались основы сербской культуры. Духовная победа в Косово дала сербскому народу большую силу, стойкость и мужество в сохранении православия на протяжении пяти веков турецкого ига, когда сербы оказывали сопротивление насильственному обращению в мусульманство, переносили погромы, грабежи, уничтожение святынь, мученичество населения. В таком состоянии этот малый народ столетиями сохранял свою уникальность.

Дата 28.06.1389 — это своего рода символ, который проходит через всю историю этого народа и этой страны. Данное событие является неотъемлемой частью мировоззрения, исторического сознания сербов. Во многом это проявляется на генетическом подсознательном уровне. Косовская битва, воспетая во многих гимнах, исполненных радости от того, что Сербия теперь увенчана мученическим венцом, во все времена турецкого ига воспринималась только как победа духовного над плотским, жизни — над смертью. У сербского народа существуют такие понятия, как Косовский завет, Косовский выбор, Косовская этика — это всегда выбор духовной свободы. На определенном духовном уровне, сербы неизменно одерживают победу над своим врагами, так как сохраняют верность заветам Косова поля.

Именно так выглядит мифологизированный образ событий далекого XIV века с точки зрения их стереотипного, порой оторванного от исторических реалий, восприятия сознанием значительной части населения современной Сербии, включая и определенную часть политической элиты.

В исторической памяти сербов данные идеи настолько сильны, что их не смогли искоренить ни столетия турецкого ига, ни десятилетия коммунистического строительства, ни те испытания, которые выпали на долю сербов в конце XX — начале XXI века. В связи с агрессией НАТО и фактической потерей Косово и Метохии, в общественном сознании сербского населения бытует мнение, что скоро у сербов не останется места для жизни на земле, и только в одной лишь Небесной Сербии всегда найдется для них место. Для примера, характеризующего, насколько сильное влияние имеют события многовековой давности на историческое и повседневное сознание сербов, приведем следующие сведения. Истребительные авиационные эскадрильи, принимавшие участие в обороне Югославии во время бомбардировок 1999 года, носили неофициальное наименование «Витязи князя Лазаря». Это можно рассматривать, с одной стороны, как удивительный пример исторической памяти этого народа и его нравственно-психологическую силу. С другой стороны, такая обращенность в прошлое, очевидный груз далеких исторических событий не дают возможности сформулировать актуальные задачи нынешнего самоопределения и наметить конструктивные ориентиры движения вперед в соответствии с вызовами современности.

Неслучайно бывший президент Югославии С. Милошевич 28 июня 1989 года, в день 600-летия Битвы на Косовом поле, во время митинга произнес знаменитую речь, адресованную косовским сербам: «Никто больше не посмеет вас бить... Вы не должны оставлять эту

землю только потому, что жизнь здесь трудна, потому, что вы подвергаетесь унижениям. Сербь и черногорцы никогда не пасовали перед трудностями, никогда не отступали в часы сражений. Вы должны оставаться здесь — во имя ваших предков и ваших потомков. Югославия не существует без Косова!» [2]. Данное выступление, в определенной степени, стало катализатором начала необратимых процессов дезинтеграции страны, ускорило центробежные тенденции и создало предпосылки для распада государства, введения международных санкций и начала затяжной гражданской войны 1990-х гг., с последующим косовским кризисом, агрессией НАТО против Югославии, албанскими погромами сербского населения и фактической потери Косова.

Еще в ранние 90-е годы исследователи обращали внимание на процесс формирования негативного имиджа Сербии в мире. Сербия находилась в поисках собственной идентичности. Сильная тяга самоидентификации с Югославией привела к тому, что практически никакого внимания не уделялось собственной идентичности, на основе которой должен строиться мировой имидж [3]. Происходил слом прежних коммунистических установок, активизировался процесс распада государства, страна втягивалась в затяжной вооруженный конфликт с соседями — республиками бывшей Югославии. Очевидно, что все эти факторы крайне негативно повлияли на восприятие Сербии мировой общественностью.

Правительство Милошевича в сложившихся условиях пыталось сыграть на чувствах национальной гордости и уникальности положения сербов. Подчеркивалось богатство исторического пути, пройденного Сербией, а в основу информационной политики во многом были положены этнические стереотипы. Положение, в котором оказалась Сербия, воспринималось населением как повторение великой Косовской битвы средневековья [4, с. 68]. Следует признать, что возрождение «косовского мифа» в новых условиях вряд ли способствовало улучшению международного имиджа страны. Сербия все отчетливей и сильней утверждалась в качестве «государства-изгоя». Во-первых, главным элементом такого мифа является представление о существовавшей когда-либо Великой Родине, крепком государстве с обширной территорией. Население исторической Родины было великим культурным народом, обладало высокой степенью этнической консолидации и являлось предком нескольких современных этнических групп. Во-вторых, национальный миф часто конструирует образ иноземного врага, борьба с которым ассоциируется с тяжелым периодом в истории народа и вместе с тем цементирует этнос. На фоне этой борьбы появляются национальные герои [5]. В этом плане судьба С. Милошевича

тоже достаточно показательна: его арест в 2001 году произошел именно 28 июня. Долгое время этот человек был символом стойкости сербского народа. В данной работе не ставится целью рассмотрение его политической карьеры и тем более нравственная оценка его деятельности. Для нас сейчас важно понимание другого: многими в Сербии его арест в памятную для народа дату был воспринят как символ унижения и попрания национальных ценностей.

Ход дальнейшего развития событий показал, что фактор Косово еще долгое время будет наиболее значимым в определении места Сербии на мировой арене. Провозглашение в одностороннем порядке независимости Косово в 2008 году и признание этого факта большинством европейских стран и США (в общей сложности более ста государств-членов ООН), формируют реалии, которые по сей день оказывают воздействие на формирование сербской идентичности.

«Косово — это Сербия» («Косово је Србија») — один из самых популярных лозунгов как среди населения страны, так и для многих политиков. Что значит отказать от него? Предать собственную историю, память предков, морально-нравственные устои? Или это означает сделать шаг вперед к включению в Европейский Союз, приобщению к общеевропейским тенденциям развития и прекращению позиционирования себя в качестве изгоя? На сегодняшний момент данная дилемма далека от разрешения. Во многом именно от этого выбора будет зависеть, каким путем пойдет Сербия, выстраивая свое будущее, формируя имидж и определяя место на международной арене.

Литература

1. Чиркович С.М. История сербов. URL: https://www.e-reading.club/bookreader.php/1036240/Chirkovich_Sima_-_Istoriya_serbov.html
2. Милошевич Б.С. Слободан Милошевич. Фрагменты политической биографии. URL: <http://www.politpros.com/library/15/1013>
3. Атлагич С. Сербия в начале XXI века: европейский путь коммерческого национализма как стратегия развития. URL: <http://rrmedicine.ru/journal/article/206>
4. Сковородников А.В. Информационное противоборство в ходе гражданской войны в Югославии // Дневник АШПИ. №28. 2012. С. 64–68.
5. Ломоносов М. Косовский миф и его хронология. URL: <https://zapadrus.su/slavm/ispubsm/1838-kosovskij-mif-i-ego-khronologiya.html>

Обсуждение в Интернете

Historian

11 апреля 2019 в 12:06

Про использование мифа националистами-державниками все понятно. А можете для полноты картины привести примеры, когда современные сербы пытаются согласовать, примирить «косовский миф» с курсом на интеграцию в ЕС?

Александр Сквородников

11 апреля 2019 в 17:17

Спасибо за отзыв.

Наверное, эти примеры есть. Но в общем контексте влияния косовского мифа они, очевидно, носят менее значимый характер, с точки зрения влияния фактора Косово на выстраивание внешнеполитических ориентиров современной Сербией.

А.А. Токеева, Ю.Г. Чернышов

Политика памяти и экономическое сотрудничество: пример реализации стратегии Китая «Один пояс — один путь» в Казахстане

В многовековой истории взаимоотношений ряда стран, как правило, накапливается самый разнообразный опыт — от крайних форм вражды, ведущей к взаимному истреблению, до плодотворного и взаимовыгодного сотрудничества. Соответственно, для каждой модели поведения накоплены и наборы стереотипов — негативных, нейтральных, амбивалентных, позитивных. Политика памяти, если она направлена на нормализацию отношений, апеллирует, естественно, прежде всего к позитивным стереотипам. И в этом плане весьма интересен опыт новейшей истории развития сотрудничества между Китаем и Казахстаном. Пытаясь деактуализировать и отодвинуть на задний план все прежние антикитайские фобии в Казахстане, Пекин в соответствии со стратегией продвижения своих интересов с помощью «мягкой силы» (подробнее об этом см., например: [1–3]) всячески подчеркивает то, что сотрудничество с ним приносило и будет приносить только неоспоримые выгоды для казахстанцев. В данной статье будет показано, как этот курс реализуется в связи с продвижением известного китайского мега-проекта «Один пояс — один путь».

В истории при желании нетрудно найти такие сюжеты, которые могут быть использованы в качестве аргументов в пользу тезиса об опасности «китайской экспансии» для Казахстана. Однако в последнее время в соответствии с официальным курсом в Казахстане акцент делается в большей степени на неупоминании этих сюжетов и на «развенчании антикитайских мифов». Довольно примечательным явлением на этом фоне стал выход в 2014 г. книги крупнейшего казахстанского синоведа, главного научного сотрудника Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан К.Л. Сыроежкина под названием «Нужно ли Казахстану бояться Китая: мифы и фобии двухсторонних отношений» [4]. В ней автор проводил мысль о том, что в условиях активизации проникновения Китая конфликт интересов Китая и России в Центральной Азии будет нарастать, и возможно, что новые политические элиты сделают выбор именно в пользу Китая [4, с. 71]. Автор тогда утверждал, что Казахстану не стоит бояться Китая, а нужно, проводя политику многовекторности, определить механизмы, которые позволили бы использовать инвестиционные возможности и торговлю с КНР для более быстрого экономического развития страны и укрепления ее политической независимости.

Республика Казахстан сейчас находится на перекрестке политических и деловых интересов не только России и Китая, но также Ирана, США, европейских государств и т.д. Однако Китай в этом ряду занимает все более заметное место. Со времени установления дипломатических отношений между КНР и РК прошло уже 27 лет. За это время китайско-казахстанские отношения стали развиваться опережающими темпами и вышли на самый высокий уровень за всю историю. В начале июня 2017 г. Председатель Си Цзиньпин в своей статье «Взлетают на крыльях мечты китайско-казахстанские отношения» отмечал: «В 2013 году, во время своего первого визита в Казахстан, я выдвинул инициативу строительства Экономического пояса шелкового пути, от чего и берет начало сотрудничество в рамках «Одного пояса и одного пути». За прошедшие 4 года строительство «Одного пояса и одного пути» уже перешло от инициативы к действиям, от идеи к практике. Оно стало платформой для открытого и инклюзивного сотрудничества, общественным продуктом глобального масштаба, пользующимся широкой поддержкой в международном сообществе. <...> Искренне надеюсь, что путь совместного развития и процветания Китая и Казахстана будет все более широким и более гладким. <...> Народы Китая и Казахстана, тесно связанные общими чаяниями и помыслами, совместно сооружают свои мечты и стремятся к их реализации» [5]. Таким образом, лидер КНР настойчиво пытается убедить казахстанских

партнеров, что любые прежние фобии напрасны: два народа будут совместно реализовывать свои мечты, и верной дорогой к этому станет проект «Один пояс — один путь».

Немного раньше, 15 мая 2017 г., Нурсултан Назарбаев принял участие в Форуме международного сотрудничества «Один пояс — один путь» в Пекине, где отдельно остановился на сильных сторонах новой модели региональной кооперации. В частности, он отметил, что «провозглашенный подход «стабильность через совместное развитие» является сегодня привлекательной формой международного сотрудничества, отражающей экономические интересы десятков стран. <...> Центральная Азия вновь обрела стратегическое значение, став главным мостом между крупнейшими рынками мира» [6]. В числе прочих прозвучало и предложение развивать взаимное доверие между вовлеченными странами, их готовность к равноправному и всестороннему сотрудничеству, что, очевидно, предполагает и пропаганду позитивных стереотипов взаимного восприятия.

В рамках данного исследования был проведен контент-анализ официальных средств массовой информации и составлена хронология казахстанско-китайского сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс — один путь», которая наглядно показывает, как провозглашенное «стратегическое сотрудничество» динамично развивалось в 2013-2017 гг. (Таблица 1).

Таблица 1. Хронология казахстанско-китайских встреч на высшем и высоком уровне по вопросу сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс — один путь»

№	Дата	Событие	Итоги
1	06.09–07.09.2013 г.	Председатель КНР Си Цзиньпин с официальным визитом посетил Республику Казахстан.	Си Цзиньпин впервые объявил в «Назарбаев Университете» об инициативе создания Экономического пояса Шёлкового пути. Подписана совместная декларация о дальнейшем углублении всестороннего стратегического партнерства.
2	19.03.2014 г.	Министр иностранных дел Казахстана Ерлан Идрисов посетил с официальным визитом КНР.	Министр выступил в Китайском институте международных исследований. Принял участие в церемонии открытия памятника казахскому поэту и мыслителю Абаю Кунанбаеву в Пекине.
3	24.03.2014 г.	Состоялась встреча Председателя КНР Си Цзиньпина и Президента РК Н. Назарбаева (Королевство Нидерландов,	Рассмотрены основные направления развития двустороннего сотрудничества, а также ход реализации договоренностей, достигнутых по итогам государственного визита

№	Дата	Событие	Итоги
		Саммит по ядерной безопасности).	Си Цзиньпина в Казахстан.
4	19.05.2014 г.	Государственный визит Президента РК Н. Назарбаева в КНР.	Н. Назарбаеву вручили премию мира «Шелковый путь». Участие в церемонии открытия логистического терминала Ляньюньган.
5	14.12.2014 г.	Премьер Госсовета КНР Ли Кэцян и премьер-министр Казахстана Карим Масимов провели вторую регулярную встречу премьеров.	Подписан меморандум о взаимопонимании между министерством национальной экономики Казахстана и гос. комитетом по развитию и реформам КНР по совместному продвижению «Экономического пояса шелкового пути».
6	26.12.2014 г.	Переговоры между министром по инвестициям и развитию РК Асетом Исекешевым и руководителем Гос. комитета по делам развития и реформ (ГКРР) КНР Сюй Шаоши.	Обсудили 50 экономических проектов на общую сумму 60 млрд долларов.
7	07.05.2015 г.	Государственный визит Председателя КНР Си Цзиньпина в Казахстан.	Дальнейшее развитие стратегического партнерства.
8	30.08. – 03.09.2015 г.	Государственный визит Н. Назарбаева в КНР.	В ходе визита было подписано 33 документа. Среди них — 28 документов в сфере индустриализации и инвестиций на сумму 23,4 миллиарда долл.
9	13.12.– 14.12.2015 г.	Визит Премьер-Министра РК К. Масимова в КНР. Официальная встреча с Премьером Госсовета КНР Ли Кэцяном.	Принята «Программа приграничного сотрудничества РК и КНР на 2015–2020 годы».
10	12.07.2016 г.	Первый заместитель Премьер-Министра РК Бақытжан Сағинтаев в Пекине провел встречу с членом Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, Вице-премьером Госсовета КНР Чжаном Гаоли.	Обсудили реализацию проектов в рамках провозглашенной Президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым новой экономической политики «Нұрлы жол» и инициативы Председателя КНР Си Цзиньпина «Один пояс, один путь».
11	02.09.2016 г.	Рабочий визит Президента РК Н. Назарбаева в КНР (г. Ханчжоу).	Между правительствами был подписан План сотрудничества по сопряжению программ «Нұрлы Жол» и «Экономического пояса Шелкового пути». Достигнута договоренность по 51 проекту на

№	Дата	Событие	Итоги
			общую сумму свыше 20 млрд долл.
12	03.11.2016 г.	Президент РК Н. Назарбаев провел встречу с Премьером Госсовета КНР Ли Кэцяном.	Были подписаны документы в сфере торговли, инвестиционного и экономического сотрудничества.
13	29.11.2016 г.	Первый заместитель Премьер-Министра РК Аскар Мамин провел переговоры с заместителем Премьера Госсовета КНР Чжан Гаоли.	Обсудили реализацию 51 совместного масштабного проекта в области индустрии, инновации, транспорта и логистики.
14	24.04.2017 г.	Двусторонние переговоры между министрами иностранных дел Казахстана Кайратом Абрахмановым и Китая Ван И.	Подписан Меморандум о сотрудничестве на 2017–2019 годы между министерствами иностранных дел.
15	14.05. – 15.05.2017 г.	Н. Назарбаев в Пекине принял участие в Форуме международного сотрудничества «Один пояс — один путь».	Подписано трехстороннее соглашение между АО «Национальная Компания «Кзахстан темыр жолы», портом Ляньюньган и COSCO Shipping о совместном развитии сухого порта КТЗЕ-KHORGOS Gateway на СЭЗ «Хоргос Восточные ворота».
16	08.06.2017 г.	Государственный визит Председателя КНР Си Цзиньпина в Казахстан.	Посещение выставочного павильона Китая в рамках «ЭКСПО-2017», участие в телемосте «Казахстан и Китай — транзитный мост Евразии». Запуск нового транспортного пути «Хоргос-Ляньюньган».

Следует отметить, что в казахстанском проекте «Нұрлы жол» («Светлый путь») и в китайской инициативе «Один пояс — один путь» есть много общего: оба проекта приносят сейчас выгоду и соответствуют целям стратегического развития государств. Однако некоторые эксперты (например, тот же К.Л. Сыроежкин в своих более поздних работах) (см., например: [7, с. 111–120]) отмечают, что, несмотря на немалые преимущества, которые может дать сопряжение китайской и казахстанской программ, существуют также вероятные угрозы и вызовы. К таким угрозам, в частности, относят то, что может произойти массовая трудовая миграция рабочей силы из Китая в связи с переносом и строительством китайских предприятий в Казахстане, а также то, что внешняя политика Китая со временем может стать значительно жестче.

Как бы то ни было, всемирная история еще со времен древних греков и скифов учит: пока между народами активно развиваются взаи-

мовыгодные связи, в их взаимном восприятии (и в интерпретации характера их исторических связей) преобладают позитивные стереотипы. Однако стоит только измениться характеру контактов (при переходе, например, к открытому подавлению, агрессии, конфликтам на национально-религиозной почве и т.д.), меняется и сама политика памяти, в которой вновь на первый план могут выйти накопленные в течение веков негативные стереотипы.

Литература

1. Nye J.S., Jr. Why China Is Weak on Soft Power // The New York Times. 2012. January, 17. URL: <https://www.nytimes.com/2012/01/18/opinion/why-china-is-weak-on-soft-power.html?r=0>

2. Раднаева В.В. Концепция мягкой силы в политической культуре Китая // Исторический журнал: научные исследования. 2017. №1.

3. Сачко Г.В., Чистенкова В.В. «Мягкая сила» внешней политики Китая. История и современность // Судьбы национальных культур в условиях глобализации: материалы IV Международной научно-практической конференции. Челябинск, 2017.

4. Сыроежкин К.Л. Нужно ли Казахстану бояться Китая: мифы и фобии двухсторонних отношений. Алматы; Астана, 2014.

5. Си Цзиньпин. Взлетают на крыльях мечты китайско-казахстанские отношения // Казахстанская правда, 7 июня 2017 г. С. 1–2. URL: <https://www.kazpravda.kz/articles/view/vzletaut-na-krilyah-mechti-kitaisko-kazahstanskije-otnosheniya>

6. Назарбаев Н. Выступление на Форуме международного сотрудничества «Один пояс, один путь» // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: http://www.akorda.kz/ru/events/international_community_foreign_visits/uchastie-v-forume-mezhdunarodnogo-sotrudnichestva-odin-poyas-odin-put

7. Сыроежкин К.Л. Проект «Экономический пояс Шелкового пути» в сложном пространстве Центральной Азии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2016. Вып. 6. Т. 9. DOI: 10.23932/2542-0240-2016-9-6-104-122

Х.М. Турьинская

Переосмысляя наследие уджамаа: танзанийская нация

В 2019 г. исполняется 55 лет со времени образования Объединенной Республики Танзания. ОРТ являет собой пример устойчивости добровольного союза двух территорий, политически разностатусных, неравновесных в социальном и экономическом плане. В течение всего

периода существования эта страна в Восточной Африке была и остается объектом внимания политических философов, социальных ученых. Среди дискуссионных тем — выбор некапиталистического курса и судьба африканского социализма «уджамаа»/«ujamaa» в современной истории Танзании, в условиях либерализма; фигура Джулиуса Ньерере — «отца нации» и «главного архитектора» Союза; специфика партийной системы; государственное строительство и национальная политика; «танзанийскость», «занзибарскость», «единство», национализм и сепаратизм; природа танзанийского «федерализма», сущность союзного вопроса, отношения между Танганьикой и Занзибаром — материковой и островной частями Объединенной Республики; суверенитет и страновые интересы Танзании в контексте региональной интеграции и планируемого создания Восточноафриканской федерации.

Не только между буржуазными учеными и марксистами, но и в среде африканистов собственно левого спектра, придерживающихся схожих взглядов, возникла полемика по проблеме постколониальной государственности, определения векторов политического, экономического, национального развития стран континента и по поводу интерпретаций уджамаа и динамики становления танзанийской нации, в частности. Восточноафриканский политолог и государствовед кенийского происхождения, Али А. Мазруи, известный прозападными взглядами и эмигрировавший в США, отмечал, что перенаправление Танганьики в начале 1960-х годов от многопартийности на путь построения «демократического однопартийного государства» Ньерере считал лучшим способом избежать «грязи в политике». При новой системе в электоральный период по соображениям «политической гигиены» и для соблюдения чистоты выборов между собой соревнуются кандидаты от единственной в стране партии (ТАНУ). При этом, союз с радикалистским Занзибаром, где в результате антисултанского, антифеодального, антиарабского движения в январе 1964 г. произошла революция, по мнению Мазруи, дал умеренной Танганьике дополнительный революционный заряд [1].

С другой стороны, поддержку африканского населения архипелага получил тот эгалитаристский этос, который сформировался в Танганьике и в годы независимости воплотился в идеологии уджамаа, в борьбе с трайбализмом, в практике «перемешивания племен», в поддержке лингва франка суахили как общегосударственного языка с целью построения танзанийской нации. «Мы — танзанийцы», отвечали занзибарские военнослужащие на вопрос, кем они себя считают после объединения архипелага с «мейнлендом» [2, с. 64]. Спустя полвека существования Объединенной Республики дипломаты ОРТ уверены, что тан-

занийцы вместе будут «сильнее, чем поодиночке» [3, с. 54]. Между тем, о необходимости выбора социалистического пути и для освободившейся от британских колонизаторов Танганьики, и для всей Африки Ньерере писал еще в 1962 г., до восстания на Занзибаре. Последовательный критик политики Ньерере, Мазруи в то же время «не замечал», что и в соседней капиталистической Кении при Дж. Кениате фактически сформировалась однопартийная система. Трайбализм и элитизм, которые поощряла и использовала британская администрация, продолжают влиять на политическую, экономическую, социальную жизнь независимой Кении вплоть до настоящего времени.

Как указывали советские историки, Мазруи, анализируя события и явления в современной истории Восточной Африки, рассматривал политическую их сторону, не уделяя достаточного внимания социально-экономической подоплеке происходившего. Например, существование различий в тех курсах, которыми следовали правительства стран региона, он видел в разнообразии степеней и форм африканизации, поэтому считал возможным вкладывать в понятие «социализм» любой смысл. Мазруи полагал, что Кения, как и Танзания, строит социализм, только свой, особый, а цель кенийского социализма — не в уничтожении классов, а в том, чтобы не допустить совпадения расовых границ в обществе с классовыми. Ученый тут же признавал, что этот курс можно и не называть социалистическим, а считать «африканизацией капитализма» [4, с.198]. Но ведь именно совпадение классовых и расовых границ в султанском Занзибаре, закрепленное и в практике британского владычества на архипелаге, стало раздражителем для местных ширази и африканцев, послужив триггером революционных событий 1964 г.

Общественная мысль на протяжении столетий признаёт «национальную, религиозную и многие другие "идентичности" отчужденными и реакционными „частями культуры и самосознания“, унижительными для человеческого достоинства» [5, с. 228], но нации и классы продолжают существовать, а это суть явления фундаментальные для социального неравенства, как и государство, от которого человечество так же не отошло. Идея нации формировалась в общественном сознании «через лояльность государству, через признание государства органом свободных граждан, обладающих собственностью, и через преодоление принципа государственного суверенитета как суверенитета монарха». Действительные основания формирования реальных наций, а также идеологического сопровождения данного процесса, следует искать в экономической истории [6, с. 231, 239].

В трудах исследователей, разделявших левые взгляды, также выявились серьезные теоретические расхождения по поводу социально-экономического потенциала уджамаа. Так, итальянский экономист и социолог Джованни Арриги, изучавший причины «африканского кризиса» и результаты применения принципов «Вашингтонского консенсуса» в странах «третьего мира», указывал на несовпадение мнений по поводу сущности режимов, возникших в Африке в результате деколонизации. Полемизируя со своим коллегой по научной работе в Танзании, канадским политологом Джоном Солом, Арриги называл эти режимы национально-освободительными, но в то же время популистскими, не-социалистическими, «даже если» они и «использовали социалистическую риторику». Оба автора, впрочем, высказывали скепсис в отношении способности африканских режимов избавиться от неокOLONиализма и выполнить обещания, касающиеся экономического развития [7, с. 7]. Дж. Сол, затрагивая политику руководства ОРТ в племенном вопросе и в отношении традиционных властей, квалифицирует танзанийский проект как социалистический. И рассуждает, чему может научить африканцев противоречивый опыт уджамаа, перспективно ли обращаться к истории африканского социализма в его танзанийской версии в их попытках преодолеть наследие колониализма на континенте и в борьбе с засильем мирового капитала [8]. Между тем, именно государства-нации на современном этапе остаются центральной ареной борьбы против глобального капитализма [9].

При *ујамаа* в Танзании были национализированы крупнейшие иностранные банки и компании, земля объявлена собственностью государства, создавались коллективные хозяйства, разрабатывались стратегии «опоры на собственные силы» и «культурной революции» и другие меры. Термин «девелопментализм», заметим, может применяться не только в приложении к текущей ситуации в ОРТ, но и в анализе танзанийской экономики 1960–70-х годов, включая аграрный сектор. Вынужденный переход Танзании с середины 1980-х годов под влиянием рекомендаций МВФ к новой экономической политике Джулиус Ньерере, ушедший в отставку с поста президента, признавал как «незапланированное отступление от социализма» [10, с. 56–58].

В нынешних условиях многопартийности, но фактически в «системе с одной доминирующей партией», как ее характеризуют танзанийские политологи [11], — речь идет о Революционной партии/ЧЧМ, преемнице ТАНУ и занзибарской Партии Афро-Ширази — идеи независимости и антиколониализма, лозунг «Революция навсегда!» из эпохи африканского социализма по-прежнему используются правящей ЧЧМ, однако в них вкладывается альтернативный смысл. Перед граж-

данами вырисовываются перспективы построения прагматичного «государства развития» вместо модернизирующего социального государства, государства всеобщего благосостояния (welfare state), которое было изначально задумано авторами концепции уджамаа, лидерами танзанийской революции [12].

В связи с вопросом, действительно ли и целиком ли Танзания перестала быть социалистической, отметим принципиально важную тенденцию последних лет. Заявленные при предыдущем президенте Киквете реформы, предполагавшие реструктуризацию союза, пересмотр статусов Занзибара и «материка», легализацию и закрепление принципа федерализма в конституции, проведение мер по децентрализации в качестве закономерного — как могло казаться в соответствии с логикой либерализма — итога политики «good governance» и оформления «developmental state», при действующем президенте Магуфули утратили статус приоритетных для союзного правительства.

Процесс внесения изменений в Основной закон ОРТ сведен на нет, запланированный и подготовленный конституционный референдум не состоялся, движение к де-юре федерализму приостановлено. Соглашаясь на конфедеративные и, в неопределенном будущем, федеративные отношения в рамках регионального сообщества (ВАС), танзанийское руководство одновременно дистанцируется, как и прежде, от использования подобных механизмов внутри страны. Поддерживая, таким образом, наследие уджамаа и замысел Ньерере, по крайней мере, в административно-политическом устройстве государства, в сохранении его территориальной целостности, в идеологии единства танзанийской нации.

Литература

1. Mazrui A.A. Tanzaphilia: A Diagnosis [From Transition 31 (1967)] // Transition. 1997. No.75/76: The Anniversary Issue: Selections from Transition, 1961–1976.
2. Тетерин О.И. Занзибар: первый год после объединения // Азия и Африка сегодня. 2014. № 7.
3. Республике Танзания — 50 лет // Азия и Африка сегодня. 2014. №7.
4. Историческая наука в странах Африки. М., 1979.
5. Элез А.Й. [Рец. на:] Исмагилова Р.Н. Эфиопия: особенности федерализма. М.: Институт Африки, 2018. 544 с., карт. // Восток. 2019. №3.
6. Элез А.Й. Этнология и фашизм: К вопросу о теоретических источниках современной концепции «гражданской» нации // Образование и право. 2017. № 6.

7. Арриги Дж. Извилистые пути капитала. Интервью Дэвида Харви // Прогнозис. 2009. № 1(17).

8. Saul J.S. Tanzanian Socialism and Africa's Future: Mere Footnote or First Step on a Long March. URL: <https://carleton.ca/africanstudies/wp-content/uploads/Saul-Nyerere-Carleton-2011.pdf>

9. Wood E.M. Global Capital, National States // Historical Materialism and Globalisation. L., 2002.

10. Шлёнская С.М. Объединенная Республика Танзания. М., 2014.

11. ПМА: интервью с Джейсоном Нкьябонаки, Дар-эс-Салам, 2013.

12. Bissel W.C., Fouéré M.-A. Memory, Media, and Mapinduzi: Alternative Voices and Visions of Revolution, Fifty Years Later // Social Memory, Silenced Voices, and Political Struggle: Remembering the Revolution in Zanzibar. Dar es Salaam, 2018.

П.В. Ульянов
Эволюция оценок Первой мировой войны в России
(1991–2018 гг.)

Первая мировая война продолжает занимать важное место в общественном сознании и исторической памяти народов Европы, США, Азии и Африки, вызывает немало дискуссий и имеет множество интерпретаций. Для европейских стран, таких как Великобритания, Франция и Германия, события этого военного конфликта стали переломными и во многом повлияли на их послевоенное политическое, социально-экономическое развитие и формирование образа «потерянного поколения» 1914 г. Но еще большее воздействие война оказала на российское общество.

Особенность влияния заключается в том, что Первая мировая война была связана с Февральской и Октябрьской революциями, а также последовавшей за ними Гражданской войной. Кроме того, к началу 2000-х годов эта война как историческое событие не была в полной мере вписана в культурную и историко-политическую память российского общества: некоторые герои войны были забыты, наиболее важные события (кроме Брусиловского прорыва) не упоминались, а места памяти отсутствовали. В современной России наметилась тенденция заполнения культурно-исторических пробелов для формирования исторической памяти о Первой мировой войне, что, в свою очередь, отчасти повлияло на имидж страны.

В связи с этим цель статьи заключается в выявлении особенностей развития оценок Первой мировой войны в России на современном эта-

пе и определении их роли в формировании ее положительного имиджа.

Формирование основ коллективной исторической памяти о Первой мировой войне началось еще в 1914–1917 гг. С одной стороны, в российском обществе проводилась пропаганда, в результате чего сложился образ Первой мировой как войны «Великой», «Второй отечественной» и «Освободительной» [1, с. 325]. С другой стороны, в общественном сознании ощущалась общая трагедия войны, связанная с колоссальными людскими потерями на фронтах. Однако после 1917 г. образ войны резко изменился. Это было связано с тем, что в советское время Первая мировая война приобрела образ войны «империалистической», «захватнической» [1, с. 325], и велась она буржуазными странами за «перedel мира».

После распада СССР и отхода от прежней идеологии начался «пересмотр прошлого» за счет де- и ремифологизации истории Первой мировой войны и роли в ней России. Началось все с создания Российской ассоциации историков Первой мировой войны (РАИПМВ) [2, с. 7] и впоследствии с обращения к героям той войны, а именно к знаменитым участникам «Белого движения» А.И. Деникину, А.В. Колчаку, П.Н. Врангелю и многим другим, а также их «реабилитации» [3, с. 34; 4, с. 46]. Последняя привела к возникновению разногласий, так как «реабилитируемые» участники Первой мировой казачьи атаманы Г.М. Семенов, П.Н. Краснов и А.Г. Шкуро, осужденные в советское время за сотрудничество с японскими милитаристами и немецко-фашистскими захватчиками, были приговорены к смертной казни и в современности для некоторых людей остаются «предателями». «Реабилитация» привела к установлению в 1994 году памятника «Воинам русского общевойскового союза, русского корпуса, казачьего стана, казакам 15 кавалерийского корпуса, павшим за веру и отечество» на территории храма Всех Святых в городе Москве. Посвящен он был П.Н. Краснову и А.Г. Шкуро. И все же, несмотря на эти разногласия, в том же году постановлением правительства г. Москва территория бывшего Братского кладбища была объявлена памятником истории и культуры, а в центральной ее части создан Мемориально-парковый комплекс Героев Первой мировой войны. Это свидетельствует о том, что память о войне постепенно восстанавливалась, и менялось представление о ней.

Важную роль в возрождении памяти о Первой мировой войне сыграли советские и российские ученые-историки. Написанные ими учебники по истории свидетельствуют об изменении оценок войны. Оцен-

ки, в свою очередь, можно разделить на пессимистические и оптимистические. Первые отражены в учебнике «История СССР. 1861–1917», написанном на основе архивных документов в духе советской эпохи [5, с. 347, 353–354, 361–362]. Оптимистические взгляды об «упущенной возможности победить в войне» присутствуют в учебнике «История России. XX век». В нем «реабilitируется» представление о войне и зарождается концепция «Россия, которую мы потеряли» [6, с. 111–120]. Благодаря этим ученым, заложившим основу для изучения Первой мировой в системе исторического образования, возрождение различных пространств памяти о войне привело к углублению семейной памяти, росту популярности военно-исторических реконструкций и возрождению дореволюционных традиций, особенно среди казачества в южных регионах России.

С конца 1990-х – начала 2000-х годов начался новый этап в формировании оценок Первой мировой войны. В отечественной историографии появилась тенденция к более конструктивному подходу в изучении войны, стремление к объективному и всестороннему изучению ее истории [7, с. 8]. Особую роль по возрождению исторической памяти о войне взяло на себя государство в лице президента России В.В. Путина, поставившего цель усилить федеральную власть и сформировать идеологию государственного патриотизма в рамках символического единства на фоне тысячелетней истории России [8, с. 111]. С целью увековечить память погибших в 2004 году был открыт мемориальный комплекс в честь героев Первой мировой на месте Братского кладбища в г. Москва на Соколе, а четыре года спустя памятник жертвам Первой мировой войны открыли в г. Пушкино. С этой же целью в 2004 году в г. Иркутск был установлен памятник А.В. Колчаку. Подогреванию интереса к войне и к офицерам Белой армии способствовали отечественные фильмы «Гибель империи» (2005), «Гарнастум» (2005), «Багровый цвет снегопада» (2008) и «Адмираль» (2008). Вдобавок на экраны вышли телесериалы «Тихий дон» (2006), который начал снимать еще С.Ф. Бондарчук, а закончил съемки его сын — Ф.С. Бондарчук, и «Тяжелый песок» (2008). За первые два периода развития оценок Первой мировой можно констатировать резкое изменение представлений об этой войне и смещение акцента с популяризации командиров Красной армии на «реабилитацию» участников «Белого движения».

Широкую популярность Первая мировая война приобрела в период с 2012 по 2018 гг. Впервые во внутривластной повестке дня появилась тематика Первой мировой войны. Инициатором выступил

сенатор А.И. Лисицын. На встрече президента В.В. Путина с членами Совета Федерации в 2012 году он поднял вопрос о возрождении памяти об этом событии [8, с. 114]. В том же году вышло послание В.В. Путина Федеральному Собранию, которое содержало формулировку о «незаслуженно забытой великой войне» [9], и даже был подписан федеральный закон об установлении 1 августа Дня памяти российских воинов, погибших во время Первой мировой войны [2, с. 8]. Это свидетельствовало о том, что война вновь стала приобретать образ «Великой войны», который был сформирован в 1914 г.

На юбилейный 2014 год пришелся пик активности возрождения и отчасти более целостного формирования исторической памяти об этой войне. Главным событием года стало открытие памятника Героям Первой мировой войны на Поклонной горе в г. Москва 1 августа 2014 г. В этот день президент выступил с речью, в которой подчеркнул, что «Великая война» оставалась в забвении долгие годы, и произнес спорный тезис о том, что «победа была украдена у страны» [10]. Другим, не менее важным событием стало открытие в Царском селе музея Первой мировой войны, которое, по словам министра культуры В.Р. Мединского, предполагает пробуждение у молодого поколения интереса к истории России [11]. В дальнейшем по поручению президента был разработан Историко-культурный стандарт как «научная основа содержания школьного исторического образования» с целью подъема патриотических чувств. В нем Первая мировая война была представлена в V разделе «Россия в годы Великих потрясений (1914–1921 гг.)» [3, с. 34–35; 12]. Кроме того, на телевидении был показан документально-игровой сериал «Первая мировая». В нем создатели постарались представить историческую реальность того времени и объяснить многие события, показать забытых героев войны, например, казака К. Крючкова, и рассказать о последствиях войны. Обращение к патриотическим чувствам населения страны с целью их единения за счет исторической памяти было необходимо отчасти из-за возникшего в этот же год политического кризиса на Украине.

Деятельность по возрождению памяти о войне была продолжена еще двумя организациями: Российским историческим обществом (РИО) и Российским военно-историческим обществом (РВИО). Они в сотрудничестве провели ряд батальных реконструкций и запустили Интернет-проект «Народный архив Первой мировой» [8, с. 117]. К этой деятельности подключились деятели кино. Так, российский актер и режиссер И. Угольников, выступавший в 2014 году с инициативой создания «правдивого патриотического кино» о войне, стал инициато-

ром создания в 2015 году фильма «Батальонъ» [8, с. 113, 117–118]. Тот был посвящен формированию в России в 1917 г. женского батальона и его командиру М.Л. Бочкаревой. Кроме того, на протяжении всего периода активно издавались мемуары, дневники и письма участников войны: солдат и офицеров. Вдобавок были установлены памятники Л.Г. Корнилову (2013, г. Краснодар) и П.Н. Врангелю (2016, г. Керчь).

Несмотря на то, что 2017 год во многом был посвящен обсуждению столетия Великой Октябрьской социалистической революции, активность в продвижении образа «Великой войны» в российском обществе не снизилась. Устанавливались памятники, издавались воспоминания участников и шли дискуссии вокруг борьбы красных и белых во время Гражданской войны. В 2018 г., ко дню столетия окончания вооруженного конфликта, при поддержке компании «Wargaming» в СНГ был снят короткометражный фильм «Атака мертвецов: Осовец». Посвящен он обороне российскими войсками крепости Осовец в 1915 г., связанной со знаменитой «атакой мертвецов» (отсюда, предположительно, пошла фраза «Русские не сдаются!»). В результате Первая мировая война в оценках была представлена в основном как «Отечественная», «Великая», «Освободительная» и «Народная».

Таким образом, можно выделить особенности эволюции представлений о Первой мировой войне в современной России. Во-первых, за период с 1991 по 2018 годы прошла «реабилитация образа» этой войны. Во-вторых, благодаря деятельности государственной власти России, ученых-историков и общественных организаций было возрождено знание об этой войне. В-третьих, Первая мировая была окончательно вписана в единое историко-культурное пространство. В-четвертых, была определена важная роль России в этой войне, хотя этот вывод продолжает носить дискуссионный характер, как и многие интерпретации самой войны [13, с. 124]. В-пятых, возрождение памяти о войне и формирование единого общеисторического культурного пространства связано с созданием и продвижением в массы и за рубеж имиджа России. Цель государственной власти в обращении к событиям Первой мировой была в том, чтобы «реабилитировать» представление о России как о полноправной участнице военного конфликта, внесшей значительный вклад, способствовать развитию исторической и культурной идентичности, а также связать единое российское историко-культурное пространство с мировым историческим процессом.

Литература

1. Сенявская Е.С. «Образ войны» в массовом сознании и исторической памяти: вопросы теории и методологии // Опыт мировых войн в истории России. Челябинск, 2007. С. 318–329.
2. Голдин В.И. Великая война: размышления спустя сто лет // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2015. № 2. С. 5–14.
3. Стрелова О.Ю. Маятник оценок Первой мировой войны в школьных курсах истории России // Вестник ВГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. 2016. № 27 (46). С. 31–37.
4. Сперанский А.В. Первая мировая война в контексте мифов и исторических параллелей // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2014. Т. 14. № 4. С. 45–48.
5. История СССР. 1861–1917 / В.Г. Тюкавин, В.А. Корнилов, А.В. Ушаков и В.И. Старцев. М., 1990.
6. История России. XX век: учеб. для 11 кл. / В.П. Островский, А.И. Уткин. М., 1996.
7. Борщукова Е.Д. Проблема войны и мира в борьбе политических сил в России в 1917 году: историографические аспекты // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 107. С. 7–14.
8. Пахалюк К.А. Дискурсивные основания юбилейной коммеморации Первой мировой войны в современной России // Polit-Book. 2006. № 4. С. 109–131.
9. Путин В.В. Послание президента Федеральному собранию (12.12.2012) // Сайт президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/17118>
10. Выступление на церемонии открытия памятника героям Первой мировой войны // Сайт президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46385>
11. Голубкова М. В Царском селе открылся музей Первой мировой войны // Российская газета. 2014. 4 авг. URL: <https://rg.ru/2014/08/04/reg-szfo/muzey-anons.html>
12. Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории // Федеральный портал «История РФ». URL: <https://histrf.ru/biblioteka/b/kontsieptsiia-novogho-uchiebnomietodichieskogho-kompliksa-po-otiechiestviennoi-istorii>
13. Кокоулин В.Г. Первая мировая война в учебниках истории // Гуманитарные проблемы военного дела. 2018. № 2 (15). С. 124–129.

Е.И. Филиппова, В.Р. Филиппов
Рабство в исторической памяти гваделупцев

В 2008 г. мы провели исследование идентичностей жителей Гваделупы; сбор материала проводился методом неформализованного интервью. Мы опрашивали по свободной антропологической программе как экспертов — представителей гуманитарной интеллигенции, так и людей самых разных профессий с различным социальным статусом. В первом случае нас интересовала рефлексия интеллектуалов по поводу состояния умов островитян, во втором — самоанализ наших собеседников. Гваделупа — это несколько островов Антильской гряды в восточной части Карибского моря, заморский департамент Франции. Население — менее полумиллиона человек, главным образом — это темнокожие потомки африканских рабов с разной степенью метисации.

С первых часов пребывания на Гваделупе заинтересованный наблюдатель ощущает холодную тень прошлого, нависшую над этим тропическим раем. Изумляет обилие книг местных авторов, посвященных рабству в истории Гваделупы. Их можно встретить и в книжных магазинах, и в сувенирных лавках и даже в продуктовых супермаркетах! Но если есть предложение, значит, есть и спрос, есть общественный интерес к проблеме! В разных уголках Гваделупы, в маленьких прибрежных городках встречали мы столь характерные памятники восставшим рабам, разрывающим цепи, скульптуры героев и идеологов освобождения рабов на Антилах. Вдоль дорог, на каменных парапетах, и на стенах домов мы видели граффити, призывающие помнить и дату освобождения, и имена освободителей...

Тема рабства до сих пор актуальна для гваделупского социума. Философ Э. Глиссан любит повторять, что «антильские общества зародились в трюмах невольничьих кораблей и выросли на сахарных плантациях» [1, р. 3]. Без осознания этого факта решительно ничего нельзя понять в нынешнем состоянии умов гваделупцев, в их теперешнем миропонимании и понимании себя в этом мире. Писатель Ж. Пино с горечью восклицает: «Рабство! Проклятое рабство, отметившее негров печатью проклятия! Сколько тех, кто из-за этого наследия и сегодня ищут забвения в бутылке рома, сходят с ума, становятся подручными братьев Вельзевула» [2, р. 114–115]. Идентичность гваделупцев «не коренилась в стране исхода, но целиком формировалась на рабовладельческих плантациях под давлением колониальной системы отношений, лежавших в основе всего» [3, р. 97], — констатировал М. Жиро. Д. Максимэн, напротив, утверждает, что «идентичность не родилась из рабства, она родилась вопреки рабству», что «именно со-

противление рабству сформировало карибские идентичности во всем многообразии их культурных составляющих» [4]. Однако и в том, и в другом случаях рабство, пусть проклинаемое, все равно выступает в роли системообразующего фактора формирования идентичности. Ж. Дагомей, известный на острове философ и публицист, сказал нам: «До самого последнего времени о рабстве не упоминалось. Страницы прошлого, связанные с рабовладением, были мало известны, оно как бы отрицалось. Но лет 20–30 назад интеллектуалы стали выступать за возвращение памяти о рабстве, считая, что для идентичности антильцев это важно и даже необходимо. Формирование антильской идентичности проходило через возрождение интереса к истории, через работу памяти» [5]. Изжить травмы прошлого посредством дискурсивных практик, осознать и осмыслить то, что было абсолютным злом в прошлом, сделать это предметом дебатов. По мнению многих антильских мыслителей, именно таков путь к прощению и забвению. В местечке Пти Каналь, на воротах дома мы заметили табличку с надписью «Музей рабства». Спросили у хозяйки, стоявшей в дверях, где же музей. «Вот он!» — ответила она и сделала широкий жест рукой. Неподалеку стоял монумент — раб, встающий с колен. Дорога упиралась в причал и вела к массивной каменной лестнице. Здесь был рынок рабов, на развалинах старинной каменной тюрьмы выросло могучее дерево. Дануж Патини, хозяйка музея, называет себя Хранительницей Памяти. Она с грустью констатировала: «Многие люди не хотят вспоминать это ужасное время, но это наша история, и нужно знать ее такой, какой она была» [6].

Шокирующая космогония. Над ментальностью гваделупцев довлеет страшное прошлое. В основе самопознания лежит ущербная космогония: основополагающий миф о происхождении — океан, корабль, насилие белого мужчины над черной женщиной... Они ощущают себя зачатыми вне времени и пространства, людьми без истории, без корней, без земли предков. Архетип матери гваделупца стигматизирует его сознание — она жертва насилия, и ей отказано в уважении. Так же, как отказано в уважении темнокожему мужчине, который не смог защитить свою женщину. Архетип отца — жестокий работорговец, надругавшийся над матерью, а потому ему отказано в любви. У нас нет оснований думать, что таково состояние умов всех темнокожих жителей Гваделупы. Но в пользу того, что ментальность островитян травмирована исторической памятью, говорят многие факты, и об этом писали многие исследователи этого уникального сообщества. Ж. Пино, парижанка, бабушка которой родилась на Гваделупе, пишет по этому поводу: «Женщины, которые должны были лавировать между миром

хозяев, белых, и миром черных рабов. Они были подругами этих мужчин, обращенных в рабов, и в то же время они могли забеременеть от своего хозяина и родить ребенка-метиса, мулата... Эти женщины, считавшиеся предательницами, дорого за это заплатили. Надо понять, что метисация осуществлялась посредством тела черной женщины. Что же до черных мужчин той эпохи, то они были лишены права на отцовство, они не могли сказать: «Это моя жена, это мои дети», поскольку женщины и дети были в первую очередь собственностью хозяина. Таким образом, на женщинах лежит вина, которую они никак не могут искупить, своего рода долг, запечатленный в их плоти и в их памяти, который они несут в себе более чем 150 лет спустя после отмены рабства» [7].

Непрестижность черного. В мире, в котором лишь каждый десятый — светлокожий потомок европейских колонизаторов, темная кожа и поныне воспринимается как проклятие. Абсолютное статистическое большинство оказалось на Гваделупе статусным меньшинством. Парадоксальность восприятия расы гваделупцами выражается, помимо прочего, и в отказе от самоотождествления с африканцами. Э. Глиссан в 1962 году с горечью характеризовал гваделупцев как «человеческую общность, отказавшуюся от части своего существования», как «народ африканского происхождения, для большинства которого слово «африканец» является оскорблением» [8]. Черный цвет кожи и характерные физические черты рабы и их потомки воспринимали не только как признаки собственной социальной неполноценности, но как своего рода симптомы, передаваемые по наследству, как неизбежный и неисправимый изъян. Травмирующая расовая идентичность побуждала выходцев из Африки и их потомков искать пути «осветлить» цвет кожи своих потомков, она побуждала темнокожих женщин к связям с белыми мужчинами и много лет спустя после отмены рабства. И это осознанное стремление вновь и вновь стигматизировало сознание и разрушало самооценку гваделупцев. «Поколение за поколением, терпеливо, негры пытались спасти свое потомство, смешивая свою кровь с кровью людей с более светлой кожей. Многие и многие отказывались от своей расы, считали ее гнилым корнем, а себя — отбросами общества» [2, р. 115], — сокрушается Ж. Пино. Расовое смешение, таким образом, было и заветной целью темнокожих антильцев, и вечным укором. Это был компромисс с рабовладельцами и их потомками, компромисс, который давал известные преимущества в социальной динамике, но унижал достоинство. На Гваделупе и сейчас зачастую человек воспринимается окружающими сквозь призму расовой принадлежности.

Африканский след в культуре? Туристов на Гваделупе удивляет почти полное отсутствие сувениров, которые несли бы на себе отпечаток собственно гваделупской, эксклюзивной самобытности. Почему дело обстоит так? Сообщества рабов, как правило, не создают специфичную материально-вещную среду. Прежде всего, потому, что она все равно не принадлежит им, так же как они сами не принадлежат себе. Одежду, нехитрую утварь и орудия труда они получают от хозяина. Что же касается культуры духовной, то воспроизводство ее блокировалось тремя важными факторами. Африканцы, которые прибыли на острова в трюмах невольничьих кораблей, происходили из разных мест, принадлежали к разным племенам и не могли общаться на своих родных языках [8, p. 111]. Это была сознательная политика колонизаторов — не воссоздавать на острове африканские сообщества, лишить исторической памяти, разрушить чувство единства, воспрепятствовать живому общению... Самым надежным способом разобщения было лишение рабов языка. Пленные африканцы должны были усвоить язык поработителей. Единственным языком общения в этой ситуации был креоль, — упрощенный и фонетически специфичный французский язык. М. Жиро констатировал: «Поскольку их (рабов) «идентичность» не коренилась более в стране исхода, но целиком формировалась на рабовладельческих плантациях, под давлением колониальной системы отношений, лежавших в основе всего, они не могли больше отстаивать право на радикальное культурное отличие от колонизаторов» [9, p. 379].

Африка — не мать, а мачеха. Африканский континент в ментальности большинства гваделупцев окрашен в мрачные тона. В их сознании нет места для светлого мифа о земле предков, нет позитивной исторической памяти. Африка в головах и душах темнокожих островитян выступает чаще всего как проклятие. Эвели — директор супермаркета в местечке Деэ — сформулировала это с афористичной определенностью: «Африка для нас — не мать, а мачеха». И пояснила: «Мы — не африканцы, поскольку нас в свое время вывезли. И произошло это потому, что были люди, которые нас продали, и эти люди, африканцы, точно так же виновны в наших страданиях, как те европейцы, которые нас покупали. И любой гваделупец вам скажет, что мы — не африканцы. У нас темный цвет кожи, вот и все. Но мы — не африканцы. Мы родились на Гваделупе, значит, мы — гваделупцы, французы, но не африканцы» [10]. Б. Хопкин, один из самых известных исследователей антильской идентичности, приводит слова некой Марии-Луизы Данше, пожилой островитянки, которая в поисках своих корней уехала в Африку в простодушной надежде вернуться в Дом.

«Из идейных соображений она поселилась в Сенегале, откуда отправлялись невольничьи корабли. Но была разочарована: «Меня уважали как француженку, но презирали как гваделупку. Люди обращались со мной как с дочерью раба» [11, р. 8]. Удивительно, но в сердцах и умах африканцев нет сочувствия к тем, чьи далекие предки когда-то без вины были проданы в рабство их соплеменниками. Они и поныне испытывают презрение к тем, кто имел несчастье быть поработченными и их потомкам, но при этом не отказывают в уважении к тем, кто принадлежит к нации порабощателей.

Литература

1. Glissant E. L'identité française se créolise // Le Figaro. 2002. 29 juillet.
2. Pineau G. L'Exil selon Julia. P., 1996.
3. Giraud M. Revendication identitaire et cadre national // Pouvoirs. № 113. L'outre-mer, 2005.
4. Maximin D. Il faut arrêter d'être esclave de l'esclavage (2006). URL: <http://www.linternaute.com/histoire/magazine/interview/daniel-maximin/retranscription-daniel-maximin.shtml>
5. Интервью авторов с Жаки Дагомеем. 13 января 2008 года. Абим // Фонотека авторов.
6. Интервью авторов с Дануж Патини. 17 января 2008 года. Пти Каналь // Фонотека авторов.
7. Pineau G. Planter mes racines dans la terre créole... déracinée pour l'éternité... Dossier réalisé par Chantal nglade et Françoise Simasotchi-Brones (2003). URL: http://remue.net/cont/Pineau_01entretien.html
8. Glissant E. Culture et colonisation: l'équilibre antillais // Esprit. 1962. Avril.
9. Giraud M. La patrimonialisation des cultures antillaises. Conditions, enjeux et dérives // Ethnologie française. V. XXIX. 1999.
10. Интервью авторов с Эвели. 12 января 2008 года. Деэ // Фонотека авторов.
11. Hopquin B. Guadeloupe: les séquelles de l'esclavage // Le Monde. 2006. 16 août.

Список литературы

Составитель — А.Н. Левкович, главный библиотекарь читального зала общественно-научной литературы Алтайской краевой научной универсальной библиотеки им. В.Я. Шишкова.

Книги из фондов АКУНБ им. В. Я. Шишкова

Актуальные вопросы Содружества Независимых Государств и связей России с соотечественниками за рубежом : материалы парламентских слушаний / Рос. Федерация, Гос. Дума; [сост.: М. И. Кротов и др. ; под общ. ред. Л. И. Калашникова]. – Москва : Изд. Гос. Думы, 2017. – 238, [1] с.: ил.

Актуальные проблемы международных отношений и внешней политики в XXI веке / [В. А. Аватков и др.]; под ред. Т. В. Кашириной и В. А. Аваткова ; Дипломат. акад. М-ва иностр. дел Рос. Федерации. – 2-е изд. – Москва : Дашков и К^о, 2018. – 410 с.

Алексеева, И. Ю. Философия исторической памяти / И. Ю. Алексеева, А. П. Алексеев // Вопросы философии. – 2018. – № 10. – С. 67-76.

Амин, С. Дискуссия о марксизме в Поднебесной / Самир Амин, Массимо Д'Алема ; беседовал Г. Цаголов // Наш современник. – 2018. – № 7. – С. 286-288.

Аникин, Д. А. Символическая борьба с советским прошлым: парад в контексте политики памяти / Д. А. Аникин // Власть. – 2014. – № 2. – С. 139-142.

Арабский кризис : угрозы большой войны / [Б. В. Долгов и др.] ; под общ. ред. акад. А. М. Васильева ; отв. ред. А. Д. Саватеев, А. Р. Шишкина ; Ин-т Африки РАН, Центр цивилизац. и регион. исслед., Нац. исслед. ун-т Высш. шк. экономики, Науч.-учеб. лаб. мониторинга рисков социал.-полит. дестабилизации. – Москва : URSS: ЛЕНАНД, 2016. – 337 с.: ил.

Ассман, А. Длинная тень прошлого : мемориальная культура и историческая политика / Алейда Ассман ; пер. с нем. Бориса Хлебникова. – Москва : Новое лит. обозрение, 2014. – 323, [1] с. – (Библиотека журнала «Неприкосновенный Запас») / Пер. изд.: Assmann, Aleida Der Lange Schatten der Vergangenheit. – Munchen, 2006.

Ахременко, А. С. Как и зачем измерять и сравнивать государственную состоятельность разных стран мира?: опыт имперического ис-

следования / А. С. Ахременко, И. Е. Горельский, А. Ю. Мельвиль // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 3. – С. 49-68.

Багдасарян, В. Э. Россия – Запад : цивилизационная война / В. Э. Багдасарян. – Москва : Форум: ИНФРА-М, 2018. – 408, [1] с. – (Научная мысль).

Бартош, А. А. Конфликты XXI века. Гибридная война и цветная революция / А. А. Бартош. – Москва : Горячая линия-Телеком, 2018. – 281, [1] с.

Басов, Ф. А. Антироссийские санкции как тест для общей внешней политики Евросоюза / Ф. А. Басов // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62, № 10. – С. 55-63.

Белов, С. И. Проблемы и перспективы измерения «мягкой силы» / С. И. Белов // Вестник Моск. ун-та. Сер. 25 «Международные отношения и мировая политика». – 2018. – Том 10. – № 1. – С. 165-184.

Беляков, А. В. Россия и Китай. Две твердыни : прошлое, настоящее, перспективы / Анатолий Беляков, Олег Матвейчев. – Москва : Книжный мир, 2017. – 378, [1] с.: ил.

Биткова, Т. Г. Внешнеполитические ориентиры Румынии: аналит. обзор / Т. Г. Биткова ; Рос. акад. наук, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам, [Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регион. проблем, Отд. Европы и Америки, Сектор Вост. Европы]. – Москва : ИНИОН РАН, 2016. – 96 с. – (Проблемы общественной трансформации в странах Восточной Европы и России).

Биттнер, В. США завоевывают Европу : стратегия дестабилизации, эскалации и милитаризации на примере событий на Украине / Вольфганг Биттнер ; [пер. с нем. С. Ромашко]. – Москва : РОССПЭН, 2016. – 166, [1] с.: ил., портр / Пер. изд.: Bittner, Wolfgang Die Eroberung Europas durch die USA. – Frankfurt, 2015.

Бобров, А. Дипломатия публичная или общественная – вот в чем вопрос / А. Бобров // Международная жизнь. – 2017. – № 5. – С. 188-197.

Богатуров, А. Д. История международных отношений, 1945–2017: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлениям «Междунар. отношения» и «Зарубеж. регионоведение» / А. Д. Богатуров, В. В. Аверков. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Аспект Пресс, 2018. – 559, [1] с.

Бордюгов, Г. А. «Войны памяти» на постсоветском пространстве / Геннадий Бордюгов ; предисл. Алана Касаева. – Москва : АИРО-XXI, 2011. – 255 с.: ил. – (Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ).

Браун, Дж. Антибрендинг России в американских медиа / Д. Браун // *Международные процессы*. – 2018. – Т. 16, № 2 (53): Апрель-июнь. – С. 91-121: 3 табл.

Василенко, И. А. Имиджевая стратегия России в контексте мирового опыта / И. А. Василенко // *Власть*. – 2013. – № 7. – С. 24-28: 2 табл.

Василенко, И. А. Имиджевая стратегия России: основные направления и приоритеты / Ирина Василенко // *Государственная служба*. – 2012. – № 4. – С. 22-27.

Василенко, И. А. Имиджевая стратегия современной Бразилии: слагаемые успеха, проблемы и перспективы / И. Василенко // *Государственная служба*. – 2013. – № 3. – С. 91-94: 3 табл.

Василенко, И. А. Создавая образ России : социокультурные основы имиджевой стратегии России / И. А. Василенко // *Свободная мысль*. – 2014. – № 1 (1643). – С. 87-94.

Васильев, В. И. Стратегические императивы Германии / В. И. Васильев // *Обозреватель*. – 2018. – № 3 (338). – С. 6-25.

Васильева, О. А. Национальный брендинг России / О. А. Васильева // *Маркетинг*. – 2014. – № 1 (134). – С. 54-59: табл.

Великая, А. Публичная дипломатия США в трансформирующемся мировом порядке / А. Великая // *Международная жизнь*. – 2017. – № 5. – С. 169-187.

Внешнеполитический процесс на Востоке: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлениям подготовки (специальностям) «Междунар. отношения» и «Зарубеж. регионоведение» / [В. А. Аватков и др.] ; под ред. Д. В. Стрельцова ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. – Москва : Аспект Пресс, 2018. – 349, [1] с.

Внешняя политика России, 1991–2016 / [Т. А. Шаклеина и др.] ; под общ. ред. и с предисл. акад. А. В. Торкунова ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации. – Москва : МГИМО-Университет, 2017. – 538, [1] с.

Воробьев, С. В. Историческая память как фактор «мягкой силы» / С. В. Воробьев, Т. В. Каширина // *Вопросы истории*. – 2018. – № 1. – С. 111-114.

Воронов, К. В. «Полтавский синдром» Швеции: тяжелое политическое наследие / К. В. Воронов // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2018. – Т. 62, № 12. – С. 75-82.

Восточная Европа: межгосударственные и этносоциальные отношения в XXI в. : сб. науч. тр. / Рос. акад. наук, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам, [Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регион. про-

блем, Отд. Вост. Европы; редкол.: Ю. И. Игрицкий (отв. ред.) и др.]. – Москва : ИНИОН РАН, 2016. – 167 с. – (Проблемы общественной трансформации в странах Восточной Европы и России).

Гасымлы, М. Внешняя политика Азербайджанской Республики (1991–2003) : [в 2 ч.] / Муса Гасымлы ; М-во иностр. дел. Азерб. Респ. – Москва : ИНСАН, 2016. – Ч. 2. – 2016. – 688 с., [16] л. ил., табл., карт.

Герасимов, Г. Исторический суверенитет и историческая политика / Григорий Герасимов // Эксперт. – 2018. – № 11. – С. 54-56.

Глобальные элиты в схватке с Россией / Александр Проханов [и др.]. – Москва : Кн. мир: Изборский клуб, 2017. – 509, [1] с.: ил. – (Коллекция Изборского клуба).

Государственная политика и управление : учеб. пособие для вузов / [Н. С. Григорьева и др.] ; под. ред. проф. А. И. Соловьева. – Москва : Аспект Пресс, 2017. – 478, [2] с.: ил.

Грачиков, Е. Н. Геополитика Китая: эгоцентризм и пространство сетей / Е. Н. Грачиков. – Москва : Русайнс, 2017. – 233 с.: ил.

Гущин, В. И. В Елгаве славят Сметону / Виктор Гущин // Стратегия России. – 2018. – № 11. – С. 17-18.

Дробот, Г. А. Лидерский потенциал России в глобальной политике / Г. А. Дробот // Вестник Московского университета. Сер. 27 «Глобалистика и геополитика». – 2018. – № 2. – С. 28-40.

Забара, Л. И. Геополитический имидж России в современном медийном пространстве / Л. И. Забара // Социум и власть. – 2018. – № 6. – С. 117-121.

Завгаев, Д. Мемориальная работа за рубежом как эффективный механизм укрепления взаимопонимания между народами / Д. Завгаев // Международная жизнь. – 2018. – № 8. – С. 85-90: фот. цв.

Загорский, А. В. Россия в системе европейской безопасности / А. В. Загорский ; Нац. исслед. ин-т мировой экономики и междунар. отношений им. Е. М. Примакова Рос. акад. наук. – Москва : ИМЭМО РАН, 2017. – 139 с.: ил.

Зайдениц, Ш. Эти страные немцы : пер. с англ. / Штефан Зайдениц, Бен Баркоу. – Москва : Альпина Паблишер, 2017. – 136, [1] с.: ил. / Пер. изд.: Zeidenitz, Stefan Xenophobe's guide to the germans/ Stefan Zeidenitz, Ben Barkow.

Звягельская, И. Д. Ближний Восток и Центральная Азия : глобальные тренды в региональном исполнении / Ирина Звягельская ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, Ин-т востоковедения РАН. – Москва : Аспект Пресс, 2018. – 217, [3] с.

Зыгарь, М. В. Война и миф / Михаил Зыгарь. – Расш. и доп. изд. – Москва : АСТ, 2017. – 315, [3] с. – (Ангедония. Проект Данишевского).

Иванюк, С. «Швед, русский – колет, рубит, режет...» : как в современной Полтаве глумятся над памятниками нашим предкам и их великой победой / С. Иванюк // Родина. – 2018. – № 7. – С. 109-112: 8 фото.

Ивашенцов, Г. А. Корейский тигр : впечатления и размышления посла России в Южной Корее / Глеб Ивашенцов. – Москва: Алгоритм, 2017. – 206, [1] с., [8] л. цв. ил.

Ильин, И. В. Теория и практика политической глобалистики / И. В. Ильин, О. Г. Леонова, А. С. Розанов ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Фак. глобальных процессов, Каф. глобалистики. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 2013. – 294, [1] с., [4] л. ил.: ил. – (Основы глобалистики. Политическое измерение).

Имиджевая стратегия России в контексте мирового опыта / [И. А. Василенко и др.] ; под ред. И. А. Василенко; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Фак. политологии, Каф. рос. политики. – Москва : Междунар. отношения, 2013. – 358, [1] с.: ил.

Ислам в мировой политике в начале XXI века : учебное пособие / [А. М. Ахунов и др.] ; под ред. Л. М. Ефимовой, М. А. Сапроновой; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Каф. востоковедения. – Москва : МГИМО-Университет, 2016. – 344, [2] с.

Историческая политика в XXI веке : [сборник статей] / науч. ред.: А. Миллер, М. Липман. – Москва : Новое лит. обозрение, 2012. – 646, [1] с. – (Библиотека журнала «Неприкосновенный Запас». Антропология, философия, политология, история).

История и память. Историческая культура Европы до начала нового времени : [сборник] / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук, Гос. ун-т гуманитар. наук; под ред. Л. П. Репиной. – Москва : Кругъ, 2006. – 767 с. – (Образы истории).

Кайзер, Н. Ю. Трансформация образов России в общественном мнении населения провинциального региона РФ: (по материалам социологических исследований в Алтайском крае) : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. социол. наук / Кайзер Наталья Юрьевна ; [Алт. гос. ун-т]. – Барнаул, 2010. – 18 с.: ил.

Капитонова, Н. К. История внешней политики Великобритании: учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлениям подготовки и специальностям «Междунар. отношения» и «Регионоведение» / Н. К. Капитонова, Е. В. Романова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. – Москва : Междунар. отношения, 2016. – 838, [1] с.: ил., портр. – (История внешней политики зарубежных стран).

Карпов, С. П. Размышления о понимании истории / С. П. Карпов // Вестник Московского университета. Сер. 9 «История». – 2018. – № 1. – С. 3-17.

Кирьянов, О. Владимирович. Южная Корея / Олег Кирьянов. – Москва : Рипол Классик, 2017. – 350, [1] с., [16] л. цв. ил.

Ковальчук, Ю. С. О чем думают японцы? : 1639 фактов : от сегуна до Toyota / Ю. Ковальчук. – Москва : РИПОЛ классик, 2018. – 287 с. – (Глазами иностранцев).

Кознова, И. Е. Сталинская эпоха в памяти крестьянства России/ Ирина Кознова. – Москва: РОССПЭН, 2016. – 463 с., [8] л. ил. – (История сталинизма / Совет При Президенте Рос. Федерации по развитию гражд. о-ва и правам человека и др.).

Коленько, С. Г. Менеджмент в социально-культурной сфере : учебник и практикум для СПО / С. Г. Коленько. – Москва : Юрайт, 2017. – 369, [1] с.: ил.

Копосов, Н. Е. Память строгого режима : история и политика в России / Николай Копосов. – Москва : Новое лит. обозрение, 2011. – 315, [1] с. – (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас». Антропология, философия, политология, история).

Коровин, В. М. Геополитика и предчувствие войны. Удар по России / Валерий Коровин. – Санкт-Петербург : Питер, 2018. – 286, [1] с.

Коростелев, С. В. Основы теории легитимации актов применения силы для защиты национальных интересов Российской Федерации в условиях становления новой геополитической модели мира / С. В. Коростелев. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2018. – 287 с.

Кошкин, А. А. Курильский пинг-понг. 100 лет борьбы за острова / Анатолий Кошкин ; с предисл. Николая Старикова. – Санкт-Петербург : Питер, 2018. – 445, [1] с. – (Николай Стариков рекомендует прочитать).

Красильникова, Е. И. Коммеморативное значение массовых похорон жертв Гражданской войны в губернских городах Западной Сибири / Е. И. Красильникова // Гуманитарные науки в Сибири. – 2014. – № 2. – С. 71-75.

Красильникова, Е. И. Октябрьские торжества в западносибирских городах 1930-х гг. : коммеморативный аспект / Е. И. Красильникова // Гуманитарные науки в Сибири. – 2013. – № 1. – С. 49-52.

Красильникова, Е. И. Прощание с В. И. Лениным и дни памяти вождя в административных центрах Западной Сибири (1924–1941): коммеморативные практики / Е. И. Красильникова // Вестник Новосибирского государственного университета. – 2014. – Т. 13, вып. 1. – С. 67-75.

Кузьминков, В. В. Россия и Япония : японский взгляд на территориальное размежевание / В. В. Кузьминков. – Москва : Квадрига: РИПОЛ классик, 2018. – 300, [3] с. – (Историко-географические исследования).

Кулиш, В. В. Функционирование исторической памяти в жизненном самоопределении выпускников школ современной России: (по материалам социологических исследований в Алтайском крае) : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. социол. наук / Кулиш Виталий Валерьевич ; [Алт. гос. пед. акад.]. – Барнаул, 2011. – 22 с.

Кьеза, Д. Русофобия 2.0 : болезнь или оружие Запада? / Джульетто Кьеза. – Москва: Э, 2016. – 283, [1] с. – (Актуальная тема).

Лавицкая, М. И. Отражение революционных событий 1917 года в российском общественном сознании / М. И. Лавицкая, А. А. Буреев // История государства и права. – 2018. – № 3. – С. 53-57.

Лазутин, Л. А. Меры укрепления доверия и безопасности : (политико-правовое исследование) / Л. А. Лазутин. – Москва : ИНФРА-М, 2017. – 161, [1] с. – (Научная мысль. Право).

Латов, Ю. В. Парадоксы восприятия современными россиянами России времён Л. И. Брежнева, Б. Н. Ельцина, В. В. Путина / Ю. В. Латов // Полис: Политические исследования. – 2018. – № 5. – С. 116-133: ил.

Лебедева, О. Современные инструменты «цифровой дипломатии» как важнейший элемент «мягкой силы» / О. Лебедева // Международная жизнь. – 2019. – № 5. – С. 102-111.

Левинсон, А. Три мировые войны / А. Левинсон // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. – 2014. – № 4 (96) (июль-август). – С. 123-128.

Лезина, Е. Преодоление непреодолимого / Е. Лезина; беседу вела И. Прусс // Знание-сила. – 2013. – № 7. – С. 73-79.

Лезина, Е. Преодоление непреодолимого: [беседа с политологом] / Е. Лезина; записала И. Прусс // Знание-сила. – 2013. – № 8. – С. 69-75. – Окончание. Начало: № 7

Локальная война в военно-политической стратегии США в начале XXI века / [Т. Б. Аничкина и др.]; под ред. В. И. Батюка; Ин-т Соединенных Штатов Америки и Канады Рос. акад. наук. – Москва : Весь мир, 2017. – 326 с.: ил.

Лузянин, С. Г. Россия – Китай: формирование обновленного мира / С. Г. Лузянин; Ин-т Дальнего Востока Рос. акад. наук. – Москва : Весь Мир, 2018. – 323 с.

Макаркин, А. В. Память о забытой войне : политические аспекты / А. В. Макаркин // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. – 2014. – № 4 (96) (июль-август). – С. 75-85.

Малинова, О. Ю. Комmemорация столетия революции(й) 1917 года в РФ: сравнительный анализ соперничающих нарративов / О. Ю. Малинова // Полис: Политические исследования. – 2018. – № 2. – С. 37-56: ил.

Малкин, С. Г. Лаборатория империи : мятеж и колониальное знание в Великобритании в век Просвещения / С. Г. Малкин. – Москва : Новое лит. обозрение, 2016. – 646, [2] с. – (История науки).

Мартынова, А. В. О чем думают непальцы? : 1768 фактов : от Катманду до дал-бата / А. Мартынова. – Москва : РИПОЛ классик, 2018. – 303 с. – (Глазами иностранцев).

Матвеева, Н. А. Формирование социального здоровья учащейся молодежи : практ. рекомендации / Н. А. Матвеева ; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Алт. гос. пед. ун-т. – Барнаул : АлтГПУ, 2018. – 27 с.

Мерзлякова, И. Л. Историческое сознание российского общества в условиях социально-политической модернизации в конце XX – начале XXI в. / И. Л. Мерзлякова ; отв. ред. д-р полит. наук, проф. А. М. Старостин. – Москва : Русайнс, 2016. – 183 с.

Миллер, А. И. Политика памяти и историческая наука/ А. И. Миллер, О. Ю. Малинова, Д. В. Ефременко // Российская история. – 2018. – № 5. – С. 128-140.

Мироненко, В. И. Заглянуть за нарратив. Историческая экспертиза текста Дж. Верча / Виктор Мироненко // Современная Европа. – 2018. – № 3. – С. 144-151.

Настоящее прошлого : как обходиться с историей и памятью? : [материалы российско-немецкого коллоквиума, Москва, 19-20 июня 2008 г.] / сост. Фальк Бомсдорф, Галина Козлова. – Москва : Фонд Фридриха Науманна, Моск. бюро, 2009. – 183, [1] с. – (Библиотека либерального чтения; 22).

Национальная безопасность России в условиях глобализации: геополитический подход / [Л. В. Воронцова и др.] ; под ред. А. П. Кочеткова, А. В. Опалева. – Москва : ЮНИТИ, 2018. – 231 с.

Неверов, А. Я. Формирование исторической памяти как способ манипулирования общественным сознанием/ А. Я. Неверов // Социум и власть. – 2018. – № 1. – С. 134-139.

Никифоров, А. Л. Правда и истина как ключевые понятия философии истории: к эпистемологической оценке исторических сочинений/

А. Л. Никифоров, Т. Д. Соколова // Вопросы философии. – 2018. – № 12. – С. 81-85.

Окороков, А. В. Советский Союз и войны в Латинской Америке / А. В. Окороков. – Москва : Вече, 2018 [т.е. 2017]. – 237, [2] с., [8] л. ил., портр. – (Локальные войны России).

От биполярного к многополярному миру : латиноамериканский вектор международных отношений в XXI веке / [В. Л. Хейфец и др.] ; отв. ред. В. Л. Хейфец. – Москва : РОССПЭН, 2019. – 493, [1] с.

Перепелкин, Л. С. Проблема «Иного» в российской жизни : феномен социальных границ и объект национально-культурной политики / Л. С. Перепелкин. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2018. – 110, [1] с.: ил., портр.

Полицентричный ядерный мир : вызовы и новые возможности / [А. Арбатов и др.] ; под ред. Алексея Арбатова и Владимира Дворкина ; Моск. центр Карнеги. – Москва : РОССПЭН, 2017. – 220, [1] с.: ил.

Рущинская, И. И. Генезис мемориального пейзажа в советской живописи сталинской эпохи / И. И. Рущинская // Вестник Московского университета. Сер. 9 «История». – 2018. – № 4. – С. 129-138.

Санаи, М. Взаимоотношения Ирана и Центральной Азии: тенденции и перспективы / Мехди Санаи ; [перевод: М. Махшулов]. – Санкт-Петербург : Петерб. Востоковедение; Москва: Садра, 2017. – 313, [4] с., [1] л. портр.: табл., карты.

Святославский, А. В. История ничему не учит? / рец. А. В. Святославский // Вопросы культурологии. – 2013. – № 5 (май). – С. 82-86: порт. – Рец. на кн.: Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке / отв. ред. Н. А. Кочеляева ; Российский институт культурологии. – Москва : Совпадение, 2012. – 168 с.

Селентьева, Д. О. Политическая имиджелогия: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры : для студентов вузов, обучающихся по гуманитар. Направлениям / Д. О. Селентьева. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Юрайт, 2017. – 191, [2] с.

Семененко, И. С. Прошлое на переднем крае политики идентичности / И. С. Семененко // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62, № 11. – С. 65-76.

Серяков, М. Л. Русь: имя, образы и смыслы / М. Л. Серяков. – Москва : Вече, 2017. – 351 с.: ил. – (Неведомая Русь).

Синельников, В. В. Хранители древних знаний: тайна переписки Даррунга / Валерий Синельников и Андрей Ивашко. – Москва : Центрполиграф, 2014. – 478, [1] с.: ил. – (Популярная история).

Синельникова, Е. С. Историческая память о 90-х годах XX века в России : психологические аспекты / Е. С. Синельникова, Е. В. Зиновьева // Вестник Московского университета. Сер. 9 «История». – 2018. – № 4. – С. 74-88.

Слуцкий, Л. Чем больше американские притязания на мировое господство, тем больше шельмуется Россия / Л. Слуцкий; беседовал А. Оганесян // Международная жизнь. – 2018. – № 9. – С. 37-46: фот.

Современная мировая политика: учеб. для использования в учеб. процессе образоват. учреждений, реализующих программы высш. образования по направлениям подготовки «Междунар. отношения» (уровень магистратуры) и «Полит. науки и регионоведение» (уровень аспирантуры) / [А. В. Атаев и др.]; под ред. д-ра ист. наук, проф. Е. П. Бажанова; Дипломат. акад. М-ва иностр. дел Рос. Федерации. – 2-е изд. – Москва: Дашков и К°, 2019. – 449 с.

Сондерс, Г. Г. Устойчивый диалог в конфликтах: трансформации и изменения / Гарольд Г. Сондерс; пер. с англ. Ирины Поляничевой; под науч. ред. Александра Аксененка и Ирины Звягельской. – Москва: Аспект-пресс, 2019. – 380, [1] с., [2] л. ил.: портр.

Союзное государство Беларуси и России: от Сообщества к построению единого государства / [Р. А. Курбанов и др.]; под ред. Г. А. Рапоты, Р. А. Курбанова; Постоян. ком. Союз. государства Беларуси и России, Ин-т правовых исслед. и регион. интеграции РЭУ им. Г. В. Плеханова. – Москва: ЮНИТИ, 2017. – 591 с., [34] л. ил.

СССР и США в XX веке: восприятие «другого»: [сб. ст. по результатам одной из междунар. конференций] / Германский ист. ин-т в Москве, Дюссельдорфский ун-т им. Генриха Гейне, Орхусский ун-т; отв. сост.: Беате Физелер и Роза Магнусдоттир. – Москва: РОССПЭН, 2017. – 255, [1] с., [8] л. ил.

Стрелова О. Ю. Год российской истории и историческое образование / О. Ю. Стрелова, авт. Е. Е. Вяземский // Преподавание истории и обществознания в школе. – 2012. – № 2. – С. 25-35.

Строганова, Е. Д. США и левые режимы Латинской Америки, вторая половина XX – начало XXI в. / Е. Д. Строганова; Федер. агентство науч. орг., Ин-т социологии РАН. – Москва: Весь Мир, 2017. – 287 с.: портр., карты.

Сухнев, В. Ю. Неблагодарная Европа: заметки на полях санкционных списков / В. Ю. Сухнев // Стратегия России. – 2018. – № 5. – С. 31-40.

Талыбов, Р. Страны Азии в системе международных отношений: учеб. для вузов / Рза Талыбов. – Москва: ИНСАН, 2016. – 300 с.

Тиханкина, С. А. Проект «Освободители Аушвица» : опыт и проблемы / С. А. Тиханкина/ Светлана Анатольевна Тиханкина // Преподавание истории и обществознания в школе. – 2018. – № 1. – С. 30-34.

Тихвинский, С. Л. Восприятие в Китае образа России / С. Л. Тихвинский ; Рос. акад. наук, Ин-т Дальнего Востока. – Москва : Наука, 2008. – 244, [2] с.

Тюкаркина, О. М. Роль коммуникационной стратегии в формировании имиджа современной России / Ольга Тюкаркина // Власть. – 2012. – № 3. – С. 143-145.

Фарис, В. Г. Память об участии ассирийцев в Великой Отечественной войне как фактор поддержания этнической идентичности московской ассирийской общины / В. Г. Фарис // Преподавание истории в школе. – 2018. – № 5. – С. 81-83.

Федорченко, Л. Политика патриотического воспитания студентов в США и Китае : сравнительный анализ / Л. Федорченко // Обозреватель=Observer. – 2019. – № 3. – С. 82-60.

Хауер-Тюкаркина, О. М. Аспекты формирования внешнеполитической имиджевой стратегии современной ФРГ / Ольга Хауер-Тюкаркина. – Владимир : Транзит-Икс, 2013. – 178, [1] с.: ил.

Шаклеина, Т. А. Россия и США в мировой политике : для магистрантов и аспирантов, обучающихся по специальностям «Политология», «Зарубежное регионоведение», «Междунар. отношения» / Т. А. Шаклеина ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Аспект Пресс, 2018. – 332, [4] с.

Шамшева, Т. Н. Увидеть Париж – и умереть: беседа с хранителями исторической памяти на погосте русской эмиграции в Сент-Женевьев-де-Буа / Татьяна Шамшева, Николай Лопухин; беседовал В. Нордвик // Родина. – 2018. – № 9. – С. 59-69: 34 фото.

Шешунова, С. В. Национальный образ мира и межкультурная коммуникация в творчестве И. С. Шмелева / С. В. Шешунова. – Москва : URSS: ЛЕНАНД, 2017. – 194 с.

Энтин, М. Л. В поисках партнерских отношений / М. Л. Энтин, Е. Г. Энтина, Н. И. Тнэлм ; [Моск. гос. ин-т междунар. отношений МИД России, Нац. исслед. ун-т «Высш. шк. экономки», Ин-т Европы РАН, Балт. федер. ун-т]. – Москва: Зебра Е, 2009. – 6: Россия и Европейский Союз в 2015–2016 годах. – 2017. – 810, [3] с..

Информация об Алтайской школе политических исследований

АШПИ возникла в 1996 г., статус учебно-научной лаборатории Алтайского государственного университета Школа получила в 1998 г.

Директор АШПИ — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений АГУ, руководитель Алтайского отделения Российской ассоциации политической науки Юрий Георгиевич Чернышов. Заместитель директора — кандидат исторических наук, доцент Вячеслав Николаевич Козулин.

Деятельность Школы направлена на развитие межфакультетского и межвузовского сотрудничества в области политических наук. Главные принципы Школы — неангажированность, научность, демократизм. АШПИ стремится объединить ученых самых разных специальностей — историков, политологов, международников, социологов, экономистов, юристов и др. В работе Школы уже приняли участие десятки известных отечественных и зарубежных экспертов, докторов и кандидатов наук. В проектах Школы участвуют также представители власти, общественные деятели, предприниматели, журналисты. Студенты и аспиранты приобретают ценные практические навыки по организации научных конференций и проведению прикладных политологических исследований (в частности, в рамках молодежного отделения АШПИ — студенческой организации «Международник»).

Школа стремится сочетать в своей деятельности науку и практику, высокий профессионализм и активную гражданскую позицию.

Одно из главных направлений работы Школы — *проведение международных научно-практических конференций, издание сборников* по актуальным проблемам политической жизни.

Конференции, материалы которых были изданы в виде выпусков «Дневника АШПИ»:

28 мая 1996 г. — Тоталитаризм и его преодоление: актуальные уроки истории.

16 июля 1996 г. — Принципы самоуправления в федеральных системах России и Германии.

31 января 1997 г. — Власть и собственность: к итогам губернаторских выборов в России.

16–18 июля 1997 г. — Политическая система и политическая жизнь в современной России (проблемы федерального и регионального уровней).

27 января 1998 г. — Интеллигенция и власть.

17–18 июля 1998 г. — Становление гражданского общества в России: проблемы и перспективы.

30–31 июля 1999 г. — Роль парламента в демократическом государстве.

28 января 2000 г. — Интеллигенция и «новый авторитаризм».

16 мая 2000 г. — Становление демократического, правового, социального государства и профсоюзы: практика, проблемы, перспективы.

15–16 июля 2000 г. — Россия после выборов: перспективы экономического и политического развития.

10–11 февраля 2001 г. — Западная Сибирь: регион, экономика, инвестиции.

15–16 мая 2001 г. — Человек и мир работы: социально-политические, профессиональные, антропологические аспекты профсоюзной деятельности.

14–15 июля 2001 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития.

16–17 июля 2001 г. — Республика Алтай и реформы в экономике и федеративном устройстве России.

8 октября 2001 г. — Проблемы и перспективы сотрудничества третьего сектора с властью.

22 января 2002 г. — Реформа образования и гражданское общество.

2 июля 2002 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития. Вступление России в ВТО. Борьба с международным терроризмом. Женщина и политика.

1–2 июля 2003 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития. Постсоветское пространство: проблемы интеграции. Женщина и выборы.

29 апреля 2004 г. — Региональные выборы 2004 г. — волеизъявление народа или триумф технологий?

1–3 июля 2004 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (трансграничное сотрудничество и проблемы национальной безопасности).

1–2 июля 2005 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (национальная, региональная идентичность и международные отношения).

4–5 июля 2006 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (этноконфессиональные конфликты и вызовы XXI века).

27–28 сентября 2007 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (международный имидж России в XXI веке).

13–14 сентября 2008 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (роль российских регионов в формировании имиджа страны).

19–20 сентября 2009 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (роль политических лидеров в формировании имиджа страны и региона).

17–18 сентября 2010 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (Россия и Западная Европа: влияние образов стран на двусторонние отношения).

23–24 сентября 2011 г. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Разрешение межгосударственных конфликтов: актуальный опыт истории и современность)

20–21 сентября 2012 г. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Информационные войны в международных отношениях)

26–28 сентября 2013 г. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Запад и Восток: межцивилизационные взаимодействия и международные отношения)

25–27 сентября 2014 г. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Трансграничные мигранты и общество страны пребывания: взаимное восприятие и проблемы межкультурного взаимодействия).

28–30 сентября 2015 г. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Запад и Восток: регионы в трансграничном взаимодействии).

29–30 сентября 2016 г. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Сепаратизм и его роль в мировом политическом процессе).

28–29 сентября 2017 г. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Имидж страны как фактор «мягкой силы» в международных отношениях).

27–28 сентября 2018 г. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Ресурсы «мягкой силы»: опыт использования государственными и негосударственными акторами).

26–27 сентября 2019 г. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Политика памяти и формирование международного имиджа страны).

Кроме этого, Школа постоянно занимается *просветительской работой* — организацией «круглых столов», чтением лекций, публикацией статей в газетах и т.д. Эксперты Школы много раз выступали с оценками политической ситуации в СМИ. На телевидении и радио были проведены «круглые столы» на темы об итогах выборов в Государственную Думу, о президентских и губернаторских выборах, о многопартийной системе, о Дне Независимости России, о национальной идее в России, о борьбе с терроризмом, о реформе избирательной системы, о соблюдении прав человека, о содержании различных законопроектов и т.д. Руководитель АШПИ представлял Алтайское отде-

ление РАПН на Конгрессах политологов, проходивших в Москве; участвовал в работе Гражданского Форума в Москве и Санкт-Петербурге, в Конвенте РАМИ в МГИМО (У) МИД РФ и т.д.

Еще одно направление деятельности — **консультирование, проведение прикладных политологических исследований**. Во время выборов депутатов Государственной Думы, президентских и губернаторских выборов эксперты АШПИ неоднократно проводили фокус-группы, телефонные и анкетные опросы. Итоги большинства этих опросов опубликованы в печати.

Результаты научной деятельности АШПИ подробно представлены на интернет-сайте, где размещены тексты всех «Дневников АШПИ», а также отдельные статьи экспертов, материалы исследований, разнообразные информационные ресурсы. Этот сайт является победителем призового конкурса «Лучший сайт», проводившегося «Project Harmony» в рамках программы «Обучение и доступ к Интернет» в 2000 г., и 3-го регионального конкурса «Интернет — Мир без провинций» в 2001 г. В 2005 г. во Всероссийском конкурсе научных работ, проведенном Российской ассоциацией политической науки, серийному изданию «Дневник АШПИ» было присуждено второе место. В мае 2008 г. АШПИ стала лауреатом IV Интернационального конкурса «Имидж-директория» и была награждена Почетным дипломом в номинации «Проект года в имиджологической науке» за сборник «Дневник Алтайской школы политических исследований №23. Современная Россия и мир: альтернативы развития (международный имидж России в XXI веке)».

АШПИ продолжает научно-просветительскую работу и приглашает к сотрудничеству всех, кто умеет самостоятельно мыслить, кто стремится сделать жизнь россиян более достойной и свободной.

✉ 656049 г. Барнаул,
просп. Ленина, 61, к. 310
☎ Tel./fax (3852) 29-12-74
📧 E-mail: ashpi@hist.asu.ru
🌐 <http://ashpi.asu.ru>

Информация об авторах

Аршинцева Ольга Алексеевна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Белов Сергей Игоревич

Кандидат исторических наук, исполнитель по гранту; ученый секретарь, Санкт-Петербургский государственный университет; Центральный музей Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., г. Балашиха

Березняков Дмитрий Владимирович

Кандидат политических наук, доцент кафедры социальной философии и политологии Института философии и права Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск

Бетмакаев Алексей Михайлович

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Вальдман Игорь Александрович

Кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и массовых коммуникаций Новосибирского государственного технического университета, г. Новосибирск

Гайкин Виктор Алексеевич

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока (ДВО РАН), г. Владивосток

Глазунов Дмитрий Александрович

Кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой востоковедения Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Голунов Сергей Валерьевич

Доктор политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН, г. Москва

Гончарова Наталья Петровна

Кандидат социологических наук, доцент, зав. кафедрой государственного и муниципального управления Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Барнаул

Громова Ольга Алексеевна

Аспирант факультета гуманитарного образования направления «Философия, этика и религиоведение» (профиль «Социальная философия») Новосибирского государственного технического университета, г. Новосибирск

Дергачева Влада Евгеньевна

Магистрант кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Желдыбаева Акерке Талгатбеккызы

Специалист Центра обслуживания студентов в Казахстано-Американском Свободном Университете, г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан, магистрант направления «Международные отношения» Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Жидкова Оксана Витальевна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры регионального управления и национальной политики Одинцовского филиала МГИМО МИД России

Золотарев Федор Евгеньевич

Студент Департамента международных отношений Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Ирхин Юрий Васильевич

Доктор философских наук, профессор, профессор РАНХиГС при Президенте РФ и профессор РГГУ, г. Москва

Коваленко Людмила Георгиевна

Кандидат философских наук, доцент, г. Барнаул

Козлов Сергей Васильевич

Кандидат исторических наук, доцент, декан факультета политики и международных отношений Сибирского института управления — филиала РАНХиГС при Президенте РФ, г. Новосибирск

Козулин Вячеслав Николаевич

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, заместитель директора АШПИ, г. Барнаул

Коровникова Наталья Александровна

Кандидат политических наук, старший научный сотрудник, доцент, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, Московский институт экономики, политики и права (МИЭПП), г. Москва

Красильникова Екатерина Ивановна

Доктор исторических наук, доцент, профессор Новосибирского государственного технического университета, г. Новосибирск

Кремлев Алексей Викторович

Магистрант факультета исторических и политических наук направления «История» Томского государственного университета, г. Томск

Курныкин Олег Юрьевич

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Леденев Денис Вячеславович

Аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Лекаренко Оксана Геннадьевна

Доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск

Литвинова Татьяна Николаевна

Доктор политических наук, профессор кафедры регионального управления и национальной политики Одинцовского филиала МГИМО МИД России

Лысенко Юлия Александровна

Доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры востоковедения Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Мальшева Нина Сергеевна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Марков Борис Васильевич

Доктор политических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург

Назаршоева Сакина Фарухшоевна

Аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Никитин Дмитрий Сергеевич

Кандидат исторических наук, ведущий библиограф, Томский государственный университет, г. Томск

Реут Олег Чеславович

Кандидат технических наук, старший научный сотрудник, Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск

Рокки Тони (Roschi Tony)

Научный сотрудник Справочной библиотеки Торонто (Toronto Reference Library), магистр исторических наук и магистр библиотековедения, г. Торонто, Канада

Савоськин Алексей Максимович

Магистрант кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Савинов Леонид Вячеславович

Доктор политических наук, декан факультета государственного и муниципального управления Сибирского института управления — филиала РАНХиГС при Президенте РФ, г. Новосибирск

Самойлов Никита Юрьевич

Аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Сковородников Александр Васильевич

Кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Смирнова Вера Александровна

Кандидат исторических наук, преподаватель кафедры гуманитарных наук РНИМУ им. Н. Пирогова, г. Москва

Тарасова Елена Владимировна

Кандидат исторических наук, научный сотрудник Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Токеева Асель Амантаевна

Ph.D докторант кафедры языков и перевода региона Китая и АТР Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, Республика Казахстан, г. Алматы

Турьинская Христина Михайловна

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, Института Африки РАН, г. Москва

Ульянов Павел Владимирович

Ассистент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Филиппов Василий Рудольфович

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН, г. Москва

Филиппова Елена Ивановна

Доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва

Харитонов Александр Михайлович

Научный сотрудник ФГБУН «Тихоокеанский институт географии ДВО РАН», г. Владивосток

Чернышов Юрий Георгиевич

Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, директор АШПИ, г. Барнаул

Щепеткова Анастасия Владимировна

Студентка исторического факультета направления «Международные отношения» Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Содержание

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ И ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ИМИДЖА СТРАНЫ.....3

*Чернышов Ю.Г. Политика памяти и международный опыт
ее использования.....4*

1. ПОЛИТИКА ПАМЯТИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ВЗАИМНОЕ ВОСПРИЯТИЕ СТРАН И НАРОДОВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ 9

*Коваленко Л.Г. Политика памяти как механизм влияния
на политический процесс.....9*

Коровникова Н.А. Политика памяти: аксиологический аспект...13

*Красильникова Е.И. Политика памяти в прошлом
и настоящем Сибири (XX — начало XXI в.):
перспективы изучения.....17*

Марков Б.В. Факты и ценности в исторической памяти22

Савинов Л.В. Политика памяти и национальный дискурс26

2. ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОРИИ И ОБРАЗЫ СТРАН В ПЕРИОДЫ ДО 1991 Г. 33

*Белов С.И. Образ Америки в советском историческом
кинематографе периода Холодной войны.....33*

*Гайкин В.А. Корейские студенты в Японии и
Первомартовское движение 1919 г. в Корее (к 100-
летию антияпонского восстания 1919 г.)38*

*Глазунов Д.А. Политика памяти и решение этнических
вопросов в Синьцзяне (конец 1970-х —
начало 1980-х годов).....41*

*Дергачева В.Е. Карибский кризис в оценке советской
и российской историографии.....45*

*Козулин В.Н. Образ Александра Невского в отечественной
исторической литературе49*

*Никитин Д.С. «Старая Индия» в риторике Индийского
национального конгресса (конец XIX в.)56*

*Рокки Т. Политика памяти и имидж Франции:
террор во Французской революции59*

*Смирнова В.А. История отечественной медицины:
историческая память о зарубежном влиянии.....65*

<i>Харитонов А.М. Современная геополитическая идеология против средневековой географической реальности (Древняя Русь и ее соседи на современной географической карте)</i>	<i>71</i>
<i>Щепеткова А.В. Оценки Великой французской революции в отечественной историографии XX–XXI вв.</i>	<i>76</i>
<i>Arshintseva O.A. History, Political Values and US Foreign Policy: Peacemaking Diplomacy of President W. Wilson, 1918</i>	<i>81</i>
3. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ И ИМИДЖЕВАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	87
<i>Березняков Д.В., Козлов С.В. Символические ресурсы политики памяти на постсоветском пространстве в условиях «государственного строительства наоборот»</i>	<i>87</i>
<i>Бетмакаев А.М. Нелиберальная демократия и политика памяти в Венгрии</i>	<i>91</i>
<i>Вальдман И.А. Парк-музей «Россия — моя история» как опыт современной российской политики памяти.....</i>	<i>97</i>
<i>Голунов С.В. Территориальная идентичность по отношению к «сопредельному Другому» и меняющийся городской ландшафт: случаи Корсакова и Южно-Курильска</i>	<i>103</i>
<i>Желдыбаева А.Т. Политика памяти и культурный имидж Республики Казахстан</i>	<i>108</i>
<i>Жидкова О.В. Политика памяти и популяризация исторического знания в России</i>	<i>112</i>
<i>Золотарев Ф.Е. Имидж России и энергетическая сфера в российско-европейских отношениях.....</i>	<i>118</i>
<i>Ирхин Ю.В. Анализ стадий генезиса России как уникальной евразийской цивилизации и российского государства в парадигме политики памяти.....</i>	<i>122</i>
<i>Курныкин О.Ю. Политика памяти в Индии и формирование имиджа страны</i>	<i>127</i>
<i>Красильникова Е.И., Громова О.А. Политика и память: Гражданская война в Сибири в отражении монументов разных эпох</i>	<i>134</i>
<i>Кремлев А.В., Лекаренко О.Г. Политика памяти и формирование международного имиджа Республики Северная Македония</i>	<i>139</i>

<i>Леденев Д.В. «Войны памяти» на постсоветском пространстве</i>	144
<i>Литвинова Т.Н. Политизация результатов Кавказской войны в деятельности черкесских организаций России и Турции</i>	149
<i>Лысенко Ю.А., Гончарова Н.П., Тарасова Е.В. Гражданская война 1918–1921 гг. в исторической памяти населения постсоветской Центральной Азии</i>	154
<i>Мальшиева Н.С. Формирование ЕС в политике памяти европейских государств</i>	158
<i>Назаршоева С.Ф. Гражданская война и политика памяти в Республике Таджикистан</i>	161
<i>Реут О.Ч. Противоречия современной российской мемориальной политики</i>	165
<i>Савоськин А.М. Использование политики памяти в рамках формирования национальных государств на Балканах после Югославских войн</i>	169
<i>Самойлов Н.Ю. Североирландский конфликт в массовой культуре Великобритании и Ирландии (1998–2018 гг.)</i>	173
<i>Сковородников А.В. Фактор Косовской битвы в формировании сербской национальной идентичности</i>	178
<i>Токеева А.А., Чернышов Ю.Г. Политика памяти и экономическое сотрудничество: пример реализации стратегии Китая «Один пояс — один путь» в Казахстане</i>	183
<i>Турьинская Х.М. Переосмысляя наследие уджамаа: танзанийская нация</i>	188
<i>Ульянов П.В. Эволюция оценок Первой мировой войны в России (1991–2018 гг.)</i>	193
<i>Филиппова Е.И., Филиппов В.Р. Рабство в исторической памяти гваделупцев</i>	199
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	204
ИНФОРМАЦИЯ ОБ АЛТАЙСКОЙ ШКОЛЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	215
ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ	220
СОДЕРЖАНИЕ	224

Серийное научное издание

**Дневник Алтайской школы политических исследований №35.
Современная Россия и мир: альтернативы развития
(Политика памяти и формирование
международного имиджа страны)**

Сборник научных статей

Публикуется в авторской редакции

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997

Подписано в печать 21.10.2019

Дата выхода: 25.10.2019

Формат 60x84/16.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 13,25.

Тираж 75 экз. Заказ 502

Типография Алтайского государственного университета
656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66